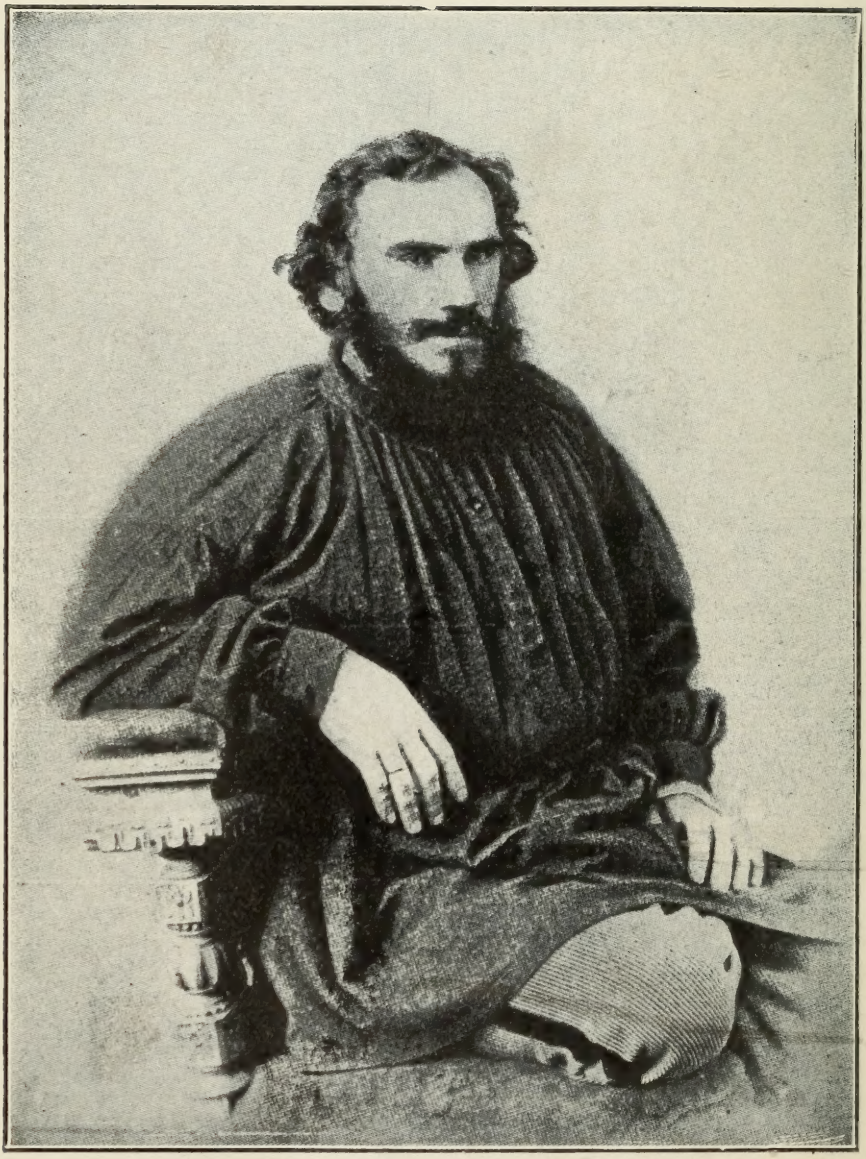
3 1761 08820916 8



Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1868 году.

T6545 ри

Библіотека Избранныхъ Сочиненій Русскихъ Писателей.

Л. Н. Толстой.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

Put' zhizni

Составилъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Томъ II.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

45-9314
14.3.47

Международное Книгоиздательство.

Нью-Іоркъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/putzhizni02tols

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

Ложныя вѣры. 1

Ложная наука. 25

Усиліе. 63

Жизнь въ настоящемъ. 85

Недѣланіе. 109

Слово. 127

Мысль. 145

Самоотреченіе. 171

Смиреніе. 205

Правдивость. 227

Зло. 253

Смерть. 283

Послѣ смерти. 315

Жизнь благо. 341

ЛОЖНЫЯ ВѢРЫ.

ЛОЖНЫЯ ВѢРЫ.

Ложныя вѣры, это—такіе вѣры, которыя люди принимаютъ не потому, что онѣ нужны имъ для души, а только потому, что вѣрятъ тѣмъ, кто ихъ проповѣдуетъ.

I.

Въ чемъ состоитъ обманъ ложныхъ вѣръ?

1. Часто люди думаютъ, что они вѣрятъ въ законъ Бога, а они вѣрятъ только въ то, во что вѣрятъ всѣ. Всѣ же вѣрятъ не въ законъ Бога, а называютъ закономъ Бога то, что подходитъ къ ихъ жизни и не мѣшаетъ имъ вести ее.

2. Если люди живутъ въ грѣхахъ и соб-

лазнахъ, то они не могутъ быть спокойны. Совѣсть обличаетъ ихъ. И потому такимъ людямъ нужно одно изъ двухъ: или признать себя виноватыми передъ людьми и Богомъ, перестать грѣшить, или продолжать жить грѣшной жизнью, дѣлать дурныя дѣла и называть свои злыя дѣла добрыми. Вотъ для такихъ-то людей и придуманы ученія ложныхъ вѣръ, по которымъ можно, живя дурной жизнью, считать себя правыми.

3. Дурно лгать передъ людьми, но еще хуже лгать передъ самимъ собою. Вредна такая ложь особенно тѣмъ, что во лжи передъ людьми люди уличатъ тебя, во лжи же передъ собой тебя некому уличить. И потому берегись лгать передъ самимъ собою, особенно когда дѣло идетъ о вѣрѣ.

4. „Вѣрь или будь проклятъ". Въ этомъ главная причина зла. Если человѣкъ принимаетъ безъ разсужденія то, что онъ долженъ бы былъ разобрать своимъ разумомъ, человѣкъ въ концѣ концовъ отвыкаетъ отъ разсужденія и подпадаетъ проклятію самъ и вводитъ въ грѣхъ своихъ ближнихъ. Спасеніе людей въ томъ, чтобы каждому научиться думать своимъ умомъ.

Эмерсонъ.

5. Нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить того вреда, который производили и производятъ ложныя вѣры.

Вѣра есть установленіе отношенія человѣка къ Богу, къ міру и вытекающее изъ этого отношенія опредѣленіе своего назначенія. Какова же должна быть жизнь человѣка, если это отношеніе и вытекающее изъ него опредѣленіе назначенія ложны?

6. Могутъ быть три рода ложной вѣры. Первая ложная вѣра — это вѣра въ возможность познанія черезъ опытъ того, что по законамъ опыта не можетъ быть допущено. Вторая ложная вѣра состоитъ въ допущеніи для нашего нравственнаго совершенствованія того, о чемъ мы нашимъ разумомъ не можемъ составить никакого понятія. Третья ложная вѣра — это признаніе возможности призвать сверхъестественнымъ путемъ такое таинственное дѣйствіе, посредствомъ котораго божество будетъ вліять на нашу нравственность.

Кантъ.

II.

Ложныя вѣры отвѣчаютъ не высшимъ, а низшимъ требованіямъ души человѣческой.

1. Единая истинная религія не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ законовъ, то-есть такихъ нравственныхъ началъ, безусловную необходимость которыхъ мы можемъ сами сознать и изслѣдовать и которые мы сознаемъ нашимъ разумомъ.

Кантъ.

2. Человѣкъ можетъ угодить Богу только хорошей жизнью. И потому все то, чѣмъ, кромѣ хорошей, чистой, доброй жизни, человѣкъ думаетъ угодить Богу, все это грубый и вредный обманъ.

По Канту.

3. Покаяніе человѣка, который истязуетъ себя вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись своимъ настроеніемъ, поскорѣе измѣнить къ лучшему свой образъ жизни, это даромъ потраченный трудъ, и, кромѣ того, такое покаяніе влечетъ за собою еще то дурное послѣдствіе, что человѣкъ считаетъ, что онъ однимъ этимъ (по-

каяніемъ) погасилъ списокъ своихъ долговъ и не заботится уже о самосовершенствованіи, которое одно только и нужно при сознаніи своихъ нравственныхъ ошибокъ.

Кантъ.

4. Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но еще хуже то, когда люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Лактанцій.

5. Говорятъ: Богъ создалъ человѣка по образу Своему; надо бы скорѣе сказать, что человѣкъ по своему образу создалъ Бога.

Лихтенбергъ.

6. Когда говорятъ о небѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ находятся блаженные, то обыкновенно представляютъ себѣ его гдѣ-то высоко надъ собою въ необъятныхъ міровыхъ пространствахъ. Но при этомъ забываютъ о томъ, что наша земля, разсматриваемая изъ тѣхъ міровыхъ пространствъ, такъ же представляется одной изъ небесныхъ звѣздъ, и что жители тѣхъ міровъ съ такимъ же правомъ могли бы показать на землю и сказать: „Видите вонъ ту звѣзду — мѣсто вѣчнаго блаженства, небесный пріютъ, приготовленный для насъ, куда мы

когда-нибудь попадемъ". Дѣло въ томъ, что по странной ошибкѣ нашего ума полетъ нашей вѣры всегда соединенъ съ понятіемъ о восхожденіи вверхъ, при чемъ не думаютъ о томъ, что, какъ бы высоко мы ни поднимались, намъ все-таки придется опять опуститься внизъ, чтобы стать твердой ногой въ какомъ-нибудь другомъ мірѣ.

7. Просить Бога о вещественномъ: о дождѣ, о выздоровленіи, объ избавленіи отъ враговъ и т. п. нельзя уже потому, что въ то же самое время другіе люди могутъ просить о противоположномъ, главное же, нельзя потому, что въ вещественномъ мірѣ намъ дано все, что намъ нужно. Молитва можетъ быть о томъ, чтобы Богъ помогъ намъ жить духовной жизнью, такой жизнью, при которой все, что случается съ нами, все было бы намъ на благо. Просительная же молитва о вещественномъ есть только самообольщеніе.

8. Истинная молитва только въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, отъ всего, что можетъ развлекать наши чувства (магометане прекрасно дѣлаютъ, когда, входя въ мечеть или начиная молиться, закрываютъ пальцами глаза и уши), вызвать въ себѣ Боже-

ское начало. Самое лучшее для этого то, чему учитъ Христосъ: войти одному въ клѣть и затвориться, то-есть молиться въ полномъ уединеніи, будетъ ли оно въ клѣти, въ лѣсу или въ полѣ. Истинная молитва — въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірского, внѣшняго, провѣрить свою душу, свои поступки, свои желанія по требованіямъ не внѣшнихъ условій міра, а того божественнаго начала, которое мы сознаемъ въ душѣ своей.

Такая молитва — помощь, укрѣпленіе, возвышеніе души, исповѣдь, повѣрка прежнихъ и указаніе направленія будущихъ поступковъ.

III.

Внѣшнее богопочитаніе.

1. Между тунгузскимъ шаманомъ и европейскимъ католическимъ прелатомъ или (взявъ для примѣра простыхъ людей) между совершенно грубымъ, чувственнымъ вогуломъ, который поутру кладетъ себѣ на голову лапу медвѣжьей шкуры, приговаривая молитву: не убій меня, и утонченнымъ пуританиномъ и индепендентомъ въ Коннектикутѣ, хотя и есть раз-

ница въ пріемахъ, нѣтъ разницы въ основахъ ихъ вѣры, такъ какъ они оба принадлежатъ къ одному и тому же разряду людей, которые полагаютъ свое служеніе Богу не въ томъ, чтобы становиться лучше, а въ вѣрѣ или въ исполненіи извѣстныхъ произвольныхъ постановленій. Только тѣ, которые вѣрятъ, что служеніе Богу состоитъ въ стремленіи къ лучшей жизни, отличаются отъ первыхъ — тѣмъ, что признаютъ иную, неизмѣримо высшую основу, соединяющую всѣхъ благомыслящихъ людей въ невидимую церковь, которая одна можетъ быть всеобщею.

Кантъ.

2. Человѣкъ, совершающій поступки, которые сами по себѣ не имѣютъ ничего нравственнаго, для того, чтобы привлечь къ себѣ непосредственно благосклоннаго Бога, и посредствомъ ихъ достигнуть исполненія своихъ желаній, находится въ заблужденіи о томъ, что можно естественными средствами достигнуть сверхъестественныхъ послѣдствій. Такія попытки называютъ колдовствомъ, но такъ какъ колдовство имѣетъ связь съ злымъ духомъ, попытки же эти совершаются хотя и по недоразумѣнію, но съ добрыми намѣреніями, то мы назовемъ такія попытки скорѣе фетишиз-

момъ. Такое сверхъестественное воздѣйствіе человѣка на Бога возможно только въ мысли и неразумно уже потому, что неизвѣстно, угодно ли или нѣтъ Богу такое дѣйствіе. Если же человѣкъ, кромѣ того, что онъ непосредственно дѣлаетъ для достиженія Божьяго благоволенія, то-есть кромѣ добраго поведенія, старается еще сдѣлать себя достойнымъ, посредствомъ извѣстныхъ формальностей, сверхъестественной помощи и съ этой цѣлью, посредствомъ исполненія внѣшнихъ пріемовъ, которые не имѣютъ никакой непосредственной цѣны, думаетъ сдѣлать себя болѣе воспріимчивымъ къ нравственному настроенію и достиженію своихъ добрыхъ стремленій, то онъ разсчитываетъ на нѣчто сверхъестественное для исправленія своей естественной слабости. Такой человѣкъ, считая, что поступки, не имѣющіе въ себѣ ничего нравственнаго и угоднаго Богу, могутъ служить средствомъ или условіемъ исполненія своего желанія непосредственно отъ Бога, находится въ заблужденіи о томъ, что, несмотря на то, что онъ не имѣетъ къ тому ни физической, ни нравственной склонности, онъ можетъ сверхъестественнымъ способомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нравственностью ..... приколдовать къ себѣ эту сверхъестественную Божес-

кую помощь ..... исполненіемъ различныхъ внѣшнихъ пріемовъ.

Кантъ.

3. „И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться передъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ".

Мѳ. VI, 5—6.

4. Остерегайтесь книжниковъ, которые любятъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и любятъ привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, предсѣданія въ синагогахъ и предвозлежанія на пиршествахъ, которые поѣдаютъ домы вдовъ и лицемѣрно долго молятся" (Луки, XX, 46—47).

Тамъ, гдѣ есть ложная вѣра, всегда будутъ эти книжники и всегда будутъ поступать такъ же, какъ поступали тѣ, о которыхъ говорится въ Евангеліи.

IV.

Множественность вѣроученій и единая истинная религія.

1. Человѣку, не думавшему о вѣрѣ, кажется, что есть только одна истинная вѣра, — та, въ которой онъ родился. Но только спроси себя, что бы было, если бы ты родился въ другой вѣрѣ, христіанинъ — въ магометанской, буддистъ — въ христіанской, христіанинъ — въ браминской? Неужели только мы, въ своей вѣрѣ, въ истинѣ, а всѣ остальные во лжи? Вѣра не станетъ истиной отъ того, что ты будешь увѣрять себя и другихъ, что она одна истинная.

V.

Послѣдствія исповѣданія ложныхъ вѣръ.

1. Въ 1682 г. въ Англіи докторъ Лейтонъ, почтенный человѣкъ, написавшій книгу противъ англиканскаго епископства, былъ судимъ и приговоренъ къ слѣдующимъ, совершеннымъ надъ нимъ наказаніямъ: его жестоко высѣкли,

потомъ отрѣзали одно ухо и распороли одну сторону носа, потомъ горячимъ желѣзомъ выжгли на щекѣ буквы s s: сѣятель смутъ. Послѣ семи дней его опять высѣкли, несмотря на то, что рубцы на спинѣ еще не зажили, и распороли другую сторону носа, и отрѣзали другое ухо, и выжгли клеймо на другой щекѣ. Все это было сдѣлано во имя христіанства.

Морисонъ Давидсонъ.

2. Въ 1415 г. Іоанна Гусса за то, что онъ обличалъ ложную вѣру католиковъ и дурныя дѣла папы, признали еретикомъ, судили и приговорили къ смерти безъ пролитія крови, то-есть къ сожженію.

Казнили его за городскими воротами между садами. Когда Гусса привели на мѣсто казни, онъ сталъ на колѣни и сталъ молиться. Когда палачъ велѣлъ ему войти на костеръ, Гуссъ всталъ и сказалъ громко:

—Іисусе Христе! Иду на смерть за проповѣдь Твоего слова, буду терпѣть покорно.

Палачи раздѣли Гусса и привязали ему руки назадъ къ столбу; ноги Гусса стояли на скамьѣ. Вокругъ него положили дрова и солому. Дрова и солома доходили Гуссу до подбородка. Тогда имперскій начальникъ по-

дошелъ къ Гуссу и сказалъ, что, если онъ отречется отъ всего, что онъ говоритъ, его простятъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Гуссъ,—я не знаю за собой вины.

Тогда палачи зажгли костеръ. Гуссъ запѣлъ молитву: „Христе, Сыне Бога живаго, помилуй меня!“

Огонь поднялся высоко, и скоро Гуссъ замолкъ.

Такъ утверждали свою вѣру люди, которые называли себя христіанами.

Развѣ не ясно, что это была не вѣра, а самое грубое суевѣріе?

3. Изъ всѣхъ способовъ распространенія ложныхъ вѣръ самый жестокій—внушеніе ложной вѣры дѣтямъ. Онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ, жившихъ прежде его и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей, о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ,—отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе, а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ, и во что никто изъ взрослыхъ людей уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Вмѣсто духовной, необходимой ему

пищи, о которой проситъ ребенокъ, ему дается губящій его духовное здоровье ядъ, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями.

4. Никогда люди не дѣлаютъ злыхъ дѣлъ съ большимъ спокойствіемъ и увѣренностью въ своей правотѣ, какъ тогда, когда они дѣлаютъ ихъ по ложной вѣрѣ.

Паскаль.

VI.

Въ чемъ заключается истинная религія?

1. „Не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы—братья: и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ“ (Матѳ. XXIII, 8—10).

Такъ училъ Христосъ. А училъ Онъ такъ потому, что зналъ, что какъ въ Его время были люди, учившіе людей ложному закону Бога, такъ и впредь будутъ такіе люди. Онъ зналъ это и училъ тому, что не надо слушать

людей, называющихъ себя наставниками, потому что ученія ихъ затемняютъ то простое и ясное ученіе, которое открыто всѣмъ людямъ и заложено въ сердцѣ каждаго человѣка.

Ученіе это въ томъ, чтобы любить Бога, какъ высшее добро и истину, и ближняго, какъ самого себя, и дѣлать другимъ, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

2. Вѣра не въ томъ, чтобы знать то, что было, или то, что будетъ, ни даже то, что есть, а только въ томъ одномъ, чтобы знать, что должно дѣлать каждому человѣку.

3. „Итакъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой“ (Матѳ. V, 23-24).

Вотъ въ чемъ истинная вѣра: не въ обрядѣ, не въ жертвѣ, а въ единеніи съ людьми.

4. Христіанское ученіе такъ ясно, что младенцы понимаютъ его въ его настоящемъ смыслѣ. Не понимаютъ его только тѣ, кто не хотятъ жить по-христіански.

Для того, чтобы понимать истинное

христіанство, надо прежде всего отказаться отъ ложнаго.

5. Истинное богопочитаніе свободно отъ суевѣрія; когда въ него проникаетъ суевѣріе, то и самое богопочитаніе разрушается. Христосъ указалъ намъ, въ чемъ истинное богопочитаніе. Онъ училъ, что изъ всего того, что мы дѣлаемъ въ своей жизни, одно есть свѣтъ и счастье людей, это— наша любовь другъ къ другу; Онъ училъ, что счастья нашего мы можемъ достигнуть только тогда, когда будемъ служить людямъ, а не себѣ.

6. Если то, что выдается за законъ Божій, не требуетъ любви, то все это человѣческія выдумки, а не законъ Божій.

По Сковородѣ.

7. Никогда не узнаешь Бога, если будешь вѣрить всему тому, что будутъ тебѣ говорить про Бога.

8. Узнать Бога нельзя по разсказамъ о Немъ. Узнать Его можно только тѣмъ, чтобы исполнять законъ Его, тотъ законъ, который знаетъ сердце всякаго человѣка.

9. Сущность ученія Христа въ томъ, что Онъ

показалъ людямъ то божеское совершенство, къ которому въ своей жизни должны приближаться люди. Люди же, не желающіе слѣдовать ученію Христа, иногда нарочно, а иногда и не нарочно, понимаютъ ученіе Христа не такъ, какъ Онъ его проповѣдывалъ: какъ непрестанное приближеніе къ совершенству, а какъ правило, по которому Христосъ будто бы требуетъ отъ людей божескаго совершенства. И понимая такъ превратно ученіе Христа, люди, не желающіе ему слѣдовать, дѣлаютъ одно изъ двухъ: или признавая совершенство недостижимымъ (что совершенно справедливо), откидываютъ все ученіе, какъ неисполнимую мечту (это дѣлается свѣтскими людьми), или, что самое вредное и распространенное, что и дѣлалось и дѣлается большинствомъ людей, считающихъ себя христіанами, ... , это—то, чтобы, признавая совершенство недостижимымъ, исправлять, то-есть извращать ученіе, и вмѣсто истиннаго христіанскаго ученія, состоящаго въ вѣчномъ стремленіи къ божескому совершенству, исполнять правила, называемыя христіанскими, но большей частью прямо противныя христіанству.

10. Понятіе соединенія христіанъ, какъ собранія избранныхъ, лучшихъ, есть понятіе не

христіанское, гордое, ложное. Кто лучшій, кто худшій? Петръ былъ лучшимъ до пѣтуха, а разбойникъ худшимъ до креста. Развѣ мы не знаемъ въ самихъ себѣ то ангела, то дьявола, которые примѣшиваются къ нашей жизни такъ, что нѣтъ человѣка, который бы совсѣмъ изгналъ изъ себя ангела, ни такого, у котораго изъ-за ангела не выступалъ бы иногда дьяволъ? Какъ же намъ, такимъ пестрымъ существамъ, составлять собраніе избранныхъ, праведныхъ?

Есть свѣтъ истины, и есть люди, со всѣхъ сторонъ приближающіеся къ нему, со столькихъ разныхъ сторонъ, сколько есть радіусовъ въ кругѣ, — стало-быть, до безконечности разнообразными путями. Будемъ всѣми силами стремиться къ свѣту истины, объединяющему всѣхъ, а насколько мы близки къ нему и объединены—судить не намъ.

VII.

Истинная единая вѣра все болѣе и болѣе соединяетъ людей.

1. Извращеніе христіанства отдалило отъ

насъ осуществленіе Царства Божія, но истина христіанства, какъ огонь въ кострѣ, который, заглушенный на время наваленнымъ сырымъ хворостомъ, уже высушилъ сырые прутья, начинаетъ охватывать ихъ и выбиваться наружу. Истинное значеніе христіанства теперь уже видно всѣмъ, и вліяніе его уже сильнѣе того обмана, который скрываетъ его.

2. Прислушайтесь къ тому глубокому недовольству теперешней формой христіанства, которое распространяется въ обществѣ, выражается ропотомъ, иногда озлобленіемъ, печалью. Всѣ жаждутъ пришествія Царства Бога. И оно приближается.

Болѣе чистое христіанство, хотя и медленно, но все болѣе и болѣе занимаетъ мѣсто того, которое называется этимъ именемъ.

Чаннингъ.

3. Отъ Моисея до Іисуса совершилось великое умственное и религіозное развитіе среди отдѣльныхъ людей и народовъ. Отъ времени Іисуса до нашего это движеніе какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и въ народахъ было еще значительнѣе. Старыя заблужденія откинуты, и новыя истины вошли въ сознаніе человѣчества. Одинъ человѣкъ не можетъ быть

такъ же великъ, какъ человѣчество. Если великій человѣкъ настолько впереди своихъ собратьевъ, что они не понимаютъ его, — приходитъ время, когда они сначала догоняютъ, потомъ обгоняютъ его и уходятъ такъ далеко, что, въ свою очередь, становятся непонятными для тѣхъ, которые стоятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежній великій человѣкъ. Всякій великій религіозный геній все больше и больше уясняетъ религіозныя истины и содѣйствуетъ этимъ все большему и большему единенію людей.

Паркеръ.

4. Какъ всякій человѣкъ въ отдѣльности, такъ равно и все человѣчество въ совокупности должно преображаться, переходить отъ состоянія низшаго къ высшему, не задерживаясь въ своемъ ростѣ, предѣлъ котораго въ самомъ Богѣ. Всякое состояніе является послѣдствіемъ предшествующаго состоянія. Ростъ совершается непрерывно и незамѣтно, подобно росту зародыша совершается такъ, что ничто не нарушаетъ цѣли послѣдовательныхъ состояній этого непрерывнаго развитія. Но если человѣку и всему роду человѣческому предназначено преобразоваться, то и для отдѣльнаго человѣка и для рода человѣческаго это преобразованіе

должно совершиться въ трудѣ и страданіяхъ.

Прежде чѣмъ облечься въ величіе, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, нужно двигаться во мракѣ, терпѣть гоненія, отдать тѣло, чтобы спасти душу; надо умереть, чтобы возродиться въ жизнь болѣе могучую, болѣе совершенную. И послѣ 18 столѣтій, совершивъ одинъ изъ круговъ своего развитія, человѣчество опять стремится преобразиться. Старыя системы, старыя общества, все, что составляло старый міръ, уже разрушается,—и народы живутъ теперь среди развалинъ въ ужасѣ и страданіи. И потому не унывать надо при видѣ этихъ развалинъ, этихъ смертей, уже совершившихся или имѣющихъ совершиться, а, напротивъ, мужаться. Соединеніе людей недалеко.

Ламенэ.

ЛОЖНАЯ НАУКА.

ЛОЖНАЯ НАУКА.

Суевѣріе науки состоитъ въ вѣрѣ въ то, что единое, истинное и необходимое для жизни всѣхъ людей знаніе заключается только въ тѣхъ, случайно собранныхъ изъ всей безграничной области знанія, знаніяхъ, которыя въ извѣстное время обратили на себя вниманіе небольшого числа людей, — тѣхъ людей, которые освободили себя отъ необходимаго для жизни труда и потому живутъ безнравственной и неразумной жизнью.

I.

Въ чемъ состоитъ суевѣріе науки?

1. Когда люди безъ провѣрки своимъ разумомъ принимаютъ за несомнѣнныя истины то, что передается имъ за таковыя другими людьми, они подпадаютъ суевѣрію. Таково въ наше время суевѣріе науки, то-есть признаніе несомнѣнными истинами всего того, что пере-

дается за таковыя профессорами, академиками, вообще людьми, называющими себя учеными.

2. Какъ есть лжеученіе вѣры, такъ есть и лжеученіе науки. Лжеученіе это въ томъ, чтобы признавать единой, истинной наукой все то, что считается единой, истинной наукой людьми, въ извѣстное время взявшими на себя право опредѣлять истинную науку. А какъ только наукой считается не то, что нужно всѣмъ людямъ, а то, что опредѣляютъ люди, взявшіе на себя въ извѣстное время право опредѣлять, что такое наука, такъ наука не можетъ не быть ложной. Такъ это и сдѣлалось въ нашемъ мірѣ.

3. Наука въ наше время занимаетъ совершенно то мѣсто, которое занимало жречество нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Тѣ же признанные жрецы — профессора, тѣ же касты жречества въ наукѣ, академіи, университеты, съѣзды.

То же довѣріе и отсутствіе критики въ вѣрующихъ и тѣ же среди вѣрующихъ разногласія, не смущающія ихъ. Тѣ же слова непонятныя, вмѣсто мысли та же самоувѣренная гордость:

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ откровеніе.

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ науку.

4. Какъ египтянинъ на всѣ положенія, которыя ему предлагались жрецами, какъ истина, не смотрѣлъ такъ, какъ мы теперь смотримъ на нихъ, — какъ на вѣрованія, — а какъ на откровенія высшаго, доступнаго человѣку знанія, то-есть науку, точно такъ же и теперь наивные люди, не знающіе науки, смотрятъ на все то, что имъ выдается теперешними жрецами науки за несомнѣнную истину, — вѣрятъ въ нее.

5. Для истиннаго знанія вреднѣе всего употребленіе понятій и словъ не вполнѣ ясныхъ. А это-то самое и дѣлаютъ мнимые ученые, придумывая для неяснаго понятія неясныя, несуществующія, выдуманныя слова.

6. Ложная наука и ложныя религіи выражаютъ свои догматы всегда высокопарнымъ языкомъ, который непосвященнымъ кажется чѣмъ-то таинственнымъ и важнымъ. Разсужденія ученыхъ людей часто бываютъ столь же мало понятны не только для другихъ, но и

для нихъ самихъ, какъ рѣчи профессіональныхъ учителей вѣры. Педантъ ученый, пользуясь латинскими терминами и нововыдуманными словами, часто дѣлаетъ изъ самого простого нѣчто столь же непонятное, какъ и латинскія молитвы ксендзовъ для ихъ неграмотныхъ прихожанъ. Таинственность не есть признакъ мудрости. Чѣмъ истинно мудрѣе человѣкъ, тѣмъ проще тотъ языкъ, которымъ онъ выражаетъ свои мысли.

II.

Наука служитъ оправданіемъ устройства общественной жизни.

1. Казалось бы, что для того, чтобы признать важность занятія тѣмъ, что называется наукой, надо доказать, что эти занятія полезны. Люди же науки обыкновенно утверждаютъ, что такъ какъ мы занимаемся извѣстными предметами, то занятія эти навѣрное когда-нибудь будутъ полезны.

2. Законная цѣль наукъ есть познаніе истинъ, служащихъ къ благу людей. Ложная цѣль есть оправданіе обмановъ, вносящихъ зло въ жизнь человѣческую. Такова юриспруденція, полити-

ческая экономія и въ особенности философія и теологія.

3. Въ наукѣ бываютъ такіе же обманы, какъ и въ вѣрѣ, и зачинаются они съ того же самаго — съ желанія оправдать свои слабости, и поэтому научные обманы такъ же вредны, какъ и религіозные. Люди заблуждаются, живутъ дурно. По настоящему, слѣдуетъ людямъ, понявъ, что они живутъ дурно, постараться перемѣнить жизнь и начать жить лучше. И тутъ-то являются разныя науки: государственная, финансовая, теологическая, уголовная, полицейская, является наука политическая экономія, исторія и самая модная — соціологія, о томъ, по какимъ законамъ живутъ и должны жить люди, и оказывается, что дурная жизнь людей не отъ нихъ, а отъ того, что таковы законы, и что дѣло людей не въ томъ, чтобы перестать жить дурно и измѣнять свою жизнь отъ худшаго къ лучшему, а только въ томъ, чтобы, живя попрежнему, по своимъ слабостямъ думать, что все худое происходитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ тѣхъ законовъ, какіе нашли и высказали ученые. Обманъ этотъ такъ неразуменъ и такъ противенъ совѣсти, что люди никогда бы и не приняли его, если бы онъ не потакалъ ихъ дурной жизни.

4. Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и тѣлесной природѣ человѣка, и вполнѣ увѣрены, — только потому, что всѣ такъ думаютъ, — что это-то и есть самая настоящая жизнь. Мы смутно чувствуемъ, что все то, что мы называемъ нашимъ общественнымъ устройствомъ, нашей религіей, нашей культурой, нашими науками и искусствами, что все это не то и что все это не избавляетъ насъ отъ нашихъ бѣдъ, а только увеличиваетъ ихъ. Но мы не рѣшаемся подвергнуть все это провѣркѣ разума, потому что думаемъ, что человѣчество, всегда признававшее необходимость принудительнаго общественнаго устройства, религіи, науки, не можетъ жить безъ нихъ.

Если бы цыпленокъ въ яйцѣ былъ одаренъ разумомъ человѣческимъ и такъ же мало умѣлъ бы пользоваться имъ, какъ люди нашего времени, онъ никогда не разбилъ бы скорлупы своего яйца и никогда не узналъ бы жизни.

5. Наука стала теперь раздавательницей дипломовъ на пользованіе чужими трудами.

6. Методическая болтовня высшихъ училищъ зачастую есть только общее соглашеніе уклоняться отъ рѣшенія трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, придавая словамъ измѣнчивый смыслъ,

потому что удобное и большей частью разумное „не знаю“ не охотно выслушивается въ академіяхъ.

Кантъ.

7. Нѣтъ болѣе несогласныхъ двухъ вещей, какъ знаніе и выгоды, наука и деньги. Если для того, чтобы стать болѣе ученымъ, нужны деньги, если ученость покупается и продается за деньги, то и покупатель и продавецъ ошибаются. Христосъ выгналъ продавцовъ изъ храма. Такъ же должны быть выгнаны продавцы и изъ храма науки.

8. Не смотри на ученость, какъ на корону, чтобы ею красоваться, ни какъ на корову, чтобы кормиться ею.

9. Самымъ яркимъ доказательствомъ того, насколько часто подъ словомъ „наука“ подразумѣваются не только самые ничтожные, но и самые гадкіе предметы, служитъ то, что существуетъ наука о наказаніи, то-есть о совершеніи самаго невѣжественнаго поступка, свойственнаго только человѣку на самой низкой ступени развитія — ребенку, дикому.

III.

Вредныя послѣдствія суевѣрія науки.

1. Нѣтъ людей съ болѣе запутанными понятіями о религіи, о нравственности, о жизни, чѣмъ люди науки; и еще болѣе поразительно то, что наука нашего времени, совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ своей области изслѣдованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается часто не только ни на что ненужной, но еще и производящею самыя вредныя послѣдствія.

2. Вредно распространеніе между людьми мыслей о томъ, что наша жизнь есть произведеніе вещественныхъ силъ и находится въ зависимости отъ этихъ силъ. Но когда такія ложныя мысли называются науками и выдаются за святую мудрость человѣчества, то вредъ, производимый такимъ ученіемъ, ужасенъ.

3. Развитіе науки не содѣйствуетъ очищенію нравовъ. У всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ мы знаемъ, развитіе наукъ содѣйствовало разврa-

щенію нравовъ. То, что мы теперь думаемъ противное, происходитъ оттого, что мы смѣшиваемъ наши пустыя и обманчивыя знанія съ истиннымъ высшимъ знаніемъ. Наука, въ ея отвлеченномъ смыслѣ, наука вообще, не можетъ не быть уважаема, но теперешняя наука, то, что безумцы называютъ наукой, достойна только насмѣшки и презрѣнія.

Руссо.

4. Единственное объясненіе той безумной жизни, противной сознанію лучшихъ людей всѣхъ временъ, которую ведутъ люди нашего времени, въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ труднымъ предметамъ: о состояніи небесныхъ тѣлъ, о состояніи земли за милліоны лѣтъ, о происхожденіи организмовъ и т. п., не обучаются они только тому одному, что всѣмъ и всегда нужно: тому, какой смыслъ человѣческой жизни, какъ надо прожить ее, что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ вѣковъ. Не только не обучаются этому молодыя поколѣнія, но вмѣсто этого обучаются подъ названіемъ . . . . самымъ явнымъ безсмыслицамъ, въ которыя не вѣрятъ и сами обучающіе. Подъ все зданіе нашей жизни вмѣсто камня подложены надутые воздухомъ

пузыри. Какъ же не валиться этому зданію?

5. То, что у насъ называется наукой, почти все только выдумки богатыхъ людей, нужныя только затѣмъ, чтобы занять ихъ праздное время.

6. Мы живемъ въ вѣкъ философіи, наукъ и разума. Кажется, что всѣ науки соединились, чтобы освѣтить намъ путь въ этомъ лабиринтѣ человѣческой жизни. Огромныя библіотеки открыты для всѣхъ, вездѣ гимназіи, школы, университеты даютъ намъ съ дѣтства возможность воспользоваться мудростью людей, проявившейся въ продолженіе тысячелѣтій. Все, казалось бы, содѣйствуетъ образованію нашего ума и утвержденію разума. Что же, стали ли мы лучше или мудрѣе отъ всего этого? Лучше ли мы знаемъ путь и назначеніе нашего призванія? Лучше ли мы знаемъ, въ чемъ наши обязанности и, главное, благо жизни? Что пріобрѣли мы отъ всего этого тщетнаго знанія, кромѣ вражды, ненависти, неизвѣстности и сомнѣній? Всякое религіозное ученіе и секта доказываетъ, что она одна нашла истину. Всякій писатель одинъ знаетъ, въ чемъ наше благо. Одинъ доказываетъ намъ, что нѣтъ тѣла. другой — что нѣтъ души, третій — что меж-

ду душой и тѣломъ нѣтъ связи, четвертый — что человѣкъ животное, пятый — что Богъ только зеркало.

Руссо.

7. Главное зло науки нашего времени въ томъ, что она, не будучи въ состояніи изучать все, и не зная, безъ помощи религіи, что должно изучать, изучаетъ только пріятное для самихъ людей науки, живущихъ неправильной жизнью.

Пріятнѣе же всего для людей науки существующій, выгодный для нихъ порядокъ и удовлетвореніе праздной любознательности, не требующее большихъ умственныхъ усилій.

IV.

Количество предметовъ изученія безчисленно, а познавательныя способности человѣка ограничены.

1. Персидскій мудрецъ говоритъ: „Когда я былъ молодъ, я сказалъ себѣ: хочу познать всю науку. И я узналъ почти все, что знали

люди, но когда я сталъ старъ и взглянулъ на все то, что я узналъ, то я увидалъ, что жизнь моя прошла, и я ничего не знаю".

2. Наблюденія и вычисленія астрономовъ научили насъ многому, достойному удивленія; но самый важный результатъ ихъ изслѣдованій, пожалуй, тотъ, что они обнаружили передъ нами бездну нашего невѣжества: безъ этихъ знаній человѣческій разумъ никогда не могъ бы представить себѣ всю огромность этой бездны. Размышленіе объ этомъ можетъ произвести большую перемѣну въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей дѣятельности нашего разума.

Кантъ.

3. „Есть травы на землѣ: мы ихъ видимъ; съ луны ихъ было бы не видно. На этихъ травахъ есть нити, въ этихъ нитяхъ — маленькія животныя, но дальше этого ничего уже нѣтъ". Какая самонадѣянность!

„Сложныя тѣла состоятъ изъ элементовъ, а элементы неразложимы". Какая самонадѣянность!

Паскаль.

4. У насъ не хватаетъ знаній, чтобы даже понять хоть только жизнь человѣческаго тѣла.

Посмотрите, что нужно знать для этого: тѣлу нужны мѣсто, время, движеніе, теплота, свѣтъ, пища, вода, воздухъ и многое другое. Въ природѣ же все такъ тѣсно связано между собою, что нельзя познать одного, не изучивъ другого. Нельзя познать части, не познавъ цѣлаго. Жизнь тѣла нашего мы поймемъ только тогда, когда изучимъ все то, что нужно ему: а для этого необходимо изучить всю вселенную. Но вселенная безконечна, и познаніе ея недостижимо для человѣка. Слѣдовательно, мы не можемъ вполнѣ уяснить себѣ и жизнь нашего тѣла.

Паскаль.

5. Опытныя науки, когда ими занимаются ради нихъ самихъ разрабатывая ихъ безъ всякой руководящей философской мысли, подобны лицу безъ глазъ. Они представляютъ одно изъ занятій, подходящихъ для среднихъ способностей, лишенныхъ однако высшихъ дарованій, которыя были бы только помѣхой при этихъ кропотливыхъ изысканіяхъ. Люди съ такими средними способностями сосредоточиваютъ всѣ свои силы и все свое умѣнье на одномъ единственномъ отграниченномъ научномъ полѣ, гдѣ они и могутъ поэтому достигнуть возможно полнаго знанія, при условіи совершеннаго не-

вѣжества во всѣхъ другихъ областяхъ. Ихъ можно сравнить съ рабочими въ часовыхъ мастерскихъ, изъ которыхъ одни дѣлаютъ только колеса, другіе — только пружины, третьи— только цѣпи.

Шопенгауэръ.

6. Важно не количество знаній, а качество ихъ. Можно знать очень многое, не зная самаго нужнаго.

7. Изученіе естественной исторіи дошло наконецъ въ Германіи до безумія. Хотя для Бога насѣкомое и человѣкъ — равноцѣнны, однако для нашего разума это не такъ. Какъ много долженъ человѣкъ привести въ порядокъ, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до птицъ и мотыльковъ! Изучи свою душу, пріучи свой умъ къ осторожности въ сужденіяхъ и сердце къ миролюбію. Научись познавать человѣка и вооружись мужествомъ говорить правду на благо твоихъ ближнихъ. Навостри умъ свой математикой, если не найдешь для этого никакого иного средства; остерегайся только классификаціи букашекъ, поверхностное знаніе которой совершенно безполезно, точное же уводитъ въ безконечность.

„Но Богъ безконеченъ въ насѣкомыхъ такъ

же, какъ и въ солнцѣ", скажешь ты. Я охотно признаю это. Онъ неизмѣримъ и въ пескѣ морскомъ, разновидностей котораго еще никто не систематизировалъ. Если ты не чувствуешь особеннаго призванія ловить жемчугъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ песокъ находится, оставайся здѣсь и воздѣлывай свое поле: оно потребуетъ всего твоего прилежанія; и не забывай, что вмѣстимость твоего мозга конечна. Тамъ, гдѣ сидитъ какая-нибудь исторія бабочки, нашлось бы, можетъ-быть, мѣсто для мыслей мудрецовъ, которые могли бы вдохновить тебя.

Лихтенбергъ.

8. Сократъ не имѣлъ столь обычной слабости толковать въ своихъ бесѣдахъ о всемъ существующемъ, отыскивать происхожденіе того, что софисты называютъ природой, и восходить до основныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли небесныя тѣла. Неужели, — говорилъ онъ, — люди считаютъ, что постигли все то, что важно человѣку знать, если занимаются тѣмъ, что такъ мало касается человѣка?

Въ особенности удивлялся онъ слѣпотѣ тѣхъ ложныхъ ученыхъ, которые не сознаютъ, что человѣческій умъ не можетъ проникнуть въ эти тайны. — Потому-то, — говорилъ онъ, — всѣ эти люди, воображающіе, что смѣютъ толко-

вать о нихъ, далеко не сходятся въ своихъ основныхъ мнѣніяхъ, и когда послушаешь ихъ всѣхъ вмѣстѣ, то кажется, что находишься среди сумасшедшихъ. И дѣйствительно, какіе отличительные признаки несчастныхъ, одержимыхъ безуміемъ? Они боятся того, въ чемъ нѣтъ ничего страшнаго, и не страшатся того, что дѣйствительно опасно.

Ксенофонтъ.

9. Мудрость — предметъ великій и обширный, она требуетъ всего свободнаго времени, которое можетъ быть посвящено ей. Съ какимъ бы количествомъ вопросовъ ты ни успѣлъ справиться, тебѣ все-таки придется промучиться надъ множествомъ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію и рѣшенію. Эти вопросы такъ обширны, такъ многочисленны, что требуютъ отстраненія изъ сознанія всего излишняго для того, чтобы предоставить полный просторъ работѣ ума. Тратить ли мнѣ свою жизнь на одни слова? А часто бываетъ, что ученые больше думаютъ о разговорахъ, нежели о жизни. Замѣть, какое зло порождаетъ чрезмѣрное мудрствованіе и какъ оно можетъ быть опасно для истины.

Сенека.

10. Наука — это пища для ума. И эта пи-

ща для ума можетъ быть такъ же вредна, какъ и пища тѣлесная, если она не чиста, подслащена и если принимаешь ее не въ мѣру. Такъ что и умственной пищи можно переѣсть и заболѣть отъ нея. Для того, чтобы этого не было, надо такъ же, какъ въ тѣлесной пищѣ, принимать ее только тогда, когда голоденъ, когда чувствуешь необходимость знать, — только тогда, когда знаніе нужно для души.

V.

Знаній безчисленное количество. Дѣло истинной науки выбрать важнѣйшія и нужнѣйшія.

1. Не стыдно и не вредно не знать, — всего знать никто не можетъ, — а стыдно и вредно притворяться, что знаешь то, чего не знаешь.

2. Способность ума воспринимать знанія не безпредѣльна. И потому нельзя думать, что чѣмъ больше знаешь, тѣмъ лучше. Знаніе большого количества пустяковъ — непреодолимая помѣха для того, чтобы знать то, что истинно нужно.

3. Умъ укрѣпляется изученіемъ нужнаго и важнаго для человѣка и разслабляется изученіемъ ненужнаго и ничтожнаго рѣшительно такъ же, какъ тѣло укрѣпляется свѣжимъ или гнилымъ воздухомъ или пищею.

Дж. Рескинъ.

4. Въ наше время накопляется огромное количество знаній, достойныхъ изученія. Скоро наши способности будутъ слишкомъ слабы, а жизнь слишкомъ коротка, чтобы усвоить хотя бы одну только наиболѣе полезную часть этихъ знаній. Къ нашимъ услугамъ полное изобиліе богатствъ, но, воспринявъ ихъ, мы должны снова отбрасывать многое, какъ безполезный хламъ. Было бы лучше никогда не обременять себя имъ.

Кантъ.

5. Знанію нѣтъ конца. И потому про того, кто знаетъ очень много, нельзя сказать, чтобы онъ зналъ болѣе того, кто знаетъ очень мало.

6. Самое обычное явленіе нашего времени—видѣть то, что люди, считающіе себя учеными, образованными и просвѣщенными, зная безчисленное количество ненужныхъ вещей, коснѣютъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, не толь-

ко не зная смысла своей жизни, но гордясь этимъ незнаніемъ. И наоборотъ, не менѣе обычное явленіе встрѣчать среди малограмотныхъ и безграмотныхъ людей, ничего не знающихъ о химической таблицѣ, паралаксахъ и свойствахъ радія, людей истинно просвѣщенныхъ, знающихъ смыслъ своей жизни и не гордящихся этимъ.

7. Люди не могутъ знать и понимать всего того, что дѣлается на свѣтѣ, и потому сужденія ихъ о многихъ вещахъ невѣрны. Невѣдѣніе человѣка бываетъ двоякое: одно невѣдѣніе есть чистое, природное невѣдѣніе, въ которомъ люди рождаются; другое невѣдѣніе, такъ сказать, невѣдѣніе истинно-мудраго. Когда человѣкъ изучитъ всѣ науки и узнаетъ все то, что люди знали и знаютъ, то онъ увидитъ, что эти знанія, всѣ вмѣстѣ взятыя, такъ ничтожны, что по нимъ нѣтъ возможности дѣйствительно понять міръ Божій, и онъ убѣдится въ томъ, что ученые люди, въ сущности, все такъ же ничего не знаютъ, какъ и простые неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушекъ разныхъ наукъ и зазнались. Они ушли отъ природнаго невѣдѣнія, но не успѣли дойти до истинной мудрости тѣхъ ученыхъ, которые поняли несо-

вершенство и ничтожество всѣхъ человѣческихъ знаній. Эти-то люди, считающіе себя умниками, и мутятъ міръ. Они обо всемъ судятъ самоувѣренно и опрометчиво и, разумѣется, постоянно ошибаются. Они умѣютъ бросать пыль въ глаза, и часто люди къ нимъ относятся съ уваженіемъ, но простой народъ ихъ презираетъ, видя ихъ безполезность; они же презираютъ народъ, считая его невѣжественнымъ.

Паскаль.

8. Люди часто думаютъ, что чѣмъ больше знать, тѣмъ лучше. Это неправда. Дѣло не въ томъ, чтобы знать много, а въ томъ, чтобы знать изъ всего того, что можно знать, самое нужное.

9. Не бойся незнанія, бойся лишняго знанія, особенно если это знаніе для выгоды или для похвальбы.

Лучше знать меньше, чѣмъ можно, чѣмъ знать больше, чѣмъ нужно. Отъ многознайства люди бываютъ довольны собой, самоувѣренны и отъ этого глупѣе, чѣмъ они были бы, если бы ничего не знали.

10. Умные не бываютъ учены, ученые не бываютъ умны.

Лао-Тсе.

11. Совы видятъ въ темнотѣ, но слѣпнутъ при солнечномъ свѣтѣ. То же бываетъ и съ людьми учеными. Они знаютъ много ненужныхъ научныхъ пустяковъ, но ничего не знаютъ и не могутъ знать о самомъ нужномъ для жизни: о томъ, какъ надо человѣку жить на свѣтѣ.

12. Мудрецъ Сократъ говорилъ, что глупость не въ томъ, чтобы мало знать, а въ томъ, чтобы не знать самого себя и думать, что знаешь то, чего ты не знаешь. Это онъ называлъ и глупостью и невѣжествомъ.

13. Если человѣкъ знаетъ всѣ науки и говоритъ на всѣхъ языкахъ, но не знаетъ того, что онъ такое и что онъ долженъ дѣлать, онъ просвѣщенъ гораздо менѣе той безграмотной старухи, которая вѣритъ въ батюшку Спасителя, то-есть въ Бога, по волѣ Котораго она признаетъ себя живущей, и знаетъ, что этотъ Богъ требуетъ отъ нея праведности. Она просвѣщеннѣе ученаго, потому что у нея есть отвѣтъ на главный вопросъ, что такое ея жизнь и какъ ей надо жить; тотъ ученый же, имѣя самые хитроумные отвѣты на самые сложные, но неважные вопросы жизни, не имѣетъ отвѣта на главный вопросъ

всякаго разумнаго человѣка: зачѣмъ я живу и что мнѣ дѣлать?

14. Люди, думающіе, что главное дѣло въ жизни въ знаніи, подобны тѣмъ бабочкамъ, которыя летятъ на свѣчи: они сами погибаютъ и затемняютъ свѣтъ.

VI.

Въ чемъ состоитъ сущность и назначеніе истинной науки.

1. Наукой люди называютъ либо ту самую важную на свѣтѣ науку, по которой человѣкъ узнаетъ, какъ ему надо жить на свѣтѣ, либо все то, что лестно знать человѣку и что можетъ, или иногда и не можетъ, пригодиться ему. Первое знаніе — великое дѣло, второе — большей частью пустое занятіе.

2. Есть два несомнѣнныхъ признака истинной науки: первый, внутренній — тотъ, что служитель науки не для выгоды, а съ самоотверженіемъ исполняетъ свое призваніе, и второй, внѣшній — тотъ, что произведеніе его понятно всѣмъ людямъ.

3. Жизнь всѣхъ людей нашего времени такова, что девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ всего народа постоянно заняты физическимъ трудомъ и не имѣютъ ни времени ни возможности заниматься науками и искусствами. Одна же тысячная этого народа, живущая, освободивши себя отъ физическаго труда, составила соотвѣтствующія своимъ требованіямъ науку и искусство. Спрашивается: каковы по своему качеству должны быть наука и искусство, возникшія при такихъ условіяхъ?

4. Дѣло жизни всякаго человѣка: становиться лучше и лучше. И потому хороши только тѣ науки, которыя помогаютъ этому.

5. Ученый тотъ, кто знаетъ очень много изъ всякихъ книгъ; образованный тотъ, кто знаетъ все то, что теперь въ ходу между людьми; просвѣщенный тотъ, кто знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ и что ему надо дѣлать. Не старайся быть ни ученымъ, ни образованнымъ, старайся быть просвѣщеннымъ.

6. Если въ дѣйствительной жизни иллюзія лишь на мгновеніе искажаетъ дѣйствительность, то въ отвлеченной области заблужденіе можетъ господствовать цѣлыя тысячелѣтія, можетъ на-

дѣть свое желѣзное ярмо на цѣлые народы, заглушить самые благородные порывы человѣчества и, съ помощью своихъ рабовъ, обманутыхъ имъ, заковать того, кого не смогло обмануть. Оно — врагъ, съ которымъ вели неравную борьбу мудрѣйшіе умы всѣхъ временъ, и достояніемъ человѣчества сдѣлалось только то, что они отвоевали у него. Если говорятъ, что истины надо доискиваться даже тамъ, гдѣ не предвидится отъ нея никакой пользы, потому что польза можетъ оказаться и обнаружиться тамъ, гдѣ ея и не ожидали, то надо еще прибавить, что съ такимъ же рвеніемъ надо выискивать и искоренять, всякое заблужденіе даже тамъ, гдѣ не предвидится отъ него никакого вреда, потому что вредъ заблужденій легко можетъ оказаться и когда-нибудь обнаружиться тамъ, гдѣ его не ожидали, — ибо каждое заблужденіе таитъ въ себѣ ядъ. Нѣтъ заблужденій безвредныхъ, а тѣмъ болѣе почетныхъ и священныхъ. Въ утѣшеніе же тѣмъ, кто посвящаетъ свою жизнь и силы благородной и трудной борьбѣ съ заблужденіями какого бы то ни было рода, смѣло можно сказать, что хотя до появленія истины заблужденіе и будетъ дѣлать свое дѣло, какъ совы и летучія мыши — ночью, но что скорѣе совы и летучія мыши запугаютъ и загонятъ

солнце туда, откуда оно взошло, чѣмъ прежнее заблужденіе вытѣснитъ познанную и отчетливо и до конца высказанную истину и займетъ безпрепятственно ея свободное мѣсто. Такова сила истины; побѣда ея трудна и тяжка, но зато, разъ она одержана, ея ужъ не вернешь назадъ.

Шопенгауэръ.

7. Съ тѣхъ поръ, какъ живутъ на свѣтѣ люди, всегда у всѣхъ народовъ были мудрецы, учившіе людей тому, что нужнѣе всего знать человѣку: тому, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей. Только тотъ, кто знаетъ эту науку, можетъ судить о важности всѣхъ другихъ.

Предметовъ наукъ безчисленное количество, и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой.

8. Со всѣми людьми, обращающимся къ наукѣ нашего времени не для удовлетворенія

празднаго любопытства и не для того, чтобы играть роль въ наукѣ, писать, спорить, учить, и не для того, чтобы кормиться наукою, а обращающимся къ ней съ прямыми, простыми, жизненными вопросами, случается то, что наука отвѣчаетъ имъ на тысячи разныхъ очень хитрыхъ и мудреныхъ вопросовъ, но только не на тотъ одинъ вопросъ, на который всякій разумный человѣкъ ищетъ отвѣта: на вопросъ о томъ, что я такое и какъ мнѣ жить.

9. Изучать ненужныя для духовной жизни науки, какъ астрономія, математика, физика и т. п., такъ же какъ пользоваться всякими удовольствіями, играми, катаніями, прогулками, можно тогда, когда эти занятія не мѣшаютъ дѣлать то, что должно; но не хорошо заниматься пустыми науками, такъ же, какъ и удовольствіями, когда они мѣшаютъ настоящему дѣлу жизни.

10. Сократъ указывалъ своимъ ученикамъ на то, что при правильно поставленномъ образованіи, въ каждой наукѣ надо доходить только до извѣстнаго предѣла, который не слѣдуетъ переступать. По геометріи, говорилъ онъ, достаточно знать настолько, чтобы при случаѣ

быть въ силахъ правильно измѣрить кусокъ земли, который продаешь или покупаешь, или чтобы раздѣлить на части наслѣдство, или чтобъ сумѣть распредѣлить работу рабочимъ. „Это такъ легко, — говорилъ онъ, — что при небольшомъ стараніи не будешь затрудняться ни надъ какимъ измѣреніемъ, хотя бы пришлось измѣрять всю землю“. Но онъ не одобрялъ увлеченія большими трудностями въ этой наукѣ, и хотя самъ лично зналъ ихъ, но говорилъ, что онѣ могутъ занять всю жизнь человѣка и отвлечь его отъ другихъ полезныхъ наукъ, тогда какъ онѣ ни къ чему не нужны. По астрономіи онъ находилъ желательнымъ знать настолько, чтобы по небольшимъ примѣтамъ узнавать часы ночи, дни мѣсяца и времена года, умѣть не потерять дорогу, держать направленіе въ морѣ и смѣнять сторожей. „Эта наука настолько легка, — прибавлялъ онъ, — что доступна всякому охотнику, всѣмъ мореплавателямъ, вообще всякому, кто хочетъ сколько-нибудь ею заняться“. Но доходить въ ней до того, чтобъ изучать различныя орбиты, описываемыя небесными тѣлами, высчитывать величину планетъ и звѣздъ, ихъ отдаленность отъ земли, ихъ движенія и измѣненія,—это онъ крайне осуждалъ, потому что не видѣлъ въ такихъ занятіяхъ никакой пользы. Онъ

былъ такого низкаго мнѣнія о нихъ не по невѣдѣнію, такъ какъ самъ изучилъ эти науки, а потому, что не хотѣлъ, чтобъ на излишнія занятія тратились время и силы, которыя могли быть употреблены на самое нужное человѣку: на его нравственное совершенствованіе.

Ксенофонтъ.

VII.

О чтеніи книгъ.

1. Слѣди за тѣмъ, чтобы чтеніе многихъ писателей и всякаго рода книгъ не произвело смутности и неопредѣленности въ умѣ. Слѣдуетъ питать свой умъ только писателями несомнѣннаго достоинства. Излишнее чтеніе развлекаетъ умъ, отучаетъ его отъ самостоятельной работы. Поэтому читай только книги старыя, несомнѣнно хорошія. Если когда-нибудь явится желаніе перейти на время къ другого рода сочиненіямъ, не забывай никогда возвращаться опять къ прежнимъ.

Сенека.

2. Читайте прежде всего лучшія книги, а

то вы и совсѣмъ не успѣете прочесть ихъ.

Торо.

3. Лучше никогда не читать ни одной книги, чѣмъ читать много книгъ и вѣрить во все то, что тамъ написано. Можно быть умнымъ, не читая ни одной книги; вѣря же во все, что написано въ книгахъ, нельзя не быть дуракомъ.

4. Въ писательствѣ повторяется то же, что въ жизни. Большинство людей неумно и заблуждается. Отъ этого разводится такъ много плохихъ книгъ, такъ много писательскаго сора среди хорошаго зерна. Такія книги только отнимаютъ у людей время, деньги и вниманіе.

Плохія книги не только безполезны, но вредны. Вѣдь девять десятыхъ всѣхъ книгъ только затѣмъ и печатаютъ, чтобы выманить деньги изъ людскихъ кармановъ.

И потому лучше вовсе не читать тѣхъ книгъ, про которыя много говорятъ и пишутъ. Людямъ надо стараться прежде всего прочесть и узнать самыхъ лучшихъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Эти книги надо читать прежде всего. А то и вовсе не успѣешь прочесть ихъ. Только такіе писатели насъ поучаютъ и образовываютъ.

Плохихъ книгъ никогда не прочтемъ мы слишкомъ мало, а хорошихъ никогда не удастся прочесть слишкомъ много. Плохія книги — нравственный ядъ, только одуряющій людей.

По Шопенгауэру.

5. Суевѣрія и обманы мучаютъ людей. Избавленіе отъ нихъ только одно: истина. Истину же мы познаемъ и сами собою и черезъ мудрыхъ и святыхъ людей, жившихъ до насъ. И потому для доброй и хорошей жизни нужно и самому искать истину и пользоваться тѣми указаніями истины, которыя дошли до насъ отъ прежнихъ мудрыхъ и святыхъ людей.

6. Одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ познанія истины, освобождающей отъ суевѣрій, состоитъ въ узнаніи всего того, что въ прошедшемъ сдѣлано человѣчествомъ для познанія вѣчной, общей всѣмъ людямъ, истины и выраженія ея.

VIII.

О самостоятельномъ мышленіи.

1. Каждый человѣкъ можетъ и долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что выработалъ совокупный разумъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ своимъ разумомъ провѣрять данныя, выработанныя всѣмъ человѣчествомъ.

2. Знаніе только тогда знаніе, когда оно пріобрѣтено усиліями своей мысли, а не одной памяти.

Только когда мы совсѣмъ забудемъ то, чему учились, мы начинаемъ истинно познавать. Я ни на волосъ не приближусь къ познанію предмметовъ до тѣхъ поръ, пока буду смотрѣть на предметъ такъ, какъ научили меня смотрѣть. Чтобы познать предметъ, я долженъ подойти къ нему, какъ къ чему-то совершенно неизвѣстному.

Торо.

3. Отъ учителя мы ждемъ, что онъ сдѣлаетъ изъ своего слушателя сначала разсудительнаго человѣка, затѣмъ разумнаго и, наконецъ, ученаго.

Такой пріемъ имѣетъ ту выгоду, что если ученикъ и не достигнетъ никогда послѣдней ступени, какъ это обыкновенно и бываетъ въ дѣйствительности, онъ все-таки выиграетъ отъ обученія и станетъ болѣе опытнымъ и умнымъ, если не для школы, то для жизни.

Если же этотъ пріемъ вывернуть на изнанку, тогда ученики схватываютъ что-то въ родѣ разума прежде, чѣмъ въ нихъ выработается разсудокъ, и выносятъ изъ обученія заимствованную науку, которая только какъ бы приклеена, но не срослась съ ними, при чемъ ихъ духовныя способности остаются такими же безплодными, какъ и раньше, но въ то же время сильно испорченныя воображаемой ученостью. Въ этомъ причина, почему мы нерѣдко встрѣчаемъ ученыхъ (вѣрнѣе, обученныхъ людей), которые обнаруживаютъ очень мало разсудка, и почему изъ академій выходитъ въ жизнь больше нелѣпыхъ головъ, чѣмъ изъ какого-нибудь другого общественнаго класса.

Кантъ.

4. Наука не въ школахъ. Въ школахъ — упорное тупоуміе невѣждъ. Наука въ книгахъ и въ личномъ самостоятельномъ трудѣ надъ пріобрѣтеніемъ знаній изъ книгъ и изъ жизни, а не изъ школы, гдѣ никогда со времени

изобрѣтенія книгопечатанія не оставалось изъ науки ничего, кромѣ плѣсени.

Характеръ школьнаго преподаванія — сухое, тупоумное педантство. Это почти неизбѣжно такъ по самой сущности дѣла. Кому не надоѣстъ 10—20 лѣтъ толковать годъ за годъ все одно и тоже? Учитель, профессоръ почти всегда занимается своимъ дѣломъ съ отвращеніемъ и, для облегченія своей тоски, замѣняетъ науку простой формалистикой. А вдобавокъ обыкновенно и глупѣетъ отъ глупой скучности своего ремесла.

Н. Г. Чернышевскій.

5. Во всѣхъ сословіяхъ встрѣчаются люди съ умственнымъ превосходствомъ, хотя часто безъ всякой учености. Натуральный умъ можетъ замѣнить почти всякую степень образованія, но никакое образованіе не замѣнитъ натуральнаго ума, хотя и имѣетъ передъ такимъ человѣкомъ преимущество богатства знанія случаевъ и фактовъ (свѣдѣнія историческія), и опредѣленіе причинности (естественныя науки) — все въ правильномъ и легкомъ обозрѣніи; но онъ отъ этого не обладаетъ болѣе правильнымъ и глубокимъ взглядомъ на настоящую сущность всѣхъ этихъ событій, случаевъ и причинностей. Неученый, со своей проница-

тельностью и быстрымъ взглядомъ на все, сумѣетъ обойтись безъ этихъ богатствъ. Одинъ случай изъ его опыта научитъ его большему, чѣмъ какого-нибудь ученаго тысячи случаевъ, которые онъ знаетъ, но хорошенько не понимаетъ, между тѣмъ какъ малое знаніе того неученаго — живое.

Напротивъ того, многія знанія обыкновенныхъ ученыхъ мертвы, такъ какъ они состоятъ если не совсѣмъ въ пустыхъ словахъ, то часто только въ отвлеченныхъ понятіяхъ, которыя получаютъ свое значеніе только по мѣрѣ разумности и высоты пониманія вопроса, свойственнаго разсуждающему. Если же пониманіе это очень скудное, то разсужденіямъ такого рода свойственно, какъ банку, ассигнаціи, котораго въ десять разъ превышаютъ наличный фондъ, притти подъ конецъ къ банкротству.

Шопенгауэръ.

6. Я люблю мужиковъ: они недостаточно учены, чтобы разсуждать превратно.

Монтэнь.

7. Какъ много ненужнаго чтенія могли бы мы избѣгнуть при самостоятельномъ мышленіи!

Развѣ чтеніе и ученіе одно и то же? Кто-то не безъ основанія утверждалъ, что книгопе-

чатаніе если и способствовало болѣе широкому распространенію учености, то въ ущербъ ея качеству и содержанію. Слишкомъ много читать вредно для мышленія. Величайшіе мыслители, встрѣчавшіеся мнѣ среди ученыхъ, которыхъ я изучалъ, были какъ разъ наименѣе начитанные.

Если бы людей учили, какъ они должны мыслить, а не только тому, что они должны мыслить, — недоразумнѣніе было бы предотвращено.

Лихтенбергъ.

УСИЛІЕ.

УСИЛІЕ.

Грѣхи, соблазны и суевѣрія задерживаютъ, скрываютъ отъ человѣка его душу. Чтобы раскрыть для самого сеоя свою душу, человѣку нужно дѣлать усилія сознанія; и потому въ этихъ усиліяхъ сознанія главное дѣло жизни человѣка.

I.

Избавленіе отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій—въ усиліи.

1. Самоотреченіе освобождаетъ людей отъ грѣховъ, смиреніе—отъ соблазновъ, правдивость—отъ суевѣрій. Но для того, чтобы человѣкъ могъ отрекаться отъ похоти тѣла, смиряться передъ соблазнами гордости и провѣрять разумомъ запутывающія его суевѣрія,

онъ долженъ дѣлать усилія. Только усиліями сознанія можетъ человѣкъ избавиться отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, лишающихъ его блага.

2. Царство Божіе усиліемъ берется. Царство Божіе внутри васъ есть (Луки, XVI, 16; XVII, 21). Эти два стиха Евангелія значатъ то, что только усиліемъ сознанія могутъ люди побороть въ себѣ тѣ грѣхи, соблазны и суевѣрія, которые задерживаютъ приближеніе Царства Божія.

3. Здѣсь, на землѣ, не можетъ и не должно быть покоя, потому что жизнь, это—приближеніе къ цѣли, которой никогда нельзя достигнуть. Покой безнравственъ. Я не могу сказать, въ чемъ эта цѣль; но какая бы она ни была, она есть, и мы знаемъ, что приближаемся къ ней. Безъ этого приближенія жизнь была бы безсмыслица и обманъ. Приближаемся же мы къ этой цѣли только своимъ усиліемъ.

Іосифъ Мадзини.

4. Становиться лучше и лучше—въ этомъ все дѣло жизни, а становиться лучше можно только усиліями.

Всякій знаетъ, что безъ усилій въ тѣлесномъ трудѣ ничего не сдѣлаешь. Надо понимать, что въ главномъ дѣлѣ жизни, въ жизни души, тоже ничего не сдѣлаешь безъ усилія.

5. Сила не въ томъ, что человѣкъ можетъ связать узломъ желѣзную кочергу, что онъ можетъ обладать билліонами и трилліонами рублей и не въ томъ, что онъ будетъ властвовать надъ милліонами людей,—истинная сила только во власти надъ самимъ собою.

6. Не говори никогда про доброе дѣло: „не стоитъ и стараться,—это такъ трудно, что никогда не достигну“, или „это такъ легко, что когда захочу—всегда сдѣлаю“. Не думай и не говори такъ: всякое усиліе, хотя бы цѣль усилія и не была достигнута, или цѣль эта была бы самая неважкая, всякое усиліе укрѣпляетъ душу.

7. Люди часто думаютъ, что для того, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, надо дѣлать особенныя, необыкновенныя дѣла. Это неправда. Для христіанства нужны не особенныя, необыкновенныя дѣла, а только всегдашнее усиліе сознанія, освобождающее себя

отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій.

8. Легко дѣлаются дурныя дѣла—тѣ дѣла, отъ которыхъ наши несчастья; то же, что благотворно и хорошо для насъ, дѣлается только усиліемъ.

Буддійская мудрость.

9. Если человѣкъ поставитъ себѣ за правило дѣлать то, что ему хочется, то онъ не долго будетъ хотѣть дѣлать то, что дѣлаетъ. Настоящее дѣло всегда только то, надъ которымъ надо потрудиться, чтобы сдѣлать его.

10. Никогда путь къ доброму знанію не пролегалъ по шелковистой муравѣ, усѣянной цвѣтами: всегда человѣку приходится взбираться по голымъ скаламъ.

Джонъ Рескинъ.

11. Исканіе истины совершается не съ весельемъ, а съ волненіемъ и безпокойствомъ; и все-таки надо искать ее, потому что, не найдя истины и не полюбивъ ея, ты погибнешь.—Но, скажешь ты, если бы истина хотѣла, чтобы я искалъ ее и полюбилъ ее, то она сама открылась бы мнѣ.—Она и открывается тебѣ, но ты не обращаешь на это

вниманія. Ищи же истину,—она этого хочетъ.

Паскаль.

II.

Для того, чтобы жить для души, нужно усиліе.

1. Я—орудіе, которымъ работаетъ Богъ. Мое истинное благо въ томъ, чтобы участвовать въ Его работѣ. Участвовать же въ Его работѣ я могу только тѣми усиліями сознанія, которыя я дѣлаю для того, чтобы держать въ порядкѣ, чистотѣ, остротѣ, правильности то орудіе Божье, которое поручено мнѣ—себя, свою душу.

2. Для человѣка дороже всего быть свободнымъ, жить по своей, а не по чужой волѣ. Для того, чтобы жить такъ, человѣку надо жить для души. А чтобы жить для души, надо подавлять похоти тѣла.

3. Вся истинная жизнь человѣческая есть не что иное, какъ постепенный переходъ отъ

низшей животной природы къ все большему и большему сознанію жизни духовной.

4. Мы дѣлаемъ усиліе проснуться и дѣйствительно просыпаемся, когда сонъ становится ужасенъ и нѣтъ уже больше силъ переносить его. То же надо дѣлать и въ жизни, когда она становится невыносимой. Въ такія минуты надо усиліемъ сознанія проснуться къ новой высшей духовной жизни.

5. Усилія противъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій уже потому нужны, что только перестань бороться съ ними, и тѣло завладѣетъ тобою.

6. Намъ кажется, что настоящая работа только надъ чѣмъ-нибудь видимымъ: строить домъ, пахать поле, кормить скотъ, а работа надъ своей душой, надъ чѣмъ-то невидимымъ —дѣло неважное, такое, какое можно дѣлать, а можно и не дѣлать, а между тѣмъ всякая другая работа,—кромѣ работы надъ своей душой, надъ тѣмъ, чтобы дѣлаться съ каждымъ днемъ духовнѣе и любовнѣе,— всякая другая работа пустяки. Только одна эта работа настоящая, и всѣ остальныя работы полезны только тогда, когда дѣлается эта

главная работа жизни.

7. Тотъ, кто признаетъ свою жизнь нехорошей и хочетъ начать жить лучше, не долженъ думать, что онъ можетъ начать жить лучше только тогда, когда онъ перемѣнитъ условія своей жизни. Исправлять жизнь надо и можно не внѣшней перемѣной, а въ самомъ себѣ и въ своей душѣ. А это можно дѣлать всегда и вездѣ. И работы этой у всякаго достаточно. Только когда душа твоя такъ измѣнится, что ты не будешь въ состояніи продолжать прежнюю жизнь, только тогда перемѣняй жизнь, а не тогда, когда тебѣ будетъ думаться, что тебѣ легче будетъ исправлять себя, если ты перемѣнишь жизнь.

8. Есть только одно для всѣхъ людей, важное дѣло въ жизни. Дѣло это въ томъ, чтобы улучшать свою душу. Одно это дѣло предназначено всѣмъ людямъ. Все остальное пустяки въ сравненіи съ этимъ дѣломъ. То, что это такъ, видно изъ того, что въ этомъ одномъ дѣлѣ человѣку не бываетъ помѣхи и что отъ этого одного дѣла человѣку всегда бываетъ радостно.

9. Бери примѣръ съ шелковичнаго червя:

онъ работаетъ до тѣхъ поръ, пока не въ силахъ летать. А ты прилипъ къ землѣ. Работай надъ своей душой, и у тебя вырастутъ крылья.

По Ангелусу.

III.

Самосовершенствованіе достигается только усиліемъ сознанія.

1. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“, сказано въ Евангеліи. Это не значитъ то, что Христосъ велитъ человѣку быть такимъ же совершеннымъ, какъ Богъ, а значитъ то, что всякій человѣкъ долженъ дѣлать усилія сознанія, чтобы приближаться къ совершенству, и что въ этомъ приближеніи—жизнь человѣка.

2. Растетъ всякое существо не вдругъ, а понемногу. Нельзя вдругъ выучить цѣлую науку. Такъ же нельзя вдругъ и побѣдить грѣхъ. Для того, чтобы становиться лучше, есть только одно средство: мудрое разсужденіе и постоянное терпѣливое усиліе.

Чаннингъ.

3. Лессингъ говорилъ, что даетъ радость человѣку не самая истина, а усиліе, какое дѣлаетъ человѣкъ, чтобы добраться до нея. То же можно сказать и о добродѣтели: радость, даваемая добродѣтелью, заключается въ усиліи, приближающемъ къ ней.

4. На ваннѣ короля Чингъ-Чанга были вырѣзаны такія слова: „Каждый день возобновляй себя совершенно; дѣлай это сначала и опять сначала".

Китайская мудрость.

5. Если люди не занимаются изслѣдованіями, а если и занимаются ими, но не успѣваютъ въ нихъ, то пусть они не отчаиваются и не останавливаются; если люди не разспрашиваютъ просвѣщенныхъ людей про сомнительныя вещи, которыхъ они не знаютъ, а если, и разспрашивая, они не дѣлаются болѣе просвѣщенными,—пусть они не отчаиваются; если люди не размышляютъ, а если и размышляютъ, но не могутъ ясно понять, въ чемъ сущность добра,—пусть они не отчаиваются; если люди не различаютъ добра отъ зла, а если и различаютъ, но не имѣютъ яснаго о немъ представленія,—пусть они не отчаиваются; если люди не дѣлаютъ добро или, если и

дѣлаютъ, не отдаютъ ему всѣхъ своихъ силъ, —пусть они не отчаиваются: то, что другіе сдѣлали бы въ одинъ разъ, они сдѣлаютъ въ десять; то, что другіе сдѣлали бы въ сто разъ, они сдѣлаютъ въ тысячу.

Тотъ, кто дѣйствительно будетъ слѣдовать этому правилу постоянства усилія, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, непремѣнно сдѣлается просвѣщеннымъ; какъ бы онъ ни былъ слабъ, непремѣнно сдѣлается сильнымъ, и какъ бы онъ ни былъ пороченъ, непремѣнно сдѣлается добродѣтельнымъ.

Китайская мудрость.

6. Когда человѣкъ дѣлаетъ доброе только потому, что онъ привыкъ дѣлать доброе, это еще не добрая жизнь. Добрая жизнь начинается тогда, когда человѣкъ дѣлаетъ усиліе для того, чтобы быть добрымъ.

7. Ты говоришь: не стоитъ дѣлать усилій: сколько ни дѣлай, никогда не достигнешь совершенства. Да вѣдь дѣло твое не въ томъ, чтобы достигнуть совершенства, а только въ томъ, чтобы все больше и больше приближаться къ нему.

8. Пусть человѣкъ не думаетъ легкомыс-

ленно о злѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: „я такъ далекъ отъ зла, что оно не коснется меня“. Малыми каплями наполняется водяной сосудъ; весь наполняется зломъ безумецъ мало-по-малу, творя злое.

Пусть человѣкъ не думаетъ небрежно о добрѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: нѣтъ во мнѣ силъ воспринять добро. Какъ капля за каплей вода наполняетъ сосудъ, такъ и, мало-по-малу, творя доброе, весь наполняется добромъ человѣкъ, стремящійся къ благу.

Буддійская мудрость.

9. Для того, чтобы жизнь была не горемъ, а сплошною радостью, надо всегда быть добрымъ со всѣми,—и людьми и животными. А чтобы быть всегда добрымъ, надо пріучить себя къ этому. А чтобы пріучить себя къ этому, надо не пропускать ни одного своего недобраго поступка, не упрекнувъ себя за него.

Будешь дѣлать такъ—и скоро прывыкнешь быть добрымъ со всѣми людьми и животными. А привыкнешь къ добротѣ, и на сердцѣ будетъ всегда весело.

10. Добродѣтель человѣка измѣряется не необыкновенными подвигами, а его ежедневнымъ усиліемъ.

Паскаль.

IV.

Для приближенія къ совершенству человѣкъ дожденъ надѣяться только на свои силы.

1. Какъ ошибочно просить Бога или даже людей, чтобы они вывели меня изъ моего плохого положенія! Человѣку не нужно ни чьей помощи, не нужно и выходить изъ того положенія, въ которомъ онъ находится, а нужно одно: самому дѣлать усилія сознанія для того, чтобы освобождаться отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій. Только въ той мѣрѣ, въ которой освободится человѣкъ отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, измѣнится и улучшится его положеніе.

2. Ничто такъ не ослабляетъ силы человѣка, какъ надежда въ чемъ-либо, кромѣ своего усилія, найти спасеніе и благо.

3. Нужно освободиться отъ мысли о томъ, что Небо можетъ исправить наши ошибки. Если вы неряшливо приготовляете какое-нибудь кушанье, то вы не разсчитываете, что Провидѣніе сдѣлаетъ его вкуснымъ; и точно такъ же, если вы въ теченіе цѣлаго ряда

безумныхъ лѣтъ ложно направляли свою жизнь, то не должны ожидать, что Божественное вмѣшательство направитъ и устроитъ все къ лучшему.

Джонъ Рескинъ.

4. Въ тебѣ знаніе того, въ чемъ высшее совершенство. Въ тебѣ же и препятствія къ достиженію его. Твое положеніе, это то самое, надъ чѣмъ ты долженъ работать, чтобы приблизиться къ совершенству.

Карлейль.

5. Самъ грѣшишь, самъ замышляешь зло, самъ убѣгаешь отъ грѣха, самъ очищаешь помыслы, самъ собою ты золъ или чистъ,— другому не спасти тебя.

Джамапада..

6. Сказать, что я не могу воздержаться отъ дурного дѣла, все равно, что сказать, что я не человѣкъ, а животное. Люди часто говорятъ это, но сколько бы они ни говорили это, они въ душѣ своей знаютъ, что пока они живы, они могутъ перестать дѣлать дурное и начать дѣлать доброе.

7. Нѣтъ никакого нравственнаго закона,

если я не могу исполнить его. Люди говорятъ: мы рождены себялюбцами, скупыми, похотливыми, и не можемъ быть иными. Нѣтъ, мы можемъ. Первое дѣло—сердцемъ почувствовать, кто мы такіе и чѣмъ мы должны быть, а второе—дѣлать усилія для того, чтобы приблизиться къ тому, чѣмъ мы должны быть.

Солтеръ.

8. Человѣкъ долженъ развивать свои задатки къ добру. Провидѣніе не заложило ихъ въ человѣкѣ вполнѣ готовыми; это только одни задатки. Сдѣлать самого себя лучше, обрабатывать себя—вотъ въ чемъ главное дѣло жизни человѣка.

Кантъ.

V.

Для улучшенія жизни общественной есть только одно средство—усилія отдѣльныхъ людей къ достиженію доброй, нравственной жизни.

1. Люди приближаются къ Царству Божію, то-есть доброй и счастливой жизни, только

усиліями каждаго отдѣльнаго человѣка жить доброй жизнью.

2. Если ты видишь, что устройство общества дурно, и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы всѣ люди стали лучше. А для того, чтобы всѣ люди стали лучше, въ твоей власти только одно: самому сдѣлаться лучше.

3. Часто слышишь разсужденія о томъ, что всѣ усилія для улучшенія жизни, для искорененія зла и установленія справедливой жизни—безполезны, что все это сдѣлается какъ-то само собою. Люди плыли на веслахъ, но гребцы доѣхали и вышли на берегъ, оставшіеся же въ лодкѣ путешественники не берутся за весла, потому что думаютъ, что какъ прежде двигалась лодка, такъ она будетъ двигаться и теперь.

4. „Да, это было бы такъ, если бы всѣ люди разомъ поняли, что все это дурно и не нужно намъ“, говорятъ люди, разсуждая о злѣ жизни людской. „Положимъ, одинъ человѣкъ отстанетъ отъ зла, откажется отъ участія въ немъ,—что же это сдѣлаетъ для обща-

го дѣла, для жизни людей? Измѣненіе жизни людской дѣлается всѣмъ обществомъ, а не одиночными людьми".

Правда: одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но неужели отъ того, что одна ласточка не дѣлаетъ весны, не летѣть той ласточкѣ, которая уже чувствуетъ весну, а дожидаться? Если такъ дожидаться каждой почкѣ и травкѣ, то весны никогда не будетъ. Также и намъ для установленія Царства Божія не надо думать о томъ, первая ли я или тысячная ласточка, а сейчасъ же, хотя бы одному, чувствуя приближеніе Царства Божія, дѣлать то, что нужно для его осуществленія.

„Просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ" (Матѳ. VII, 7—8).

5. „Огонь пришелъ Я низвесть на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся" (Луки XII, 49).

Но почему же огонь этотъ такъ медленно разгорается? Если могло пройти столько вѣковъ, и христіанство не измѣнило строя общественной жизни, какое право имѣемъ мы думать, что это какъ-то само собою сдѣлается теперь? Большинство людей, приведенное къ

необходимости признанія истины христіанства, все еще не беретъ эту истину за основаніе своей дѣятельности. Отчего это? А только оттого, что люди ждутъ измѣненія отъ внѣшнихъ условій, а не хотятъ понять того, что достигается это только усиліемъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ своей душѣ, а не какими-либо внѣшними измѣненіями.

6. Жизнь наша дурная. Отчего?

Оттого, что люди дурно живутъ. А дурно живутъ люди оттого, что сами люди плохи. Стало-быть, для того, чтобы жизнь перестала быть дурною, надо передѣлать людей изъ плохихъ въ хорошихъ. Какъ же это сдѣлать? Всѣхъ никто передѣлать не можетъ, себя же передѣлать всякій можетъ. Сначала кажется, что это дѣла не поправитъ, потому что что же значитъ одинъ человѣкъ противъ всѣхъ? Но дѣло въ томъ, что всѣ жалуются на дурную жизнь. Такъ что если всѣ люди поймутъ, что плохая жизнь отъ плохихъ людей и что всѣ могутъ не другихъ, а сами себя исправить, то-есть изъ плохого сдѣлать хорошимъ, и станутъ исправлять сами снбя, то тотчасъ же и вся жизнь станетъ лучше.

Стало-быть, отъ насъ и дурная жизнь, отъ насъ и то, чтобы она стала хорошей.

VI.

Усиліе въ достиженіи совершенства даетъ истинное благо человѣку.

1. Нравственное усиліе и радость сознанія жизни чередуются такъ же, какъ тѣлесный трудъ и радость отдыха. Безъ труда тѣлеснаго нѣтъ и радости отдыха; безъ усилія нравственнаго нѣтъ радости сознанія жизни.

2. Награда добродѣтели въ самомъ усиліи добраго поступка.

Цицеронъ.

3. Человѣкъ закричалъ бы отъ боли, если бы, не работая, почувствовалъ въ мышцахъ ту боль, которую онъ, не замѣчая ея, испытываетъ при работѣ. Точно такъ же и человѣкъ, не работающій духовную работу надъ своимъ внутреннимъ міромъ, испытываетъ мучительную боль отъ тѣхъ невзгодъ, которыя, не замѣчая ихъ, переноситъ человѣкъ, полагающій главное дѣло жизни въ усиліи для освобожденія себя отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, то-есть въ нравственномъ совершенствованіи.

4. Не жди не только скораго, но никакого

видимаго себѣ успѣха отъ твоихъ усилій къ добру. Ты не увидишь плодовъ своихъ усилій, потому что, насколько ты подвинулся, настолько подвинулось передъ тобой и совершенство, къ которому ты стремишься. Усиліе сознанія —не есть средство достиженія блага, но само усиліе сознанія даетъ благо.

5. Животнымъ Богъ далъ все, что имъ нужно. Но человѣку Онъ не далъ этого,—человѣкъ самъ долженъ добыть все, что ему необходимо. Высшая мудрость человѣка не родилась вмѣстѣ съ нимъ; онъ долженъ трудиться, чтобы достичь ея, и чѣмъ болѣе его труды, тѣмъ болѣе награда.

Таблички бабидовъ.

6. Царство Божіе силою берется. Это значитъ то, что для того, чтобы избавиться отъ зла и быть добрымъ, нужно усиліе.

Усиліе нужно для того, чтобы удержаться отъ зла. Удержись отъ зла, и будешь дѣлать добро, потому что душа человѣческая любитъ добро и дѣлаетъ его, если только свободна отъ зла.

7. Вы—свободные дѣятели, и вы это чувствуете. Всевозможныя лживыя разсужденія

о томъ, что во всемъ властвуетъ судьба, законы природы, никогда не будутъ въ силахъ заставить замолчать двухъ неподкупныхъ свидѣтелей человѣческой свободы: укоровъ совѣсти и величія мученичества. Начиная отъ Сократа до Христа и отъ Христа вплоть до тѣхъ людей, которые изъ вѣка въ вѣкъ умираютъ за истину, всѣ мученики вѣры доказываютъ неправду этого рабскаго ученія и громко говорятъ намъ: „мы тоже любили жизнь и всѣхъ людей, которыми жизнь наша была красна и которые умоляли насъ прекратить борьбу. Каждое біеніе нашего сердца громко взывало къ намъ: живи! но для исполненія закона жизни мы предпочли смерть“.

И начиная съ Каина вплоть до самаго глубоко-подлаго человѣка нашихъ дней, всѣ, избравшіе путь зла, слышатъ въ глубинѣ души голосъ осужденія, укора, голосъ, не дающій имъ покоя, который вѣчно твердитъ имъ: зачѣмъ вы свернули съ истиннаго пути? Вы могли, вы можете сдѣлать усиліе. Вы—дѣятели свободные, и въ вашей власти было и есть коснѣть въ грѣхахъ или освобождаться отъ нихъ.

Мадзини.

ЖИЗНЬ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

ЖИЗНЬ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

Людямъ кажется, что жизнь ихъ проходитъ во времени—въ прошедшемъ и будущемъ. Но это только кажется: истинная жизнь человѣческая не проходитъ во времени, а всегда е с т ь въ той безвременной точкѣ, въ которой прошедшее сходится съ будущимъ и которую мы неправильно называемъ настоящимъ временемъ. Въ этой безвременной точкѣ настоящаго, и только въ этой точкѣ, человѣкъ свободенъ, и потому въ настоящемъ, и только въ настоящемъ, истинная жизнь человѣка.

I.

Истинная жизнь не во времени.

1. Прошлаго уже нѣтъ, будущее еще не пришло. Что же есть? Только та точка, гдѣ сходятся будущее съ прошедшимъ. Казалось бы, точка—это ничто, а между тѣмъ только въ этой точкѣ вся жизнь наша.

2. Намъ только кажется, что есть время. Его нѣтъ. Время, это—только приспособленіе, посредствомъ котораго мы постепенно видимъ то, что дѣйствительно есть и что всегда одно. Глазъ не видитъ шара всего сразу, хотя шаръ существуетъ весь сразу. Для того, чтобы глазъ видѣлъ шаръ, нужно, чтобы шаръ вертѣлся передъ глазомъ, который смотритъ на него. Такъ и міръ развертывается, или какъ будто развертывается, передъ глазами людей во времени. Для высшаго разума нѣтъ времени: что будетъ, то есть. Время и пространство, это—раскрошеніе безконечнаго для пользованія имъ существами конечными.

Аміель.

3. Нѣтъ ни „прежде“, ни „послѣ“. то, что

случится завтра, уже дѣйствительно есть въ вѣчности.

Ангелусъ.

4. Времени и пространства нѣтъ: и то и другое необходимо намъ только для того, чтобы мы могли понимать предметы. И потому очень ошибочно думать, что разсужденія о звѣздахъ, свѣтъ которыхъ еще не дошелъ до насъ, и о состояніи солнца за милліоны лѣтъ и т. п. суть разсужденія очень важныя. Въ такихъ разсужденіяхъ нѣтъ ничего не только важнаго, но нѣтъ ничего серьезнаго. Все это только праздная игра ума.

5. Времени нѣтъ, есть только мгновеніе. А въ немъ-то, въ этомъ мгновеніи, вся наша жизнь. И потому въ одно это мгновеніе надо полагать всѣ свои силы.

6. Если жизнь внѣ времени, то для чего же она проявляется во времени и пространствѣ? А для того, что только во времени и пространствѣ можетъ быть движеніе, то-есть стремленіе къ расширенію, просвѣтленію, къ совершенству. Если бы не было пространства и времени, не было бы движенія, не было бы жизни.

II.

Духовная жизнь человѣка внѣ времени и пространства.

1. Время только для тѣлесной жизни. Духовное же существо человѣка всегда внѣ времени. А внѣ времени оно потому, что дѣятельность духовнаго существа человѣка только въ усиліи сознанія. А усиліе сознанія всегда внѣ времени, потому что оно всегда только въ настоящемъ, а настоящее не во времени.

2. Мы не можемъ представить себѣ жизнь послѣ смерти и не можемъ вспомнить жизнь до рожденія, потому что не можемъ представлять себѣ ничего внѣ времени. А между тѣмъ мы лучше всего знаемъ нашу жизнь внѣ времени— въ настоящемъ.

3. Наша душа брошена въ тѣло, гдѣ она находитъ число, время, измѣреніе. Она разсуждаетъ объ этомъ и называетъ это природой, необходимостью, и не можетъ мыслить иначе.

Паскаль.

4. Мы говоримъ, что идетъ время. Это невѣрно. Идемъ мы, а не время. Когда мы плы-

вемъ по рѣкѣ, намъ кажется, что идутъ берега, а не лодка, на которой мы плывемъ. Такъ и время.

5. Хорошо почаще вспоминать о томъ, что наша истинная жизнь не одна наружная, тѣлесная, какую мы проживаемъ здѣсь, на землѣ, на нашихъ глазахъ, но что вмѣстѣ съ этой жизнью есть въ насъ и другая, внутренняя жизнь, духовная, которой не было начала и нѣтъ конца.

III.

Истинная жизнь только въ настоящемъ.

1. Способность помнить прошедшее и представлять себѣ будущее дана намъ только для того, чтобы, руководясь соображеніями о томъ или другомъ, вѣрнѣе рѣшать поступки настоящаго, а никакъ не для того, чтобы жалѣть о прошедшемъ или готовить будущее.

2. Человѣкъ живетъ только настоящее мгновеніе. Все остальное или прошло уже, или неизвѣстно, будетъ ли.

Маркъ Аврелій.

3. Мы только отъ того мучимся прошедшимъ и портимъ себѣ будущее, что мало заняты настоящимъ. Прошедшее было, будущаго нѣтъ, есть одно настоящее.

4. Будущее состояніе наше всегда будетъ казаться мечтой для нашего теперешняго состоянія.

Важна не длина жизни, но глубина ея. Дѣло не въ продолженіи жизни, но въ томъ, чтобы жить не во времени. А живемъ мы не во времени только тогда, когда мы живемъ усиліемъ добра. Когда мы живемъ такъ, мы не задаемъ себѣ вопроса о времени.

По Эмерсону.

5. „Жить до вечера и до вѣку“—значитъ жить такъ, какъ будто всякую минуту доживаешь послѣдній часъ и можешь успѣть сдѣлать только самое важное, и вмѣстѣ съ тѣмъ жить такъ, какъ будто дѣло, которое ты дѣлаешь, ты будешь продолжать безъ конца.

6. Время за нами, время передъ нами, при насъ его нѣтъ. Какъ только станешь больше думать о томъ, что было, или о томъ, что будетъ, какъ потеряешь главное: жизнь истинную въ настоящемъ.

7. Мгновеніе только мгновеніе,—человѣку кажется такъ неважно мгновеніе, что онъ пропускаетъ его, а только въ этомъ вся его жизнь, только въ мгновеніи настоящаго можетъ онъ сдѣлать то усиліе, которымъ берется Царство Божіе и внутри и внѣ насъ.

8. Побороть дурныя привычки можно только сегодня, а не завтра.

Конфуцій.

9. Все неважно, кромѣ того, что мы дѣлаемъ въ настоящую минуту.

10. Хорошо не думать о завтрашнемъ днѣ; но для того, чтобы не думать о немъ, есть только одно средство: думать, не переставая, о томъ, такъ ли я исполняю дѣло настоящаго дня, часа, минуты.

11. Трудно среди общенія съ людьми, въ минуты увлеченія мыслями о прошедшемъ и будущемъ, вспомнить о томъ, что жизнь твоя сейчасъ въ этомъ моментѣ настоящаго. Но какъ важно и драгоцѣнно вспоминать это! Старайся пріучать себя къ этому. Много зла избѣгнетъ человѣкъ, если пріучится къ памятованію о томъ, что важно въ жизни только

настоящее, что только оно одно есть. Все остальное—мечта.

12. Какъ только ушелъ въ прошедшее и будущее, такъ ушелъ отъ настоящей жизни, и отъ этого тотчасъ же сиротливо, несвободно, одиноко.

13. Сколько нравственныхъ мученій—и все это, чтобы умереть черезъ нѣсколько минутъ! Стало-быть, не о чемъ и заботиться.

Нѣтъ, это неправда. Есть твоя жизнь сейчасъ. Времени нѣтъ, и сейчасъ стоитъ сотенъ лѣтъ, если ты въ сейчасъ будешь жить съ Богомъ.

По Аміелю.

14. Говорятъ: человѣкъ не свободенъ, потому что все, что онъ дѣлаетъ, имѣетъ свою, предшествующую во времени, причину. Но человѣкъ дѣйствуетъ всегда только въ настоящемъ, а настоящее внѣ времени,—оно только точка соприкосновенія прошедшаго и будущаго. И потому въ мгновеніи настоящаго человѣкъ всегда свободенъ.

15. Только въ настоящемъ проявляется свободная божественная сила жизни, и потому

дѣятельность настоящаго должна имѣть свойства божественнаго, то-есть должна быть разумна и добра.

16. Спросили у мудреца: какое дѣло самое важное? Какой человѣкъ самый важный? И какое время въ жизни самое важное?
И мудрецъ отвѣтилъ: „Дѣло самое важное —то, чтобы быть въ любви со всѣми людьми, потому что въ этомъ дѣло жизни всякаго человѣка.

„Человѣкъ самый важный тотъ, съ кѣмъ въ эту настоящую минуту ты имѣешь дѣло, потому что никогда не можешь знать, будешь ли еще имѣть дѣло съ какимъ-либо другимъ человѣкомъ.

„Время же самое важное—одно настоящее, потому что въ немъ одномъ человѣкъ властенъ надъ собою".

IV.

Любовь проявляется только въ настоящемъ.

1. Главное дѣло въ жизни—любовь. А любить нельзя ни въ прошедшемъ, ни въ буду-

щемъ. Любить можно только въ настоящемъ, сейчасъ, сію минуту.

2. Только когда не руководишься въ своихъ поступкахъ ни прошедшимъ ни будущимъ, а требованіемъ своей души въ настоящемъ, можешь поступать вполнѣ любовно.

3. Любовь, это—проявленіе божественной сущности, для которой нѣтъ времени, и потому любовь проявляется только въ настоящемъ, сейчасъ, во всякую минуту настоящаго.

4. Надо не думать о будущемъ, а только въ настоящемъ стараться дѣлать жизнь радостной для себя и другихъ. „Завтрашній день печется самъ о себѣ“. Это великая правда. Тѣмъ-то и хороша жизнь, что никакъ не знаешь, что нужно для будущаго. Одно навѣрное нужно и годится всегда—въ настоящую минуту любовь къ людямъ.

5. Любить вообще—значитъ дѣлать доброе. Такъ мы всѣ понимаемъ и не можемъ иначе понимать любовь.

И любовь не только слово, но это дѣла, которыя мы дѣлаемъ для блага другихъ.

Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воз-

держаться отъ требованій настоящей самой малой любви во имя другой будущей большей любви, то онъ обманываетъ или себя или другихъ и никого не любитъ, кромѣ себя одного.

Любви въ будущемъ не бываетъ: любовь бываетъ только въ настоящемъ. Если человѣкъ не дѣлаетъ дѣла любви въ настоящемъ, въ немъ нѣтъ любви.

6. Ты хочешь добра. А добро можетъ быть только сейчасъ; въ будущемъ не можетъ быть добра, потому что будущаго нѣтъ. Есть только настоящее.

7. Никогда не откладывай добраго дѣла, если можешь сдѣлать его нынче, потому что смерть не разбираетъ того, сдѣлалъ или не сдѣлалъ ты то, что долженъ. Смерть никого и ничего не дожидается. И потому для человѣка важнѣе всего въ мірѣ то, что онъ сейчасъ дѣлаетъ.

8. Если бы только мы чаще вспоминали о томъ, что никогда не вернешь потерянаго времени, никогда не передѣлаешь сдѣланнаго зла, мы больше бы дѣлали добра, меньше дѣлали бы зла.

9. Не будемъ медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными. Не будемъ ждать особенныхъ страданій другихъ людей или нашихъ. Жизнь коротка, и потому будемъ торопиться радовать сердца нашихъ спутниковъ въ этомъ короткомъ переѣздѣ. Поспѣшимъ быть добрыми.

Аміель.

10. Помни, что если ты можешь сдѣлать хорошее дѣло, оказать любовь кому-нибудь, то надо дѣлать это сейчасъ, потому что пройдетъ случай и не возвратится.

11. Добрые люди забываютъ то хорошее, что они сдѣлали: они такъ заняты тѣмъ, что сейчасъ дѣлаютъ, что не думаютъ о томъ, что уже сдѣлали.

Китайская пословица.

12. Жизнь сейчасъ, въ настоящемъ, это то состояніе, въ которомъ живетъ въ насъ Богъ. И потому настоящее мгновеніе въ жизни дороже всего. Всѣ силы души употребляй на то, чтобы не даромъ прошло это мгновеніе и чтобы не скрыть отъ себя того Бога, который могъ проявиться въ тебѣ.

V.

Соблазнъ приготовленія къ жизни вмѣсто самой жизни.

1. „Теперь мнѣ можно на время отступить отъ того, что должно и чего требуетъ моя совѣсть, потому что я не готовъ“,говоритъ себѣ человѣкъ. „А вотъ я приготовлюсь, наступитъ время, и тогда я начну жить уже вполнѣ сообразно съ своей совѣстью“.

Ложь этого разсужденія въ томъ, что человѣкъ отступаетъ отъ жизни въ настоящемъ, одной дѣйствительной жизни, и переноситъ ее въ будущее, тогда какъ будущее не принадлежитъ ему.

Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человѣку надо понимать и помнить, что готовиться некогда, что онъ долженъ жить наилучшимъ образомъ сейчасъ, такой, какой онъ есть, что совершенствованіе, нужное для него, есть только одно совершенствованіе въ любви, а это совершенствованіе совершается только въ настоящемъ. И потому человѣкъ долженъ, не откладывая, жить всякую минуту всѣми своими силами для исполненія того на-

значенія, для котораго онъ пришелъ въ міръ и которое одно можетъ дать ему истинное благо. Человѣкъ долженъ жить такъ, зная, что всякую минуту онъ можетъ быть лишенъ возможности этого исполненія.

2. „Это я сдѣлаю, когда вырасту большой". „Я такъ буду жить, когда кончу ученіе, когда женюсь". „А я такъ устроюсь, когда у меня будутъ дѣти, когда женю сына, или когда разбогатѣю, или когда переѣду въ другое мѣсто, или когда состарѣюсь".

Такъ говорятъ и дѣти, и взрослые, и старики, а никто не знаетъ, проживетъ ли онъ до вечера. Про всѣ эти дѣла мы не можемъ знать, доведется или не доведется намъ дѣлать ихъ, не помѣшаетъ ли смерть.

Только одному дѣлу не можетъ помѣшать смерть: смерть не можетъ помѣшать тому, чтобы во всякій часъ, пока живъ, исполнять волю Бога—любить людей.

3. Мы часто говоримъ и думаемъ, что „я не могу дѣлать всего, что должно, въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь". Какъ это несправедливо! Та внутренняя работа, въ которой и заключается жизнь, всегда возможна. Ты въ тюрьмѣ, ты боленъ, ты ли-

шенъ возможности какой бы то ни было внѣшней дѣятельности, тебя оскорбляютъ, мучатъ, —но внутренняя жизнь твоя въ твоей власти: ты можешь въ мысляхъ упрекать, осуждать, завидовать, ненавидѣть людей и можешь въ мысляхъ же подавлять эти чувства и замѣнять ихъ добрыми. Такъ что всякая минута твоей жизни твоя, и никто не можетъ отнять ее у тебя.

4. Когда я говорю: „Я не могу этого сдѣлать“, я выражаюсь невѣрно. Я долженъ сказать, что я не могъ этого сдѣлать прежде. То же, что въ каждую минуту настоящаго я могу самъ съ собою сдѣлать все, что хочу, это я несомнѣнно знаю. И хорошо человѣку знать это.

5. Сознаніе своего нездоровья, заботы объ устраненіи его, главное—мысль о томъ, что я теперь нездоровъ и не могу, а вотъ дай выздоровлю, тогда сдѣлаю,—все это великій соблазнъ. Это вѣдь значитъ говорить: не хочу того, что мнѣ дано, а того, чего нѣтъ. Всегда можно радоваться тому, что сейчасъ есть, и дѣлать изъ того, что есть (то-есть тѣхъ силъ, какія есть), все, что можно.

6. Всякій настоящій часъ есть критическій, рѣшающій часъ. Запиши въ своемъ сердцѣ, что каждый день—самый лучшій день всего года, каждый часъ—лучшій часъ, каждое мгновеніе—лучшее мгновеніе. Оно лучшее потому, что оно одно твое.

По Эмерсону.

7. Для того, чтобы провести наилучшимъ образомъ свою жизнь, надо помнить, что вся жизнь только въ настоящемъ, и стараться наилучшимъ образомъ поступать въ каждую минуту настоящаго.

8. Тебѣ нехорошо,—и тебѣ кажется, что это оттого, что ты не можешь жить такъ, какъ бы ты хотѣлъ, что ты бы легче сдѣлалъ то, что считаешь должнымъ, если бы жизнь твоя была другая. Это неправда. У тебя есть все то, чего ты такъ желаешь. Во всякую минуту жизни ты можешь сдѣлать самое лучшее, что ты можешь только сдѣлать.

9. Въ жизни, въ настоящей жизни, не можетъ быть ничего лучше того, что есть. Желать другого, чѣмъ то, что есть— кощунство.

10. Большія, важныя, великія дѣла, кото-

рыя могутъ быть окончены только въ будущемъ,—все это не настоящія дѣла, не для Бога сдѣланныя. Если вѣришь въ Бога, то будешь вѣрить въ жизнь въ настоящемъ, будешь дѣлать тѣ дѣла, которыя вполнѣ закончены въ настоящемъ.

11. Наибольшее сближеніе съ Богомъ, это —наибольшее сосредоточеніе въ настоящемъ, и наоборотъ, чѣмъ больше занятъ прошедшимъ или будущимъ, тѣмъ больше удаляешься отъ Бога.

12. Momento mori, помни смерть!—великое слово... Если бы мы помнили то, что мы неизбѣжно и скоро умремъ, вся жизнь наша была бы совсѣмъ другая. Если человѣкъ знаетъ, что онъ умретъ черезъ полчаса, то онъ навѣрное не станетъ дѣлать ни пустого, ни глупаго, ни, главное, дурного въ эти полчаса. Но полвѣка, которые, можетъ-быть, отдѣляютъ тебя отъ смерти, развѣ не то же, что полчаса?

VI.

Послѣдствія нашихъ поступковъ дѣло не наше, а Божье.

1. Всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ никогда не могутъ быть доступны намъ, потому что всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ безконечны въ безконечномъ мірѣ и безконечномъ времени.

2. Если ты можешь видѣть всѣ послѣдствія твоей дѣятельности, то знай, что эта дѣятельность ничтожна.

3. Люди говорятъ: „нельзя жить, если мы не знаемъ того, что насъ ожидаетъ. Надо готовиться къ тому, что будетъ“. Это неправда. Настоящая хорошая жизнь бываетъ именно тогда, когда не думаешь о томъ, что будетъ съ моимъ тѣломъ, а только о томъ, что мнѣ для своей души нужно сейчасъ. А для души нужно только одно: дѣлать то, что соединяетъ мою душу со всѣми людьми и съ Богомъ.

4. Наши поступки сейчасъ, сію минуту, это наше, а что изъ нихъ выйдетъ—то дѣло Божіе.

Францискъ.

5. Живя духовной жизнью, то-есть заодно съ Богомъ, человѣкъ, хотя и не можетъ знать послѣдствій своихъ поступковъ, знаетъ навѣрное, что послѣдствія эти будутъ благія.

6. Поступокъ, совершенный безъ всякихъ соображеній о какихъ бы то ни было послѣдствіяхъ, въ виду только исполненія воли Бога, есть найлучшій поступокъ, который можетъ быть сдѣланъ человѣкомъ.

7. Какъ только думаешь о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, такъ чувствуешь свою слабость и ничтожность; а какъ только подумаешь о томъ, что дѣло твое въ томъ, чтобы дѣлать сейчасъ волю Пославшаго, такъ чувствуешь свободу, радость и силу.

8. Если человѣкъ думаетъ о томъ, что выйдетъ изъ того, что онъ дѣлаетъ, то то, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ навѣрно только для себя.

9. Награда доброй жизни никакъ не въ будущемъ, а въ настоящемъ. Сейчасъ дѣлаешь хорошо—и сейчасъ тебѣ хорошо. А дѣлаешь хорошо, то и послѣдствія не могутъ не быть хорошими.

VII.

Для людей, понимающихъ значеніе жизни въ настоящемъ, не можетъ быть вопроса о загробной жизни.

1. Мы путаемся въ мысляхъ о будущей жизни. Мы спрашиваемъ себя, что будетъ послѣ смерти? Но вѣдь объ этомъ нельзя спрашивать,—нельзя спрашивать потому, что жизнь и будущее, это—противорѣчіе: жизнь только въ настоящемъ. Намъ кажется, что она б ы л а и б у д е т ъ,—а жизнь только е с т ь. Надо рѣшать не вопросъ о будущемъ, а о томъ, какъ жить въ настоящемъ, сейчасъ.

2. Мы всегда въ невѣдѣніи о тѣлесной жизни, потому что тѣлесная жизнь вся происходитъ во времени, а мы не можемъ знать будущаго. Въ области же духовной нѣтъ будущаго. И потому неизвѣстность нашей жизни уменьшается въ той мѣрѣ, въ которой жизнь наша переходитъ отъ тѣлесной къ духовной, въ той мѣрѣ, въ которой мы живемъ настоящимъ.

3. Предназначенный намъ трудъ мы должны выполнять честно и безукоризненно, все

равно, надѣемся ли мы со временемъ стать ангелами или вѣримъ въ то, что мы когда-то были слизняками.

Джонъ Рескинъ.

4. Главный вопросъ жизни нашей только въ томъ, то ли мы дѣлаемъ въ этотъ короткій, данный намъ срокъ жизни, чего хочетъ отъ насъ Тотъ, Кто послалъ насъ въ жизнь. То ли мы дѣлаемъ?

5. По мѣрѣ продленія жизни, и въ особенности доброй жизни, ослабѣваютъ значеніе времени и интересъ вопроса о томъ, что будетъ. Чѣмъ старше, тѣмъ быстрѣе идетъ время, тѣмъ все меньше и меньше получаетъ значенія то, что „будетъ“, и все больше и больше то, что „есть“.

6. Если ты можешь вознестись духомъ выше пространства и времени, то ты въ каждое мгновеніе находишься въ вѣчности.

Ангелусъ.

НЕДѢЛАНІЕ.

НЕДѢЛАНІЕ.

Люди портятъ свою жизнь не столько тѣмъ, что не дѣлаютъ то, что должно дѣлать, сколько тѣмъ, что дѣлаютъ то, чего не должно дѣлать. И потому главное усиліе, которое долженъ сдѣлать надъ собою человѣкъ для доброй жизни, это—то, чтобы не дѣлать того, чего не должно.

I.

Для доброй жизни нужнѣе всего воздержаніе.

1. Есть одно самое важное дѣло для всѣхъ людей. Дѣло это въ томъ, чтобы жить хорошо. Жить же хорошо — значитъ не столько дѣлать то хорошее, что мы можемъ дѣлать, сколько не дѣлать того дурного, которое можемъ не дѣлать. Главное — не дѣлать дурного.

2. Всѣ люди нашего времени знаютъ, что жизнь наша дурная, и не только осуждаютъ устройство нашей жизни, но и дѣлаютъ дѣла, которыя, по ихъ мнѣнію, должны улучшить жизнь. Но жизнь отъ этого не улучшается, а становится все хуже и хуже. Отчего это? А оттого, что люди дѣлаютъ самыя хитрыя и трудныя дѣла для улучшенія жизни, а не дѣлаютъ самаго простого и легкаго: не воздерживаются отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя дѣлаютъ нашу жизнь дурною.

3. Человѣкъ можетъ узнать, что ему нужно дѣлать, только тогда, когда онъ ясно пойметъ, чего ему не нужно дѣлать. Не дѣлая же того, что ему не должно дѣлать, онъ неизбѣжно будетъ дѣлать то, что ему должно дѣлать, хотя и не будетъ знать, для чего онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ.

4. Вопросъ: что лучше всего дѣлать, когда спѣшишь? Отвѣтъ: ничего.

5. Во времена упадка духа надо обращаться съ собой, какъ съ больнымъ; главное — ничего не предпринимать.

6. Если ты не знаешь, какъ быть, сдѣлать или не сдѣлать, знай впередъ, что всегда лучше удержаться, чѣмъ сдѣлать. Если бы ты не въ силахъ былъ удержаться и если бы ты навѣрное зналъ, что дѣло хорошее. то ты не спрашивалъ бы себя, сдѣлать или не сдѣлать; если же спрашиваешь то, во-первыхъ знаешь, что можешь удержаться, а во-вторыхъ, навѣрное знаешь, что дѣло не вполнѣ хорошее. Если бы дѣло вполнѣ было хорошее, ты бы не спрашивалъ.

7. Если тебѣ чего-нибудь такъ хочется, что даже кажется, что ты не можешь воздержаться, не вѣрь себѣ. Неправда, чтобы человѣкъ не могъ воздержаться отъ чего бы то ни было. Не можетъ воздержаться только тотъ, кто впередъ увѣрилъ себя, что онъ не можетъ.

8. Вспомни каждый, хотя бы и молодой человѣкъ, свою жизнь. И если ты пожалѣешь одинъ разъ о томъ, что ты не сдѣлалъ того, что было должно и что было бы хорошо, то ты сотни разъ пожалѣешь о томъ, что ты сдѣлалъ то, что было нехорошо и чего не должно было дѣлать.

II.

Послѣдствія невоздержанія.

1. Не столько вреда бываетъ отъ того, что мы дѣлаемъ не то, что должно, сколько отъ того, что мы не удерживаемся отъ того, чего не должно дѣлать.

2. Невоздержаніе въ одномъ поступкѣ ослабляетъ силу воздержанія и въ другомъ. Привычка невоздержанія, это — невидимый потокъ подъ домомъ. Такому дому не устоять.

3. Хуже передѣлать, чѣмъ не додѣлать; хуже поспѣшить, чѣмъ опоздать.
Упреки совѣсти всегда больнѣе за то, что сдѣлалъ, чѣмъ за то, чего не сдѣлалъ.

4. Чѣмъ затруднительнѣе кажется положеніе, тѣмъ меньше надо дѣйствовать. Дѣйствіями-то мы обыкновенно и портимъ то, что начинало уже поправляться.

5. Большинство людей, которыхъ называютъ злыми, сдѣлались такими только отъ того, что они принимали свое дурное расположеніе духа

за свое законное состояніе и отдавались ему и не дѣлали усилій, чтобы воздерживаться отъ него.

6. Если ты чувствуешь себя не въ силахъ воздержаться отъ тѣлеснаго желанія, то причина навѣрное въ томъ, что ты не воздержался, когда ты еще могъ воздержаться, и желаніе сдѣлалось уже въ тебѣ привычкой.

III.

Не всякая дѣятельность достойна уваженія.

1. Очень ошибочно думать, что дѣятельность, просто какъ дѣятельность, безъ соображенія о томъ, въ чемъ она состоитъ, есть дѣло почтенное, заслуживающее уваженія. Вопросъ въ томъ, въ чемъ дѣятельность и при какихъ условіяхъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ.

2. Часто люди съ гордостью отказываются отъ невинныхъ увеселеній, говоря, что имъ некогда, потому что у нихъ есть дѣло. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что добро-

душная, веселая игра нужнѣе и важнѣе многихъ дѣлъ, то самое дѣло, ради котораго занятые люди отказываются отъ удовольствія, часто бываетъ такое, что лучше бы его никогда не дѣлать.

3. Для истиннаго движенія жизни не только не нужна, но вредна внѣшняя суетливая дѣятельность. Ничегонедѣланіе безъ увеселеній, доставляемыхъ трудами другихъ людей, есть самое тяжелое состояніе, если оно не наполнено внутренней работой, и потому, если человѣкъ живетъ внѣ условій роскоши, доставляемой чужимъ трудомъ, то человѣкъ этотъ не будетъ празденъ. Вредъ человѣчеству главный не отъ праздности, а отъ дѣланія того, что не нужно и вредно.

IV.

Воздерживаться отъ дурныхъ привычекъ можетъ человѣкъ только тогда, когда онъ можетъ сознавать себя не тѣлеснымъ, а духовнымъ существомъ.

1. Для того, чтобы научиться воздерживаться, надо научиться раздваиваться на тѣлеснаго и духовнаго человѣка и заставлять тѣлеснаго человѣка дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, что хочетъ человѣкъ духовный.

2. Когда душа спитъ, бездѣйствуетъ, тѣло неудержимо подчиняется тѣмъ проявленіямъ чувствъ, которыя вызываютъ въ немъ поступки людей, окружающихъ человѣка. Люди зѣваютъ, и онъ зѣваетъ; люди горячатся, и онъ горячится; люди гнѣваются, и онъ гнѣвается; люди умиляются, плачутъ, и у него выступаютъ слезы.

Такое невольное подчиненіе внѣшнимъ воздѣйствіямъ бываетъ причиною дурныхъ, несогласныхъ съ требованіями совѣсти, поступковъ. Будь насторожѣ противъ такихъ внѣшнихъ воздѣйствій и не подчиняйся имъ.

3. Только когда съ молодыхъ лѣтъ пріучишь тѣлеснаго человѣка слушаться духовнаго, только тогда станетъ легко воздерживаться отъ своихъ желаній. А человѣку, который пріучилъ себя воздерживаться отъ своихъ желаній, бываетъ легко и радостно жить на свѣтѣ.

V.

Чѣмъ больше бороться съ невоздержаніемъ, тѣмъ легче борьба.

1. Между разумомъ и страстями идетъ въ человѣкѣ междоусобная война. Человѣкъ могъ бы имѣть хоть какое-нибудь спокойствіе, если бы въ немъ былъ только разумъ безъ страстей или только страсти безъ разума. Но такъ какъ въ немъ и то и другое, то онъ не можетъ избѣжать борьбы, не можетъ быть въ мирѣ съ однимъ иначе, какъ воюя съ другимъ. Онъ всегда борется самъ въ себѣ. И борьба эта необходима, въ ней жизнь.

Паскаль.

2. Для того, чтобы уважать другихъ, какъ самого себя, и поступать съ ними такъ, какъ мы желаемъ, чтобы съ нами поступали, — а въ этомъ главное дѣло жизни, — нужно владѣть собой, а чтобы владѣть собой, надо пріучать себя къ этому.

3. Всякій разъ, когда чего-нибудь очень хочется сдѣлать, остановись и подумай: хорошо ли то, чего тебѣ такъ очень хочется.

4. Для того, чтобы не дѣлать злыхъ дѣлъ, мало того, чтобы удерживаться отъ самыхъ дѣлъ, надо научиться удерживаться отъ злыхъ разговоровъ, а главное — удерживаться отъ злыхъ мыслей. Какъ только вспомнилъ, что разговоръ недобрый — осмѣиваешь, осуждаешь, бранишь другого, — остановись, замолчи и не слушай. То же дѣлай и тогда, когда придутъ недобрыя мысли: думаешь худое о ближнемъ, — все равно, стоитъ или не стоитъ такихъ сужденій этотъ ближній, — остановись и старайся думать о другомъ. Только если научишься воздерживаться отъ злыхъ словъ и злыхъ мыслей, будешь въ силахъ воздерживаться и отъ злыхъ дѣлъ.

5. Сколько бы разъ ни пришлось тебѣ па-

дать, не достигнувъ побѣды надъ своими страстями, — не унывай. Всякое усиліе борьбы уменьшаетъ силу страсти и облегчаетъ побѣду надъ ней.

6. Возница не бросаетъ вожжей отъ того, что не сразу остановитъ коней, но продолжаетъ тянуть, и кони останавливаются. Такъ и ты со страстями: не удержался одинъ разъ, продолжай бороться, и въ концѣ концовъ побѣдишь ты, а не страсти.

7. Всякая страсть въ сердцѣ человѣка — вначалѣ какъ проситель, потомъ какъ гость и, наконецъ, какъ хозяинъ дома. Постарайся отказать такому просителю, не отворяй ему двери дома своего сердца.

VI.

Значеніе воздержанія для отдѣльныхъ людей и всего человѣчества.

1. Хочешь быть свободенъ — пріучай себя воздерживаться въ своихъ желаніяхъ.

2. Кто мудръ? — У всѣхъ чему-нибудь научающійся. Кто богатъ? — Довольствующійся своею участью. Кто силенъ? — Себя обуздывающій.

Талмудъ.

3. Говорятъ, что христіанство есть ученіе слабости, потому что оно предписываетъ не поступки, а преимущественно воздержаніе отъ нихъ. Христіанство — ученіе слабости! Хорошо ученіе слабости, Основатель котораго погибъ мученикомъ на крестѣ, не измѣняя Себѣ, и послѣдователями котораго насчитываютъ тысячи мучениковъ, единственныхъ людей, смѣло смотрѣвшихъ въ глаза злу и возставшихъ противъ него. И тогдашніе насильники, казнившіе Христа, и теперешніе насильники знаютъ, какое это ученіе слабости, и боятся болѣе всего этого самаго ученія. Они чутьемъ видятъ, что это ученіе одно подъ корень и вѣрно разрушаетъ все то устройство, на которомъ они держатся. Гораздо больше силы нужно для воздержанія отъ зла, чѣмъ для дѣланія самой трудной вещи, которую мы считаемъ добромъ.

4. Всѣ различія нашихъ положеній въ мірѣ ничто въ сравненіи съ властью человѣка надъ самимъ собою. Если человѣкъ упалъ въ море,

то совершенно все равно, откуда онъ упалъ въ море и какое это море. Важно только то, умѣетъ ли этотъ человѣкъ плавать или нѣтъ. Сила не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ умѣніи владѣть собой.

5. Настоящая сила не въ томъ, кто не побѣждаетъ другихъ, а въ томъ, кто побѣждаетъ себя, не позволяетъ животному властвовать надъ душой.

6. Кто отдается страстнымъ желаніямъ, кто ищетъ наслажденій, у того страсть становится все сильнѣе и сильнѣе и такого человѣка она заковываетъ въ цѣпи.

Кто успѣлъ побѣдить страсть, тотъ разорвалъ цѣпи.

Буддійская Мудрость.

7. Молодой человѣкъ! Отказывай себѣ въ удовлетвореніи твоихъ желаній (въ увеселеніяхъ, въ роскоши и т. п.), если и не изъ намѣренія совсѣмъ отказаться отъ всего этого, то изъ желанія имѣть передъ собой неперестающую возможность наслажденія. Такая бережливость по отношенію къ твоему жизненному чувству сдѣлаетъ тебя, благодаря отсрочкѣ наслажденія, въ дѣйствительности богаче.

Сознаніе того, что наслажденіе находится въ твоей власти, плодотворнѣе и обширнѣе, какъ и все идеальное, чѣмъ удовлетворенное посредствомъ этого наслажденія чувство, потому что вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ уничтожается и самое чувство наслажденія.

Кантъ.

8. Надо не столько стараться дѣлать добро, сколько стараться быть добрымъ; не столько стараться свѣтить, сколько стараться быть чистымъ. Душа человѣка живетъ какъ будто въ стеклянномъ сосудѣ, и сосудъ этотъ человѣкъ можетъ загрязнить и можетъ держать чистымъ. Насколько чисто стекло сосуда, настолько свѣтитъ черезъ него свѣтъ истины, — свѣтитъ и для самого человѣка и для другихъ. И потому главное дѣло человѣка — внутреннее, въ содержаніи въ чистотѣ своего сосуда. Только не загрязняй себя, и тебѣ будетъ свѣтло, будешь свѣтить и людямъ.

9. Только не дѣлай того, чего не должно дѣлать, и ты сдѣлаешь все то, что должно.

10. Часто для того, чтобы сдѣлалось то, чего мы желаемъ, нужно только перестать дѣлать то, что мы дѣлаемъ.

11. Только посмотрѣть на жизнь, ведомую

людьми въ нашемъ мірѣ, посмотрѣть на Чикаго, Парижъ, Лондонъ, всѣ города, всѣ заводы, желѣзныя дороги, машины, вооруженія, пушки, крѣпости, книгопечатни, музеи, 30-этажные дома и т. п., и задать себѣ вопросъ, что надо сдѣлать прежде всего для того, чтобы люди могли жить хорошо? Отвѣтить можно навѣрное одно: прежде всего перестать дѣлать все то лишнее, что теперь дѣлаютъ люди. А лишнее въ нашемъ европейскомъ мірѣ, это — 0,99 всей дѣятельности людей.

12. Какъ ни тонка и прозрачна стала ложь, вытекающая изъ противорѣчія нашей жизни и нашего сознанія, она утончается и растягивается, но не обрывается. И, утончаясь и растягиваясь, ложь эта связываетъ существующій порядокъ вещей и препятствуетъ проявленію новаго.

Большинство людей христіанскаго міра уже не вѣритъ болѣе въ языческія основы, руководящія ихъ жизнью, а вѣритъ въ христіанскія основы, признаваемыя ими въ своемъ сознаніи, но жизнь продолжаетъ итти попрежнему. Для того, чтобы исчезли всѣ тѣ бѣдствія и противорѣчія, которыя физически и нравственно мучаютъ теперь людей, для того, чтобы наступило то Царствіе Божіе, которое

1900 лѣтъ тому назадъ предсказано человѣчеству, людямъ нашего времени нужно одно: нравственное усиліе. Какъ для того, чтобы застуженная ниже точки замерзанія жидкость пришла въ свойственную ей форму кристалловъ, нуженъ толчокъ, такъ для перехода человѣчества къ той формѣ жизни, которая ему свойственна, нужно нравственное усиліе, то усиліе, которымъ берется Царство Божіе.

Усиліе это не есть усиліе движенія, усиліе открытія новаго міросозерцанія, новыхъ мыслей и совершенія особенныхъ новыхъ поступковъ. Усиліе, которое нужно для вступленія въ Царство Божіе или въ новую форму жизни, есть усиліе отрицательное, усиліе неслѣдованія за потокомъ, усиліе недѣланія поступковъ, не согласныхъ съ внутреннимъ сознаніемъ.

И вотъ къ необходимости этого-то усилія и приведены теперь люди и жестокостью жизни, и ясностью, и распространенностью христіанскаго ученія.

13. Малѣйшее движеніе вещества важно для всей природы. Все море измѣняется отъ одного камня. Точно такъ же и въ духовной жизни малѣйшее движеніе производитъ безконечныя послѣдствія. Все важно.

Паскаль.

СЛОВО.

СЛОВО.

Слово—выраженіе мысли и можетъ служить соединенію и раздѣленію людей; поэтому нужно съ осторожностью обращаться съ нимъ.

I.

Слово — дѣло великое.

1. Словомъ можно соединить людей, словомъ можно разъединить ихъ; словомъ можно служить любви, словомъ же можно служить враждѣ и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяетъ людей или служитъ враждѣ и ненависти.

2. Слово — выраженіе мысли, мысль — проявленіе Божеской силы, и потому слово должно соотвѣтствовать тому, что оно выражаетъ. Оно можетъ быть безразлично, но не можетъ и не должно быть выраженіемъ зла.

3. Человѣкъ — носитель Бога. Сознаніе своей божественности онъ можетъ выражать словомъ. Какъ же не быть осторожнымъ въ словѣ?

4. Время проходитъ, но сказанное слово остается.

5. Если имѣешь время подумать, прежде чѣмъ начинать говорить, то подумай, стоитъ ли, нужно ли говорить, не можетъ ли повредить кому-нибудь то, что ты хочешь сказать. И большей частью бываетъ такъ, что если подумаешь, то и не начнешь говорить.

6. Прежде думай, потомъ говори. Но остановись прежде, чѣмъ тебѣ скажуть: „довольно“. Человѣкъ выше животнаго способностью рѣчи, но онъ ниже его, если болтаетъ, что попало.

Саади.

7. Послѣ долгаго разговора постарайся вспомнить все то, о чемъ было говорено, и ты удивишься, какъ пусто и ненужно и часто дурно было все говоренное.

8. Слушай, будь внимателенъ, но говори мало.

Никогда не говори, если тебя не спрашиваютъ, но если тебя спрашиваютъ, отвѣчай тотчасъ же и коротко, и не стыдись, если ты долженъ признаться, что не знаешь того, о чемъ тебя спрашиваютъ.

Суфи.

9. Если хочешь быть умнымъ, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвѣчать и переставать говорить, когда нечего больше сказать.

Лафатеръ.

10. Не хвали, не осуждай другихъ и не спорь.

11. Слушай рѣчи ученаго человѣка со вниманіемъ, хотя бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя бы поученіе было написано на стѣнѣ.

Саади.

12. Есть очень хорошія три короткія слова: я незнаю.

Пріучай свой языкъ почаще говорить ихъ.

Восточная Мудрость.

13. Есть старинное изреченіе: «de mort-

uis aut bene, aut nihil», то-есть: о мертвыхъ говори доброе или ничего. Какъ это несправедливо! Напротивъ, надо бы сказать: „ о живыхъ говори доброе или ничего". Отъ сколькихъ страданій это избавило бы людей и какъ это легко! О мертвыхъ же почему не говорить худого? Въ нашемъ мірѣ, напротивъ, установилось вслѣдствіе обычая некрологовъ и юбилеевъ говорить о мертвыхъ однѣ преувеличенныя похвалы, — слѣдовательно, только ложь. А такія лживыя похвалы вредны потому, что сглаживаютъ въ понятіяхъ людей различіе между добромъ и зломъ.

14. Съ чѣмъ сравнить языкъ въ устахъ человѣка? Это ключъ сокровищницы; когда дверь заперта, никто не можетъ знать, что тамъ: драгоцѣнные ли камни или только ненужный хламъ?

Саади.

15. Хотя, по ученію мудрыхъ, молчаніе полезно, свободная рѣчь тоже нужна, но нужна только въ свое время. Мы грѣшимъ словомъ и когда молчимъ, а надо бы говорить, и когда говоримъ, а надо бы молчать.

Саади.

II.

Когда разсердился, молчи.

1. Если ты знаешь, какъ надо жить людямъ, и желаешь имъ добра, то будешь высказывать имъ это. Высказывать же это будешь стараться такъ, чтобы они повѣрили въ твои слова. Для того же, чтобы они повѣрили тебѣ и поняли тебя, тебѣ надо постараться передать твои мысли не съ раздраженіемъ и гнѣвомъ, а спокойно и съ добромъ.

2. Когда ты хочешь передать твоему собесѣднику въ разговорѣ какую-нибудь истину, то самое главное при этомъ — не раздражаться и не сказать ни одного недобраго или обиднаго слова.

По Эпиктету.

3. Не сказанное слово золотое.

4. Не думать впередъ о томъ, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойнымъ, добрымъ и любящимъ. Но если ты неспокоенъ и раздраженъ, то берегись согрѣшить словомъ.

5. Если ты не можешь тотчасъ же утишить свой гнѣвъ, удержи языкъ. Помолчи— и ты скорѣе успокоишься.

Бакстеръ.

6. Старайся, чтобы въ спорѣ слова твои были мягки, а доводы тверды. Старайся не досадить противнику, а убѣдить его.

Вилькинсъ.

7. Какъ только мы почувствовали гнѣвъ во время спора, мы уже споримъ не за истину, а за себя.

Карлейль.

III.

Не спорь.

1. Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: какъ только онъ пробился, ты уже не удержишь его. А всякая ссора вызывается и поддерживается словами.

Талмудъ.

2. Споръ никого не убѣждаетъ, а разъединяетъ и озлобляетъ. Что молотокъ для гвоздей, то споръ для мнѣній людскихъ. Мнѣнія, еще шаткія, послѣ споровъ становятся твер-

до забиты въ головы, какъ гвозди до шляпокъ.

По Ювеналу.

3. Въ спорахъ забывается истина. Прекращаетъ споръ тотъ, кто умнѣе.

4. Къ спорамъ прислушивайся, но въ споры не вмѣшивайся. Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи. Гнѣвъ вездѣ неумѣстенъ, а больше всего въ дѣлѣ правомъ, потому что затемняетъ и мутитъ его.

Гоголь.

5. Лучшій отвѣтъ безумцу — молчаніе. Каждое слово отвѣта отскочитъ отъ безумца на тебя. Отвѣчать обидой на обиду — все равно, что подкидывать дровъ въ огонь.

IV.

Не осуждай.

1. „Не судите да не судимы будете. Ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете суди-

мы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучокъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выму сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучокъ изъ глаза брата твоего".

Мѳ. VII, 1—6.

2. Почти всегда, поискавъ въ себѣ, мы найдемъ тотъ же грѣхъ, который мы осуждаемъ въ другомъ. Если же мы не знаемъ за собой именно того самаго грѣха, то стоитъ только поискать, и мы найдемъ еще худшій.

3. Какъ только начинаешь судить человѣка, помни о томъ, чтобы не сказать про него дурного, если ты навѣрно знаешь про это дурное, а тѣмъ болѣе, если ты не знаешь, а повторяешь только чужія слова.

4. Осужденіе другого всегда невѣрно, потому, что никто никогда не можетъ знать того, что происходило и происходитъ въ душѣ того, кого осуждаешь.

5. Хорошо уговориться съ пріятелемъ о томъ,

чтобы останавливать другъ друга, какъ скоро тотъ или другой изъ васъ начнетъ осуждать ближняго. А если нѣтъ такого пріятеля, то уговорись о томъ же самъ съ собою.

6. Осуждать людей въ глаза нехорошо потому, что это обижаетъ ихъ, а за глаза нечестно, потому что это обманываетъ ихъ. Самое лучшее не искать дурного въ людяхъ и забывать его, а искать дурное въ себѣ и помнить.

7. Остроумное осужденіе, это — дохлятина подъ соусомъ. Подъ соусомъ не замѣтишь, какъ наѣшься и всякой гадины.

8. Чѣмъ меньше знаютъ люди о худыхъ дѣлахъ людей, тѣмъ строже они къ самимъ себѣ.

9. Не слушайте никогда тѣхъ, кто говорятъ дурно о другихъ и хорошо о васъ.

10. Кто за глаза поноситъ меня, тотъ боится меня, а кто въ глаза хвалитъ, — презираетъ меня.

Китайская пословица.

11. Злословіе такъ нравится людямъ, что

очень трудно удержаться отъ того, чтобы не сдѣлать пріятное своимъ собесѣдникамъ: не осуждать отсутствующихъ. Но если ужъ непремѣнно угощать людей, то угощай чѣмъ-нибудь другимъ, а не такимъ вреднымъ и для себя и для угощаемыхъ угощеніемъ.

12. Прикрой чужой грѣхъ, Богъ два проститъ.

V.

Вредъ отъ невоздержанія въ словѣ.

1. Мы знаемъ, что съ заряженными ружьями надо обращаться осторожно, а не хотимъ знать того, что такъ же осторожно надо обращаться и со словомъ.Слово можетъ не только убить, но и сдѣлать зло хуже смерти.

2. Мы возмущаемся на тѣлесныя преступленія: объѣлся, подрался, прелюбодѣйствовалъ, убилъ, — а легко смотримъ на преступленія слова: осудилъ, оскорбилъ, передалъ, напечаталъ, написалъ вредныя, развращающія слова, а между тѣмъ послѣдствія преступленій слова гораздо болѣе тяжелы и значительны,

чѣмъ преступленіе тѣла. Разница только въ томъ, что зло тѣлесныхъ преступленій тотчасъ же замѣтно. Зло же преступленія слова мы не замѣчаемъ, потому что оно сказывается далеко отъ насъ и по мѣсту и по времени.

3. Было большое собраніе людей, больше тысячи, въ большомъ театрѣ. Въ серединѣ представленія одинъ глупый человѣкъ вздумалъ пошутить и крикнулъ одно слово: „пожаръ!“ Народъ бросился къ дверямъ. Всѣ столпились, давили другъ друга, и, когда опомнились, было раздавлено на смерть 20 человѣкъ и больше 50 поранено.

Такое великое зло можетъ сдѣлать одно глупое слово.

Тутъ, въ театрѣ, видно зло, которое сдѣлало одно глупое слово, но часто бываетъ, что вредъ глупаго слова хотя и не сразу виденъ, какъ въ театрѣ, а дѣлаетъ понемногу и незамѣтно еще больше зла.

4. Ничто такъ не поощряетъ праздности, какъ пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тѣхъ пустяковъ, которыми они отгоняютъ отъ себя скуку праздности, они не могли бы переносить праздности и работали бы.

5. Дурно говорить о людяхъ вредитъ сразу тремъ: тому, о комъ говорятъ дурно, тому, кому говорятъ дурно, но болѣе всего тому, кто говоритъ дурно о людяхъ.

Василій Великій.

6. Заочное осужденіе тѣмъ особенно дурно, что то самое сужденіе о недостаткахъ человѣка, которое, сказанное въ глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается отъ того, кому оно можетъ быть нужно, и сообщается тѣмъ, кому оно вредно, возбуждая дурное чувство къ осуждаемому.

7. Рѣдко раскаешься въ томъ, что промолчалъ, а сколько разъ раскаешься въ томъ, что сказалъ, и еще чаще бы раскаивался, если бы зналъ всѣ послѣдствія твоего слова.

8. Чѣмъ больше хочется говорить, тѣмъ больше опасность, что скажешь дурное.

9. Большая сила у того человѣка, который умѣетъ промолчать, хотя онъ правъ.

Катонъ.

VI.

Польза молчанія.

1. Давай больше отдыхать языку, чѣмъ рукамъ.

2. Часто молчаніе лучшій изъ отвѣтовъ.

3. Семь разъ поверни языкъ, прежде чѣмъ начнешь говорить.

4. Надо или молчать или говорить вещи, которыя лучше молчанія.

5. Кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ. Мудрый человѣкъ всегда боится, чтобы слова его не обѣщали больше того, что онъ можетъ дать, и потому чаще молчитъ и говоритъ только тогда, когда это нужно не ему, а другимъ.

6. Весь вѣкъ свой я провелъ среди мудрецовъ и не нашелъ для человѣка ничего лучше молчанія.

Талмудъ.

7. Если изъ ста разъ одинъ разъ пожалѣешь о томъ, что не сказалъ, что надо было, то навѣрное изъ ста разъ 99 разъ пожалѣешь, что говорилъ, когда надо было молчать.

8. По одному тому, что хорошее намѣреніе высказано, уже ослаблено желаніе исполнить его. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно-самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая ихъ, жалѣешь о нихъ, какъ о цвѣткѣ, который не удержался, сорвалъ не распустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ завялымъ и затоптаннымъ.

9. Слово — ключъ сердца. Если разговоръ ни къ чему не ведетъ, то и одно слово лишнее.

10. Когда ты одинъ, думай о своихъ грѣхахъ когда въ обществѣ — забывай чужіе.
Китайское изреченіе.

11. Если очень хочется говорить, то спроси себя: для чего тебѣ такъ хочется говорить — для себя, для своей выгоды или для выгоды, пользы другихъ. Если для себя, то постарайся промолчать.

12. Глупому человѣку лучше всего молчать.

Но если бы онъ зналъ это, онъ бы не былъ глупымъ человѣкомъ.

Саади.

13. Люди учатся, какъ говорить, а главная наука — какъ и когда молчать.

14. Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчанія.

Арабская поговорка.

15. Многоглаголющему не миновать грѣха.

Если слово стоитъ одну монету, то молчаніе стоитъ двѣ.

Если подобаетъ молчаніе умнымъ, то тѣмъ болѣе глупымъ.

Талмудъ.

VII.

Польза воздержанія въ словѣ.

1. Чѣмъ меньше будешь говорить, тѣмъ больше будешь работать.

2. Отучи себя отъ осужденія, и ты почувствуешь въ своей душѣ увеличеніе способно-

сти любви, почувствуешь увеличеніе жизни и блага.

3. Магометъ и Али встрѣтили разъ человѣка, который, считая Али своимъ обидчикомъ, началъ ругать его. Али переносилъ это съ терпѣніемъ и въ молчаніи довольно долго, но потомъ не удержался и сталъ отвѣчать ругательствами на ругательства. Тогда Магометъ отошелъ отъ нихъ. Когда Али подошелъ опять къ Магомету, онъ съ обидой сказалъ ему: „Зачѣмъ ты оставилъ меня одного переносить ругательства этого дерзкаго человѣка?“ — „Когда этотъ человѣкъ бранилъ тебя, а ты молчалъ, — сказалъ Магометъ, — я видѣлъ вокругъ тебя десять ангеловъ, и ангелы отвѣчали ему. Но когда ты началъ отвѣчать ему бранью, ангелы оставили тебя,—отошелъ и я“.

Мусульманское преданіе.

4. Скрывать недостатки другихъ и говорить о томъ, что есть въ нихъ добраго, есть признакъ любви и лучшій способъ привлечь къ себѣ любовь ближнихъ.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

5. Благо жизни людей — ихъ любовь между собой. А недобрымъ словомъ можно нарушить любовь.

МЫСЛЬ.

МЫСЛЬ.

Какъ можетъ человѣкъ воздержаться отъ поступка, если онъ признаетъ его дурнымъ, такъ же можетъ человѣкъ воздержаться и отъ привлекающей его къ себѣ мысли, если онъ признаетъ ее дурною. Въ этомъ воздержаніи въ мысляхъ главная сила человѣка, потому что всѣ поступки зарождаются въ мысли.

I.

Назначеніе мысли.

1. Нельзя избавиться отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій тѣлесными усиліями. Избавиться можно только усиліями мысли. Только мыслями можно пріучить себя быть самоотверженнымъ, смиреннымъ, правдивымъ. Только когда въ мысляхъ своихъ человѣкъ будетъ

стремиться къ самоотреченію, смиренію, правдивости, только тогда онъ будетъ въ силахъ бороться и на дѣлѣ съ грѣхами, соблазнами и суевѣріями.

2. Хотя и не мысль открыла намъ то, что надо любить, — мысль не могла открыть намъ этого, — но мысль важна тѣмъ, что она показываетъ намъ то, что мѣшаетъ любви. Вотъ это-то усиліе мысли противъ того, что мѣшаетъ любви, это-то усиліе мысли важнѣе, нужнѣе и дороже всего.

3. Если бы человѣкъ не могъ мыслить, онъ бы не понималъ, зачѣмъ онъ живетъ. А если бы онъ не понималъ, зачѣмъ онъ живетъ, онъ не могъ бы знать, что хорошо и что дурно. И потому нѣтъ ничего дороже для человѣка того, чтобы хорошо мыслить.

4. Люди говорятъ о нравственномъ и религіозномъ ученіи и о совѣсти, какъ о двухъ раздѣльныхъ руководителяхъ человѣка. Въ дѣйствительности же есть только одинъ руководитель — совѣсть, то-есть сознаніе того голоса Бога, который живетъ въ насъ. Голосъ этотъ несомнѣнно рѣшаетъ для каждаго человѣка, что ему должно и чего не должно дѣлать. И

этотъ голосъ всегда можетъ быть вызванъ въ себѣ всякимъ человѣкомъ усиліемъ мысли.

5. Если бы человѣкъ не зналъ, что глаза могутъ видѣть, и никогда не раскрывалъ бы ихъ, онъ былъ бы очень жалокъ. Такъ же, и еще болѣе, жалокъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ, что ему дана сила мысли для того, чтобы спокойно переносить всякія бѣды. Если человѣкъ разуменъ, то ему легко будетъ переносить всякія бѣды: первое, потому что разумъ скажетъ ему, что всякія бѣды проходятъ и часто превращаются въ доброе, а второе то, что для разумнаго человѣка всякая бѣда на пользу. А между тѣмъ люди вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ глаза бѣдѣ, стараются увернуться отъ нея.

Не лучше ли радоваться тому, что Богъ далъ намъ власть не огорчаться тѣмъ, что съ нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Онъ подчинилъ нашу душу только тому, что въ нашей власти—нашему разуму. Онъ вѣдь не подчинилъ нашей души ни родителямъ нашимъ, ни братьямъ, ни богатству, ни тѣлу нашему, ни смерти. Онъ, по благости Своей, подчинилъ ее одному тому, что отъ насъ зависитъ — нашимъ мыслямъ.

Вотъ эти-то мысли и чистоту ихъ и должны мы для нашего блага блюсти всѣми силами.

По Эпиктету.

6. Когда мы узнаемъ новую мысль и признаемъ ее вѣрною, намъ кажется, что мы уже давно знали ее и теперь только вспомнили то, что знали. Всякая истина уже лежитъ въ душѣ всякаго человѣка. Только не заглушай ея ложью, и рано или поздно она откроется тебѣ.

7. Часто бываетъ, что придетъ мысль, которая кажется и вѣрной и вмѣстѣ странной, и боишься повѣрить ей. Но потомъ, если хорошенько подумаешь, то видишь, что та мысль, которая казалась странной,—самая простая истина, такая, что если разъ узналъ, въ нее уже нельзя перестать вѣрить.

8. Всякая великая истина для того, чтобы войти въ сознаніе человѣчества, должна неизбѣжно пройти три ступени. Первая ступень: „Это такъ нелѣпо, что не стоитъ и обсуждать“. Вторая ступень: „Это безнравственно и противно религіи“. Третья ступень: „Ахъ! это такъ всѣмъ извѣстно, что не стоитъ и говорить про это“.

9. Живя съ людьми, не забывай того, что ты узналъ въ уединеніи. И въ уединеніи обдумывай то, что узналъ изъ общенія съ людьми.

10. Тремя путями можемъ мы притти къ мудрости: во-первыхъ, путемъ опыта, — это путь самый тяжелый; во-вторыхъ, путемъ подражанія,—это путь самый легкій; и въ-третьихъ, путемъ размышленія, — это путь самый благородный.

Конфуцій.

II.

Жизнь человѣка опредѣляется его мыслями.

1. Судьба человѣка такая или другая бываетъ только оттого, какъ онъ въ мысляхъ своихъ понимаетъ свою жизнь.

2. Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка, а также и всего человѣчества, начинаются и совершаются въ мысли. Для того, чтобы могла произойти перемѣна чувствъ и поступковъ, должна произойти прежде всего перемѣна мысли.

3. Для того, чтобы изъ дурной жизни сдѣлалась хорошая, надо прежде всего постараться понять, отчего жизнь стала дурная, и что надо сдѣлать, чтобы она стала хорошей. Такъ что для того, чтобы жизнь стала лучше, надо прежде думать, а потомъ уже дѣлать.

4. Хорошо было бы, если бы мудрость могла переливаться изъ того человѣка, въ которомъ ея много, въ того, въ комъ ея мало, какъ вода переливается изъ одного сосуда въ другой до тѣхъ поръ, пока въ обоихъ будетъ равно. Но для того, чтобы человѣку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать.

5. Все настоящее и нужное людямъ добывается не вдругъ, а всегда долгимъ и постояннымъ трудомъ. Такъ пріобрѣтаются и мастерства, и знанія, и такъ пріобрѣтается и самое нужное на свѣтѣ — умѣніе жить доброй жизнью.

Для того же, чтобы научиться жить доброй жизнью, надо прежде всего пріучить себя мыслить доброе.

6. Переходы нашей жизни изъ одного состоянія въ другое опредѣляются не совершаемыми по нашей волѣ замѣтными намъ поступка-

ми: бракомъ, перемѣною мѣста жительства или дѣятельности и т. п., но мыслями, которыя приходятъ во время прогулки, среди ночи, за ѣдою, въ особенности тѣми мыслями, которыя, охватывая все наше прошедшее, говорятъ намъ: „Ты поступилъ такъ, но лучше было бы поступить иначе“. И всѣ наши дальнѣйшіе поступки, какъ рабы, служатъ этимъ мыслямъ, исполняютъ ихъ волю.

Торо.

7. Наши привычныя мысли придаютъ въ нашемъ умѣ свойственную имъ окраску всему, съ чѣмъ мы приходимъ въ соприкосновеніе. Ложны эти мысли — и онѣ превратятъ въ ложь самыя возвышенныя истины. Наши привычныя мысли представляютъ изъ себя для каждаго изъ насъ нѣчто болѣе твердое, чѣмъ домъ, въ которомъ мы живемъ. Мы повсюду носимъ ихъ съ собой, какъ улитка раковину, въ которой она живетъ.

Люси Малори.

8. Желанія наши не будутъ добрыми, пока мы не исправимъ привычки ума. Привычки ума опредѣляютъ желанія. Привычки же ума образуются общеніемъ съ выводами мудрости лучшихъ людей міра.

Сенека.

9. То, что спокойно, можетъ быть удержано въ покоѣ. То, что еще не появилось, можетъ быть легко предупреждено. То, что еще слабо, можетъ быть легко сломано. То, чего еще мало, можетъ быть легко разсѣяно.

Толстое дерево началось съ тонкаго прута. Девятиэтажная башня началась съ кладки малыхъ кирпичей. Путешествіе въ тысячу верстъ начинается съ одного шага. Будьте внимательны къ своимъ мыслямъ, — онѣ начало поступковъ.

Лао-Тсе.

10. Наша мысль, хорошая или дурная, отправляетъ насъ въ рай или въ адъ не на небѣ и не подъ землей, а въ этой жизни.

Люси Малори.

11. Говорятъ, что разумъ не можетъ быть руководителемъ жизни, только такіе люди, разумъ которыхъ такъ извращенъ, что они не вѣрятъ своему разуму.

12. Какъ жизнь и судьба отдѣльнаго человѣка опредѣляются тѣмъ, на что мы менѣе обращаемъ вниманія, чѣмъ на поступки,—его мыслями, такъ и жизнь обществъ, людей и народовъ опредѣляется не событіями, соверша-

ющимися среди этихъ обществъ и народовъ, а тѣми мыслями, которыя соединяютъ болшинство людей этихъ обществъ и народовъ.

13. Не думай, чтобы мудрыми могли быть только особенные люди. Мудрость нужна всѣмъ людямъ, и потому всѣ люди могутъ быть мудрыми. Мудрость — въ томъ, чтобы знать, въ чемъ дѣло жизни и какъ исполнять его. А чтобы узнать его, нужно только одно: помнить, что мысль—великое дѣло, и потому—думать.

14. Мнѣ пришла мысль, потомъ я забылъ ее. Ну, ничего, это только мысль. Если бы это были деньги, я бы перерылъ все, пока не нашелъ бы. Но тутъ что? только мысль. Но вѣдь отъ сѣмени огромное дерево. Вѣдь отъ мысли та или другая дѣятельность и одного человѣка и милліоновъ людей, а мы думаемъ, что мысль — ничто.

III.

Главная причина бѣдствій людей не въ дѣлахъ, а въ мысляхъ ихъ.

1. Когда съ тобой случаются несчастья, знай, что случилось это не отъ того, что ты дѣлалъ, а отъ того, что ты думалъ.

2. Если мы не можемъ удержаться отъ такого дѣла, про которое мы знаемъ, что оно дурно, то бываетъ это только отъ того, что мы позволили себѣ прежде думать объ этомъ дурномъ дѣлѣ, не удерживались въ мысляхъ.

3. Старайся не думать о томъ, что ты считаешь дурнымъ.

4. Много вреднѣе дурныхъ поступковъ тѣ мысли, отъ которыхъ происходятъ дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться въ немъ; дурныя же мысли родятъ дурные поступки. Дурной поступокъ только накатываетъ дорогу къ дурнымъ поступкамъ; дурныя же мысли влекутъ по этой дурной дорогѣ.

5. Плоды рождаются изъ сѣмени. Такъ же дѣла рождаются изъ мыслей.

Какъ изъ дурныхъ сѣмянъ рождаются дурные плоды, такъ изъ дурныхъ мыслей рождаются дурныя дѣла. Какъ земледѣлецъ отбираетъ хорошія, настоящія сѣмена отъ сѣмянъ сорныхъ травъ и изъ настоящихъ сѣмянъ отбираетъ лучшія и бережетъ и перебираетъ ихъ, такъ и разумный человѣкъ поступаетъ съ своими мыслями: онъ отгоняетъ пустыя, дурныя, удерживаетъ лучшія и бережетъ и перебираетъ ихъ.

Если не будешь отгонять дурныя мысли и не будешь беречь добрыя, не миновать дурныхъ поступковъ. Только отъ добрыхъ мыслей добрыя дѣла. Дорожи добрыми мыслями, ищи ихъ въ книгахъ мудрыхъ людей, въ разумныхъ рѣчахъ и, главное, въ самомъ себѣ.

6. Для того, чтобы свѣтильникъ могъ дать спокойный свѣтъ, нужно, чтобы онъ былъ поставленъ въ защищенное отъ вѣтра мѣсто. Если же свѣтильникъ на вѣтру, то свѣтъ будетъ дрожать, и отъ него будутъ падать странныя, темныя тѣни. Такія же странныя и темныя тѣни будутъ падать на душу человѣка отъ не провѣренныхъ, ничтожныхъ, разнообразныхъ мыслей.

Брамінская мудрость.

IV.

Человѣкъ властенъ надъ своими мыслями.

1. Наша жизнь бываетъ хороша или дурна отъ того, каковы наши мысли. А мыслями можно управлять. И потому для того, чтобы жить хорошо, человѣку надо работать надъ мыслями, не поддаваться дурнымъ мыслямъ.

2. Работай надъ очищеніемъ твоихъ мыслей. Если у тебя не будетъ дурныхъ мыслей, не будетъ и дурныхъ дѣлъ.

Конфуцій.

3. Блюди себя въ мысляхъ, блюди въ словѣ, охраняй отъ всего дурного свои дѣйствія. Соблюдая чистоту этихъ трехъ путей, ты вступишь на путь, начертанный Мудрымъ.

Буддійская мудрость.

4. Все во власти Неба, кромѣ нашего желанія служить Богу или себѣ. Намъ нельзя мѣшать птицамъ пролетать надъ нашею головою,

но мы властны не давать имъ на ней гнѣздиться. Точно такъ же нельзя намъ возбранить дурнымъ мыслямъ промелькнуть въ головѣ нашей, но въ нашей власти не давать имъ свить себѣ тамъ гнѣздо, чтобы высиживать и выводить злые поступки.

Лютеръ.

5. Нельзя отогнать дурную мысль, когда она придетъ въ голову, но можно понять, что мысль эта дурная. А если знаешь, что она дурная, то можно не отдаваться ей. Появилась мысль о томъ, что тотъ или этотъ человѣкъ нехорошъ. Я не могъ не подумать этого, но если я понялъ, что мысль эта дурная, я могу вспомнить о томъ, что осуждать людей дурно, что я самъ плохъ и, вспомнивъ это, я могу воздержаться отъ осужденія даже въ мысли.

6. Если хочешь, чтобы мысль твоя была тебѣ на пользу, то старайся думать совершенно независимо отъ своихъ чувствъ и своего положенія, то-есть не кривить мыслью для того, чтобы оправдать то чувство, которое испытываешь, или то дѣло, которое ты сдѣлалъ или дѣлаешь.

V.

Надо жить духовною жизнью для того, чтобы имѣть силу управлять своими мыслями.

1. Мы часто думаемъ, что главная сила міра — сила вещественная. Мы думаемъ такъ потому, что тѣло наше, хочешь не хочешь, всегда чувствуетъ такую силу. Сила же духовная, сила мысли намъ кажется незначительной, и мы не признаемъ ее за силу. А между тѣмъ въ ней-то, въ ней одной истинная сила, измѣняющая и нашу жизнь и жизнь всѣхъ людей.

2. Духовное руководить тѣлеснымъ, а не тѣлесное духовнымъ. И потому, чтобы измѣнить свое состояніе, человѣкъ долженъ работать надъ собой въ области духовной — въ области мысли.

3. Жизнь наша бываетъ лучше или хуже только оттого, что мы сознаемъ себя или тѣлеснымъ или духовнымъ существомъ. Если мы сознаемъ себя тѣлеснымъ существомъ, мы ослабляемъ нашу истинную жизнь, усиливаемъ, разжигаемъ страсти, жадность, борьбу, ненависть, страхъ смерти. Если же мы сознаемъ

себя духовнымъ существомъ, мы возбуждаемъ, возвышаемъ жизнь, освобождаемъ ее отъ страстей, отъ борьбы, отъ ненависти, освобождаемъ любовь. Перенесеніе же сознанія изъ тѣлеснаго существа въ духовное совершается усиліемъ мысли.

4. Вотъ что писалъ Сенека своему другу: „Ты хорошо дѣлаешь, любезный Люциній, что стараешься самъ своими силами держать себя въ хорошемъ и добромъ духѣ. Всякій человѣкъ всегда можетъ самъ себя такъ настроить. Для этого не нужно подымать руки къ небу и просить сторожа при храмѣ пустить насъ поближе къ Богу, чтобы Онъ насъ разслышалъ: Богъ всегда близко къ намъ, Онъ внутри насъ. Въ насъ живетъ Святой Духъ, свидѣтель и стражъ всего хорошаго и дурного. Онъ обходится съ нами, какъ мы обходимся съ Нимъ. Если мы бережемъ Его, Онъ бережетъ насъ".

5. Когда въ раздумьи не знаешь, что хорошо, что дурно, нужно уйти изъ міра; только забота о сужденіи міра мѣшаетъ видѣть то, что добро и что зло. Уйди изъ міра, то-есть — войди въ себя, и уничтожится всякое сомнѣніе.

6. Бороться съ соблазнами легко только тогда, когда ты еще не подпалъ имъ.

Въ суетѣ и среди возбужденія соблазновъ некогда искать средствъ противодѣйствія нашимъ желаніямъ. Установи свои цѣли тогда, когда отсутствуютъ соблазны, когда ты одинъ.

Бентамъ.

VI.

Возможность единенія въ мысли съ живыми и умершими людьми міра есть одно изъ лучшихъ благъ человѣка.

1. Часто молодые люди говорятъ: „Я не хочу жить чужимъ умомъ, а самъ обдумаю“. Это совершенно справедливо, мысль своя дороже всѣхъ чужихъ мыслей. Но зачѣмъ же тебѣ обдумывать обдуманное? Бери готовое и иди дальше. Въ томъ, что можно пользоваться чужими мыслями и итти дальше, сила человѣчества.

2. Усилія, освобождающія человѣка отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, совершаются прежде всего въ мысли.

Главной помощью въ борьбѣ этой служитъ

человѣку то, что онъ можетъ соединяться съ разумной дѣятельностью всѣхъ жившихъ до него мудрецовъ и святыхъ людей міра. Такое общеніе съ мыслью прежде жившихъ святыхъ и мудрыхъ людей есть молитва, то-есть повтореніе тѣхъ словъ, которыми люди эти выражали свое отношеніе къ своей душѣ, къ другимъ людямъ и къ міру и началу его.

3. Съ древнихъ временъ признано, что для человѣка необходима молитва.

Для людей прежняго времени молитва была — и теперь остается для большинства людей — обращеніемъ при извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ и словахъ къ Богу или богамъ для умилостивленія ихъ.

Христіанское ученіе не знаетъ такихъ молитвъ. Оно учитъ тому, что молитва необходима не какъ средство избавленія отъ мірскихъ бѣдствій и пріобрѣтенія мірскихъ благъ, а какъ средство укрѣпленія человѣка въ добрыхъ мысляхъ.

4. Истинная молитва тѣмъ важна и нужна для души, что въ такой молитвѣ, когда одинъ съ Богомъ, мысль достигаетъ до той высшей степени, до которой она можетъ достигнуть

5. Христосъ сказалъ: если молишься, то будь одинъ (Мѳ. VI, 5, 6). Только тогда Богъ услышитъ тебя. Богъ въ тебѣ, и для того, чтобы Онъ услышалъ тебя, тебѣ надо только отогнать отъ себя все скрывающее Его.

6. Уныніе есть такое состояніе души, при которомъ человѣкъ не видитъ смысла ни въ своей ни во всей жизни міра. Избавленіе отъ него есть только одно: вызвать въ себѣ лучшія мысли свои или другихъ людей, которыя были тобою сознаны и которыя объясняли тебѣ смыслъ твоей жизни. Вызываніе такихъ мыслей совершается повтореніемъ тѣхъ высшихъ истинъ, которыя знаешь и можешь высказать самъ себѣ—молитвой.

7. Молитесь ежечасно. Самая нужная и самая трудная молитва, это — воспоминаніе среди движенія жизни о своихъ обязанностяхъ передъ Богомъ и закономъ Его. Испугался, разсердился, смутился, увлекся, — сдѣлай усиліе, вспомни, кто ты и что ты долженъ дѣлать. Въ этомъ молитва. Это трудно сначала, но привычку эту можно выработать.

8. Хорошо измѣнять свою молитву, то-есть выраженіе своего отношенія къ Богу. Человѣкъ постоянно растетъ, измѣняется, и потому

должно измѣняться и уясняться, его отношеніе къ Богу. Должна измѣняться и молитва.

VII.

Безъ усилія мысли невозможна добрая жизнь.

1. Дорожи добрыми мыслями своими и чужими, когда узнаешь ихъ. Ничто не поможетъ тебѣ столько, сколько помогутъ добрыя мысли для истиннаго дѣла твоей жизни.

2. Владѣй своими мыслями, если ты хочешь достигнуть своей цѣли. Устреми взоръ своей души на тотъ единый чистый свѣтъ, который свободенъ отъ страсти.

Браминская мудрость.

3. Размышленіе — путь къ безсмертію, легкомысліе — путь къ смерти. Бодрствующіе въ размышленіи не умираютъ никогда; легкомысленные, невѣрующіе, — подобны мертвымъ.

Пробуждай самъ себя, — тогда, защищенный собой и вникающій самъ въ себя, ты будешь неизмѣненъ.

Буддійская мудрость.

4. Истинная сила человѣка не въ порывахъ, а въ ненарушимомъ, спокойномъ стремленіи къ добру, которое онъ устанавливаетъ въ мысляхъ, выражаетъ въ словахъ и проводитъ въ поступкахъ.

5. Если, посмотрѣвъ назадъ, на свою жизнь, ты замѣтишь, что жизнь твоя стала лучше, добрѣе, болѣе свободна отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, то знай, что этимъ успѣхомъ ты обязанъ только работѣ своей мысли.

6. Дѣятельность мысли дорога не только тѣмъ, что она исправляетъ нашу жизнь, но еще и тѣмъ, что она помогаетъ въ жизни и другимъ людямъ. Отъ этого особенно важно усиліе мысли.

7. Вотъ какъ говоритъ китайскій мудрецъ Конфуцій о значеніи мысли:

Истинное ученіе научаетъ людей высшему добру — обновленію людей и пребыванію въ этомъ состояніи. Чтобы обладать высшимъ благомъ, нужно, чтобы было благоустройство во всемъ народѣ. Для того, чтобы было благоустройство во всемъ народѣ, нужно, чтобы было благоустройство въ семьѣ. Для того, чтобы было благоустройство въ семьѣ, нужно, что-

бы было благоустройство въ самомъ себѣ. Для того, чтобы было благоустройство въ самомъ себѣ, нужно, чтобы сердце было исправлено. Для того, чтобы сердце было исправлено, нужны ясныя и правдивыя мысли.

VIII.

Только способностью мыслить отличается человѣкъ отъ животнаго.

1. Человѣкъ отличается отъ животныхъ только тѣмъ, что у него есть способность мысли. Одни люди увеличиваютъ въ себѣ эту способность, другіе не заботятся объ этомъ. Такіе люди точно какъ будто хотятъ отказаться отъ того, что отличаетъ ихъ отъ скота.

Восточная мудрость.

2. Корова, лошадь, всякая скотина, какъ бы голодна ни была, не выйдетъ со двора, если ворота открываются внутрь. Она издохнетъ съ голоду, если ворота крѣпки и никто не отворитъ ихъ, но не догадается отойти отъ воротъ и потянуть ихъ на себя. Только человѣкъ понимаетъ то, что надо потерпѣть, по-

трудиться, сдѣлать не то, что сейчасъ хочется, для того, чтобы вышло то, чего желаешь. Человѣкъ можетъ удерживаться не ѣсть, не пить, не спать, только оттого, что знаетъ, что хорошо и должно дѣлать, и что дурно и не должно дѣлать. Научаетъ этому человѣка его способность мысли.

Вотъ эта способность и дороже всего въ человѣкѣ и ее надо всѣми силами беречь и растить въ себѣ.

3. Въ сравненіи съ окружающимъ его міромъ человѣкъ — не болѣе какъ слабый тростникъ, не тростникъ, одаренный способностью мысли.

Какого-нибудь пустяка достаточно, чтобы убить человѣка. И все-таки человѣкъ выше всякихъ тварей, выше всего земного, потому что онъ и умирая будетъ сознавать, что онъ умираетъ.

Человѣкъ можетъ сознать ничтожество своего тѣла передъ природою. Природа же ничего не сознаетъ.

Все наше преимущество заключается въ нашей способности мыслить. Мысль наша возвышаетъ насъ надъ остальнымъ міромъ. Будемъ же цѣнить и поддерживать нашу силу мысли, и она освѣтитъ намъ всю нашу жизнь,

укажетъ намъ, въ чемъ добро, въ чемъ зло.

Паскаль.

4. Человѣкъ можетъ научиться читать и писать, но грамота не научитъ его, нужно ли написать письмо другу или жалобу на того, кто обидѣлъ, или не нужно. Человѣкъ можетъ научиться музыкѣ, но музыка не научитъ его, когда можно пѣть или играть и когда этого не надо дѣлать. Такъ и во всѣхъ дѣлахъ. Только разумъ подсказываетъ намъ то, что и когда надо дѣлать и чего и когда не надо дѣлать.

Надѣливъ насъ разумомъ, Богъ далъ намъ въ распоряженіе то, что намъ нужнѣе всего. Давая намъ разумъ, Онъ какъ будто сказалъ намъ: для того, чтобы вы могли избѣгать зла и пользоваться благомъ жизни, Я вселилъ въ васъ божественную частицу Себя Самого. Я далъ вамъ разумъ. Если вы будете прикладывать его ко всему тому, что случается съ вами, то ничто въ мірѣ не будетъ служить вамъ препятствіемъ или стѣсненіемъ на томъ пути, который Я вамъ назначилъ, и никогда не будете плакаться ни на свою судьбу, ни на людей, не станете осуждать ихъ и не будете поддѣлываться къ нимъ. Такъ не упрекайте же Меня за то, что Я не далъ вамъ большаго. Неужели мало для васъ того, что вы можете

прожить всю вашу жизнь разумно, спокойно и радостно?

По Эпиктету.

5. Мудрая пословица говоритъ: „Богъ приходитъ къ намъ безъ звона“. Это значитъ, что нѣтъ перегородки между нами и безконечностью, нѣтъ стѣны между человѣкомъ — послѣдствіемъ и Богомъ — причиною. Стѣны приняты, — мы открыты всѣмъ глубокимъ воздѣйствіямъ божественныхъ свойствъ. Только работа мысли держитъ открытымъ то отверстіе, черезъ которое мы сообщаемся съ Богомъ.

По Эмерсону.

6. Человѣкъ сотворенъ для того, чтобы мыслить; въ этомъ все его достоинство и вся его заслуга. Обязанность человѣка только въ томъ, чтобы мыслить правильно. Порядокъ же мысли въ томъ, чтобы начинать съ себя, своего Творца и своей цѣли. А, между тѣмъ, о чемъ думаютъ мірскіе люди? Никакъ не объ этомъ, а только о томъ, какъ повеселиться, какъ разбогатѣть, какъ прославиться, какъ сдѣлаться королемъ, не думая о томъ, что такое значитъ быть королемъ и что значитъ быть человѣкомъ.

Паскаль.

САМООТРЕЧЕНІЕ.

САМООТРЕЧЕНІЕ.

Благо жизни человѣка въ соединеніи любовью съ Богомъ и ближними. Препятствуютъ этому благу грѣхи. Причина грѣховъ въ томъ, что человѣкъ полагаетъ свое благо въ удовлетвореніи похотей тѣла, а не въ любви къ Богу и ближнему. И потому благо человѣка въ избавленіи отъ грѣховъ. Избавленіе же отъ грѣховъ — въ усиліи отреченія отъ жизни тѣла.

I.

Законъ жизни въ отреченіи отъ тѣла.

1. Всѣ тѣлесные грѣхи: блудъ, роскошь, тунеядство,корыстолюбіе, недоброжелательство, всѣ —только отъ признанія своимъ „я“ своего тѣла, отъ подчиненія своей души тѣлу. Избавленіе отъ грѣховъ — только въ признаніи своимъ „я“ своей души, въ подчиненіи душѣ своего тѣла.

2. „Тогда Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: если кто хочетъ итти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною. Ибо кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“

Мѳ. XVI, 24—26.

3. „Потому любитъ Меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее.

Никто не отнимаетъ ея у Меня, но Я самъ отдаю ее: имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего“.

Ін. X, 17—18.

4. То, что человѣкъ можетъ отречься отъ своей тѣлесной жизни, явно показываетъ то, что въ человѣкѣ есть то, ради чего онъ отрекается.

5. Чѣмъ больше отдаешься тѣлесному, тѣмъ больше теряешь духовное.

Что больше отдаешь тѣлеснаго, то больше получаешь духовнаго. Смотри, что изъ двухъ нужнѣе тебѣ.

6. Самоотреченіе не есть отреченіе отъ себя, а только перенесеніе своего „я“ изъ животнаго существа въ духовное. Отрекаться отъ себя не значитъ отрекаться отъ жизни. Напротивъ, отрекаться отъ жизни плотской значитъ усиливать свою истинную духовную жизнь.

7. Разумъ показываетъ человѣку, что удовлетвореніе требованій его тѣла не можетъ быть его благомъ, а потому разумъ неудержимо влечетъ человѣка къ тому благу, которое свойственно ему, но не умѣщается въ его тѣлесной жизни.

Обыкновенно думаютъ и говорятъ, что отреченіе отъ тѣлесной жизни есть подвигъ; это невѣрно. Отреченіе отъ тѣлесной жизни не подвигъ, а неизбѣжное условіе жизни человѣка. Для животнаго благо тѣлесной жизни и вытекающее изъ него продолженіе рода есть высшая цѣль жизни. Для человѣка же тѣлесная жизнь и продолженіе рода есть только та ступень существованія, съ которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее съ благомъ его тѣлесной жизни. Для человѣка тѣлесная жизнь — не вся жизнь, но только необходимое условіе истинной жизни, состоящей во все большемъ и большемъ единеніи съ духовнымъ началомъ міра.

II.

Неизбѣжность смерти необходимо приводитъ человѣка къ сознанію жизни духовной, не подлежащей смерти.

1. Младенцу, когда онъ родится, кажется, что только онъ одинъ и есть на свѣтѣ. Онъ никому и ничему не уступаетъ, ни о комъ знать не хочетъ, а только подавай ему то, что ему нужно. Онъ даже и матери не знаетъ, — знаетъ только грудь ея. Но пройдутъ дни, мѣсяцы, года, и ребенокъ начинаетъ понимать, что есть и другіе, такіе же, какъ и онъ, люди, и что то, чего ему хочется для себя, того же самаго хочется и другимъ людямъ. И чѣмъ дольше онъ живетъ, тѣмъ все больше и больше понимаетъ онъ, что онъ не одинъ на свѣтѣ и что надо либо, если есть сила, бороться съ другими людьми за то, что хочешь имѣть, либо, если нѣтъ силы, покориться тому, что есть. И, кромѣ того, чѣмъ дальше живетъ человѣкъ, тѣмъ все становится понятнѣе ему и то, что вся жизнь его только на время, и всякій часъ можетъ кончиться смертью. Онъ видитъ какъ на его глазахъ нынче, завтра беретъ смерть то того, то другого, и

понимаетъ, что то же самое можетъ всякую минуту съ нимъ случиться и рано или поздно навѣрное будетъ. И человѣкъ тогда не можетъ не понять, что въ тѣлѣ его нѣтъ настоящей жизни, что, что бы онъ ни дѣлалъ въ этой жизни для тѣла, все это ни къ чему.

И когда человѣкъ ясно пойметъ это, онъ пойметъ и то, что духъ, который живетъ въ немъ, живетъ не въ немъ одномъ, но во всѣхъ людяхъ, во всемъ мірѣ, что духъ этотъ есть Духъ Божій. И, поняв это, человѣкъ перестаетъ приписывать значеніе своей тѣлесной жизни, а переноситъ цѣль свою въ единеніе съ Духомъ Божіимъ, съ тѣмъ, что вѣчно.

2. Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь для своей тѣлесной жизни въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно: смерть. И эта смерть разрушаетъ все то, надъ чѣмъ вы трудились. Вы скажете, что вы трудитесь для блага будущихъ поколѣній, но вѣдь и они также исчезнутъ и отъ нихъ ничего не останется. Стало-быть, жизнь для вещественныхъ цѣлей не можетъ имѣть никакого смысла. Смерть разрушаетъ всю такую жизнь. Чтобы жизнь имѣла какой-нибудь смыслъ, надо жить

такъ, чтобы смерть не могла разрушить дѣла жизни. И такую жизнь Христосъ открываетъ людямъ. Онъ показываетъ людямъ, что вмѣстѣ съ той жизнью тѣлесной, которая есть только призракъ жизни, есть другая, истинная жизнь, дающая истинное благо человѣку, и что такую жизнь знаетъ всякій человѣкъ въ своемъ сердцѣ. Ученіе Христа есть ученіе о призрачности личной жизни, о необходимости отреченія отъ нея и о перенесеніи смысла и цѣли жизни въ жизнь божескую, въ жизнь всего человѣчества, въ жизнь Сына человѣческаго.

3. Для того, чтобы понять ученіе Христа о спасеніи жизни, надо ясно понять то, что говорили всѣ пророки, что говорилъ Соломонъ, что говорилъ Будда, что говорили всѣ мудрецы міра о личной жизни человѣка. Можно, по выраженію Паскаля, не думать объ этомъ, нести передъ собой ширмочки, которыя бы скрывали отъ взгляда ту пропасть смерти, къ которой мы всѣ бѣжимъ; но стоитъ подумать о томъ, что такое отдѣльная тѣлесная жизнь человѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что вся жизнь эта, если она есть только тѣлесная жизнь, не имѣетъ не только никакого смысла, но что она есть злая насмѣшка надъ сердцемъ, надъ разумомъ человѣка и надъ всѣмъ тѣмъ, что

есть хорошаго въ человѣкѣ. И потому, чтобы понять ученіе Христа, надо прежде всего опомниться, одуматься, надо, чтобы въ насъ совершилось то самое, что, проповѣдуя свое ученіе, говоритъ предшественникъ Христа, Іоаннъ, такимъ же, какъ мы, запутаннымъ людямъ. Онъ говорилъ: „Прежде всего покайтесь, то-есть одумайтесь, а то всѣ погибнете“. И Христосъ, начиная Свою проповѣдь, говоритъ то же:„Одумайтесь, а то всѣ погибнете“. Христу разсказали о погибели галилеянъ, убитыхъ Пилатомъ, и онъ говоритъ: „Думали ли вы, что галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете. Неизбѣжная смерть стоитъ передъ всѣми нами. Мы напрасно стараемся забыть про нее, но это не избавитъ насъ отъ нея,—напротивъ, когда она придетъ неожиданная, она будетъ еще ужаснѣе. Одно спасеніе: отречься отъ той жизни, которая умираетъ, и жить той жизнью, для которой нѣтъ смерти“.

4. Стоитъ на минуту отрѣшиться отъ привычной жизни и взглянуть на нашу жизнь со стороны, чтобы увидѣть, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ совсѣмъ не для того, чтобы обез-

печить нашу жизнь, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ воображаемымъ обезпеченіемъ, забывать о томъ, что жизнь наша никогда и ничѣмъ не обезпечена. Но мало того, что мы обманываемъ себя и губимъ свою настоящую жизнь для воображаемой, мы въ этомъ стремленіи къ обезпеченію чаще всего губимъ то самое, что мы хотимъ обезпечить. Богачъ обезпечиваетъ свою жизнь тѣмъ, что у него есть деньги, а самыя деньги привлекаютъ разбойника, который убиваетъ его. Мнительный человѣкъ обезпечиваетъ свою жизнь лѣченіемъ, а самое лѣченіе медленно убиваетъ его, а если и не убиваетъ его, то навѣрное лишаетъ его истинной жизни. То же и съ народами, которые вооружаются, чтобы обезпечивать свою жизнь и свободу, а, между тѣмъ, это самое обезпеченіе ведетъ къ погибели на войнахъ сотенъ тысячъ людей и свободы народовъ.

Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить, а надо всегда, всякую минуту быть готовымъ умереть, даетъ больше блага, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь, — даетъ больше блага уже по одному тому, что неизбѣжность смерти и необезпеченность жизни остаются тѣ же при ученіи міра и при ученіи Христа, но самая жизнь, по ученію Христа, не поглощается уже вся безъ

остатка празднымъ занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а становится свободна и можетъ быть отдана одной свойственной ей цѣли: совершенствованію своей души и увеличенію любви къ людямъ.

5. Кто въ своемъ умирающемъ тѣлѣ не видитъ себя, тотъ знаетъ истину жизни.

Буддійская мудрость.

6. „Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды?

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть?

Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или во что одѣться? Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.

Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы".

Мѳ. VI, 25—27, 31, 33—34.

III.

Отреченіе отъ своего животнаго „я" раскрываетъ Бога въ душѣ человѣка.

1. Чѣмъ больше отрекается человѣкъ отъ своего тѣлеснаго **я**, тѣмъ больше раскрываетъ ся въ немъ Богъ. Тѣло скрываетъ Бога въ человѣкѣ.

2. Если ты хочешь достигнуть познанія всеобъемлющаго **я**, то ты долженъ прежде всего узнать самого себя. Для того, чтобы познать самого себя, ты долженъ пожертвовать своимъ **я** всемірному **я**.

Браминская мудрость.

3. Человѣкъ, отрекающійся отъ своей личности, могущественен,потому что личность скрывала въ немъ Бога. Какъ скоро онъ откинулъ личность, дѣйствуетъ въ немъ уже не онъ, а Богъ.

4. Если ты презираешь міръ, то это небольшая заслуга. Для того, кто живетъ въ Богѣ, и онъ самъ и міръ всегда будутъ ничто.

Ангелусъ.

5. Отреченіе отъ тѣлесной жизни цѣнно, нужно и радостно, только когда оно религіозное, то-есть когда человѣкъ отрекается отъ себя, своего тѣла, для того, чтобы исполнить волю живущаго въ немъ Бога. Когда же человѣкъ отрекается отъ тѣлесной жизни не для исполненія воли Бога, а для того, чтобы исполнить свою волю или волю такихъ же людей, какъ онъ, то такое самоотреченіе и не цѣнно, и не нужно, и не радостно, а только вредно и себѣ и другимъ.

6. Если будете стараться угождать людямъ для того, чтобы они были благодарны вамъ, то напрасно будете стараться. Если же будете дѣлать добро людямъ, не думая о нихъ, для Бога, то и себѣ сдѣлаете хорошо и люди будутъ благодарны вамъ.

Кто забываетъ про себя, того Богъ помнитъ, а кто про себя помнитъ, того Богъ забываетъ.

7. Только умирая для себя въ тѣлѣ, мы воскресаемъ въ Богѣ.

8. Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать отъ другихъ людей, то люди не могутъ быть страшны для тебя, какъ пчелѣ не

страшна другая пчела, какъ лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти другихъ людей, то ты непремѣнно будешь бояться людей.

Съ этого и надо начать: надо отрѣшиться отъ всего того, что намъ не принадлежитъ, отрѣшиться настолько, чтобы оно не было нашимъ хозяиномъ, отрѣшиться отъ всего, что нужно тѣлу, отрѣшиться отъ любви къ богатству, къ славѣ, къ должностямъ, почестямъ, отрѣшиться отъ своихъ дѣтей, жены, братьевъ. Надо сказать себѣ, что все это не твоя собственность.

А какъ дойти до этого? Подчинить свою волю волѣ Бога: хочетъ Онъ, чтобы у меня была лихорадка, — и я этого хочу. Хочетъ Онъ, чтобы я дѣлалъ это, а не то, — и я этого хочу. Хочетъ Онъ, чтобы со мной случилось то, чего я не ожидалъ, — и я этого хочу.

Эпиктетъ.

9. Своя воля никогда не удовлетворяетъ, хотя бы исполнились всѣ ея требованія. Но стоитъ только отказаться отъ нея — отъ своей воли, и тотчасъ же испытываешь полное удовлетвореніе. Живя для своей воли, всегда недоволенъ; отрекшись отъ нея, нельзя не быть вполнѣ довольнымъ. Единственная истинная до-

бродѣтель — это ненависть къ себѣ, потому что всякій человѣкъ достоинъ ненависти своей похотливостью. Ненавидя же себя, человѣкъ ищетъ существо, достойное любви. Но такъ какъ мы не можемъ любить ничего внѣ насъ, то мы вынуждены любить существо, которое было бы въ насъ, но не было бы нами, и такимъ существомъ можетъ быть только одно — всемірное Существо. Царствіе Божіе въ насъ (Лк. XVII, 21); всемірное благо въ насъ, но оно не мы.

Паскаль.

IV.

Истинная любовь къ людямъ возможна только при самоотреченіи.

1. Не погибаетъ только то, что живетъ не для себя. Но для чего жить тому, кто живетъ не для себя? Не для себя можно жить только тогда, когда живешь для Всего. Только живя для Всего, человѣкъ можетъ быть, и бываетъ, спокоенъ.

Лао-Тсе.

2. Если бы ты и хотѣлъ этого, ты не можешь отдѣлить свою жизнь отъ человѣчества. Ты живешь въ немъ, имъ и для него. Живя среди людей, ты не можешь не отрекаться отъ себя, потому что мы всѣ сотворены для взаимодѣйствія, какъ ноги, руки, глаза, а взаимодѣйствіе невозможно безъ самоотреченія.

Маркъ Аврелій.

3. Заставить себя любить другихъ нельзя. Можно только откинуть то, что мѣшаетъ любви. А мѣшаетъ любви любовь къ своему животному я.

4. „Полюби ближняго, какъ самого себя“— не значитъ то, что ты долженъ стараться полюбить ближняго. Нельзя заставить себя любить. „Люби ближняго“—значитъ то, что ты долженъ перестать любить себя больше всего. А какъ только ты перестанешь любить себя больше всего, ты невольно полюбишь ближняго, какъ самого себя.

5. Для того, чтобы точно, не на словахъ быть въ состояніи любить другихъ, надо не любить себя, — тоже не на словахъ, а на дѣлѣ. Обыкновенно же бываетъ такъ: другихъ, мы говоримъ, что любимъ, но любимъ только

на словахъ, — себя же любимъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Другихъ мы забудемъ одѣть, накормить, пріютить, — себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить другихъ на дѣлѣ, надо выучиться забывать о томъ, какъ одѣть, накормить, пріютить себя, — такъ же, какъ мы забываемъ сдѣлать это для другихъ людей.

6. Надо пріучить себя, когда сходишься съ человѣкомъ, въ душѣ говорить себѣ: буду думать только о немъ, а не о себѣ.

7. Стоитъ вспомнить о себѣ въ серединѣ рѣчи — и теряешь нить своей мысли. Только когда мы совершенно забываемся, выходимъ изъ себя, только тогда мы плодотворно общаемся съ другими и можемъ служить имъ и благотворно вліять на нихъ.

8. Чѣмъ богаче по внѣшности, благоустроеннѣе жизнь человѣка, тѣмъ труднѣе, дальше отъ него радость самоотреченія. Богатые почти совсѣмъ лишены этого. Для бѣднаго всякая отрывка отъ своей работы для помощи ближнему, всякій ломоть хлѣба, поданный нищему, есть радость самоотреченія.

Богатый же, если и отдастъ изъ своихъ трехъ

милліоновъ два ближнему, не испытаетъ радости самоотреченія.

9. Была давно-давно на землѣ большая засуха: пересохли всѣ рѣки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали отъ жажды люди и животныя.

Разъ ночью вышла дѣвочка изъ дома съ ковшикомъ поискать воды для больной матери. Нигдѣ не нашла дѣвочка воды и съ усталости легла въ полѣ на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшикъ, она чуть не пролила изъ него воду. Онъ былъ полонъ чистой, свѣжей воды. Дѣвочка обрадовалась и хотѣла было напиться, но потомъ подумала, что не достанетъ матери, и побѣжала съ ковшикомъ домой. Она такъ спѣшила, что не замѣтила подъ ногами собачки, споткнулась на нее и уронила ковшикъ. Собачка жалобно визжала. Дѣвочка хватилась ковшика. Она думала, что разлила его, но нѣтъ, онъ стоялъ прямо на своемъ днѣ, и вся вода была цѣла въ немъ. Дѣвочка отлила въ ладонь воды, и собака все вылокала и повеселѣла. Когда дѣвочка взялась опять за ковшикъ, онъ изъ деревяннаго сталъ серебрянымъ. Дѣвочка принесла ковшикъ домой и подала

матери. Мать сказала: „Мнѣ все равно умирать, пей лучше сама“, и отдала ковшикъ дѣвочкѣ. И въ ту же минуту ковшикъ изъ серебрянаго сталъ золотой. Тогда дѣвочка не могла уже больше удерживаться и только хотѣла приложиться къ ковшику, какъ вдругъ въ дверь вошелъ странникъ и попросилъ напиться. Дѣвочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшикъ. И вдругъ на ковшикѣ выскочило семь огромныхъ брильянтовъ, и изъ него полилась большая струя чистой, свѣжей воды.

А семь брильянтовъ стали подниматься все выше и выше и поднялись на небо и стали тѣми семью звѣздами, которыя называются Большой Медвѣдицей.

10. То, что ты отдалъ, то твое, а то, что ты удержалъ, то чужое.

Если ты отдалъ что-нибудь другому, оторвавъ отъ себя, ты сдѣлалъ добро себѣ, и это добро навсегда твое, и никто не можетъ отнять его отъ тебя.

Если же ты удержалъ то, что хотѣлъ имѣть другой, то ты удержалъ это только на время или до того времени, когда тебѣ придется отдать это. А отдать придется навѣрное, когда придетъ смерть.

11. Неужели нельзя надѣяться, что придетъ день, когда люди найдутъ, что жить для другихъ имъ будетъ такъ же легко, какъ имъ теперь легко умирать на войнахъ, причинъ которыхъ не знаютъ? Для этого нуженъ только подъемъ и просвѣтлѣніе духа въ людяхъ.

Броунъ.

V.

Человѣкъ, полагающій всѣ свои силы на удовлетвореніе однѣхъ животныхъ потребностей, губитъ свою истинную жизнь.

1. Если человѣкъ думаетъ только о себѣ и ищетъ во всемъ своей выгоды, то онъ не можетъ быть счастливъ. Хочешь истинно жить для себя, живи для другихъ.

Сенека.

2. Для того, чтобы понять, какъ необходимо отрекаться отъ плотской жизни для жизни духовной, стоитъ только представить себѣ, какъ ужасна, отвратительна была бы жизнь человѣка, вся отданная однимъ тѣлеснымъ, живот-

нымъ желаніямъ. Настоящая человѣческая жизнь начинается только тогда, когда начинается отреченіе человѣка отъ животности.

3) Притчей о виноградаряхъ (Мѳ.XXI, 33—42) Христосъ разъясняетъ заблужденіе людей, принимающихъ призракъ жизни — свою личную животную жизнь — за жизнь истинную.

Люди, живя въ хозяйскомъ обработанномъ саду, вообразили себѣ, что они собственники этого сада. И изъ этого ложнаго представленія вытекаетъ рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ этихъ людей, кончающійся ихъ изгнаніемъ, исключеніемъ изъ жизни. Точно такъ же мы вообразили себѣ, что жизнь каждаго изъ насъ есть наша личная собственность, что мы имѣемъ право на нее и можемъ пользоваться ею, какъ хотимъ, ни передъ кѣмъ не имѣя никакихъ обязательствъ. И для насъ, вообразившихъ себѣ это, неизбѣженъ такой же рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ и несчастій и такое же исключеніе изъ жизни. Какъ обитатели сада забыли или не хотѣли знать того, что имъ переданъ садъ окопаннымъ, огороженнымъ, съ вырытымъ колодцемъ и что кто-нибудь поработалъ на нихъ и потому ждетъ и отъ нихъ работы, такъ точно и люди, живущіе личной жизнью, забыли или

хотятъ забыть все то, что сдѣлано для нихъ прежде ихъ рожденія и дѣлается во все время ихъ жизни и что поэтому ожидается отъ нихъ.

По ученію Христа, какъ виноградари, живя въ саду, не ими обработанномъ, должны понимать и чувствовать, что они въ неоплатномъ долгу передъ хозяиномъ, такъ точно и люди должны понимать и чувствовать, что со дня рожденія и до смерти они всегда въ неоплатномъ долгу передъ кѣмъ-то, передъ жившими до нихъ, и теперь живущими и имѣющими жить, и передъ тѣмъ, что было, есть и будетъ началомъ всего. Они должны понимать, что всякимъ часомъ своей жизни они утверждаютъ это обязательство, и что поэтому человѣкъ, живущій для себя и отрицающій это обязательство, связывающее его съ жизнью и началомъ ея, самъ лишаетъ себя жизни.

4. Люди думаютъ, что самоотреченіе нарушаетъ свободу. Такіе люди не знаютъ, что только самоотреченіе даетъ намъ истинную свободу, освобождая насъ отъ насъ самихъ, отъ рабства нашей развращенности. Наши страсти—самые жестокіе тираны; только отрекись отъ нихъ, и почувствуешь свободу.

Фенелонъ.

5. Если человѣкъ понимаетъ свое назначеніе, но не отрекается отъ своей личности, то онъ подобенъ человѣку, которому даны внутреннie ключи безъ внѣшнихъ.

6. Сознаніе своего назначенія, включающее въ себя законъ самоотреченія, не имѣетъ ничего общаго съ наслажденіемъ жизнью. Если-бы мы захотѣли смѣшать сознаніе своего назначенія съ наслажденіемъ и предложили бы эту смѣсь въ качествѣ лѣкарства больной душѣ, то эти два начала сейчасъ же сами собой раздѣлились бы. Если же бы они этого не сдѣлали, и сознаніе возвышеннаго назначенія человѣка не оказало бы никакого дѣйствія, и тѣлесная жизнь пріобрѣла бы, отъ стремленія къ наслажденію, будто бы совпадающему съ назначеніемъ, нѣкоторую силу, то нравственная жизнь исчезла бы безвозвратно.

Кантъ.

VI.

Избавленіе отъ грѣховъ возможно только при самоотреченіи.

1. Отреченіе отъ животнаго блага ради духовнаго есть послѣдствіе измѣненія сознанія, то-есть человѣкъ, признававшій себя прежде только животнымъ, начинаетъ признавать себя духовнымъ существомъ. Если это измѣненіе сознанія совершилось, то то, что представлялось прежде лишеніемъ, страданіемъ, представляется уже не лишеніемъ и страданіемъ, а только естественнымъ предпочтеніемъ лучшаго худшему.

2. Невѣрно думаютъ и говорятъ, что для исполненія назначенія жизни и для блага нужны здоровье, достатокъ и вообще благопріятныя внѣшнія условія.Это неправда: здоровье, достатокъ и благопріятныя внѣшнія условія не нужны для исполненія назначенія и для блага. Намъ дана возможность блага духовной жизни, ничѣмъ не могущаго быть нарушеннымъ, блага увеличенія въ себѣ любви. Только надо вѣрить въ эту духовную жизнь, перенести въ нее всѣ свои усилія.

Живешь тѣлесной жизнью, работаешь въ ней, — но какъ только являются препятствія въ этой тѣлесной жизни, перенесись изъ жизни тѣлесной въ жизнь духовную. А духовная жизнь всегда свободна. Это какъ крылья у птицы. Птица ходитъ на ногахъ. Но вотъ препятствіе или опасность—и птица вѣритъ въ свои крылья, развертываетъ ихъ и летитъ.

3. Нѣтъ ничего важнѣе внутренней работы въ одиночествѣ съ Богомъ. Работа эта въ томъ, чтобы останавливать себя въ желаніи блага своей животной личности, напоминать себѣ безсмысленность тѣлесной жизни. Только когда одинъ съ собой съ Богомъ, и можно дѣлать это. Когда съ людьми, тогда уже поздно. Когда съ людьми, то поступишь хорошо только тогда, когда заготовилъ способность самоотреченія въ уединеніи, въ общеніи съ Богомъ.

4. Всякій человѣкъ рано или поздно, ясно или смутно испытываетъ внутреннее противорѣчіе: хочу жить для себя и хочу быть разумнымъ, а жить для себя неразумно. Это кажется противорѣчіемъ, но противорѣчіе ли это? Вѣдь если такъ, то и для сгнивающаго зерна есть противорѣчіе въ томъ, что оно, сгнивая, пускаетъ ростокъ. Противорѣчіе будетъ

только тогда, когда я не хочу слушать голоса разума. Разумъ показываетъ необходимость перенести сознаніе жизни изъ личной жизни въ растущую жизнь духовную. Онъ показываетъ ненужность, безмысленность личной жизни, обѣщая новую жизнь, какъ прорастаетъ зерно, расширающее косточку внутри. Противорѣчіе только тогда, когда мы такъ ухватились за эту внѣшнюю отжившую форму жизни, что не хотимъ разстаться съ нею, въ родѣ того, какъ если бы оболочка зерна послѣ того, какъ зерно разбило ее, хотѣла бы все-таки утверждать свою жизнь. То, что мы называемъ противорѣчіемъ, есть только муки рожденія къ новой жизни. Стоитъ только не противиться неизбѣжному уничтоженію тѣлесной жизни жизнью духовной и отдаться этой духовной жизни, и открывается новая, лучшая, истинная жизнь.

5. Единственное истинное радостное дѣло жизни — это растить свою душу, а для роста души нужно отреченіе отъ себя. Начинай отреченіе въ малыхъ дѣлахъ. Когда пріучишь себя къ отреченію въ малыхъ, осилишь отреченіе и въ большихъ.

6. Когда потухаетъ свѣтъ твоей духовной жизни, то темная тѣнь твоихъ тѣлесныхъ жела-

ній падаетъ на твой путь, — остерегайся этой ужасной тѣни: свѣтъ твоего духа не можетъ уничтожить этой темноты до тѣхъ поръ, пока ты не изгонишь изъ своей души желаній тѣла.

Браминская мудрость.

7. Трудность освобожденія себя отъ тѣлеснаго себялюбія главная въ томъ, что тѣлесное себялюбіе есть необходимое условіе жизни. Оно необходимо и естественно въ дѣтствѣ, но должно ослабѣвать и уничтожаться по мѣрѣ уясненія разума.

Ребенокъ не чувствуетъ укоровъ совѣсти за свое себялюбіе, но по мѣрѣ уясненія разума себялюбіе становится тяжестью для самого себя; съ движеніемъ жизни себялюбіе все больше и больше ослабѣваетъ и при приближеніи смерти совершенно уничтожается.

8. Совсѣмъ отречься отъ себя — значитъ сдѣлаться Богомъ; жить только для себя — значитъ сдѣлаться совсѣмъ скотомъ. Жизнь человѣческая есть все большее и большее удаленіе отъ скотской жизни и приближеніе къ жизни божеской.

9. Мнѣ противна моя жизнь; я чувствую, что весь въ грѣхахъ, — только вылѣзу изъ

одного, попадаю въ другой. Какъ мнѣ хоть сколько-нибудь исправить свою жизнь? Одно есть самое дѣйствительное средство: признать свою жизнь въ духѣ, а не въ тѣлѣ, не участвовать въ гадкихъ дѣлахъ тѣлесной жизни. Только пожелай всей душой этого, и ты увидишь, какъ сейчасъ же сама собой станетъ исправляться твоя жизнь. Она была дурная только оттого, что ты своей духовной жизнью служилъ тѣлесной жизни.

10. Напрасно будетъ человѣкъ стараться избавиться отъ грѣховъ, если только онъ не отречется отъ своего тѣла, не перестанетъ ставить требованія тѣла выше требованій души.

11. Безъ жертвы нѣтъ жизни. Вся жизнь— это, — хочешь ли ты или не хочешь этого, — жертва тѣлеснаго духовному.

VII.

Отреченіе отъ животной личности даетъ человѣку истинное, неотъемлемое благо духовное.

1. Для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и для жизни людей вмѣстѣ одинъ и тотъ же законъ: для того, чтобы улучшить жизнь, надо быть готовымъ отдать ее.

2. Человѣкъ не можетъ знать послѣдствій своей самоотверженной жизни. Но пусть онъ испытаетъ ее хоть бы на время, и я увѣренъ, что всякій честный человѣкъ признаетъ то благотворное вліяніе, какое имѣли на его душу и тѣло хотя бы тѣ случайныя минуты, когда онъ забывалъ себя и отрекался отъ своей тѣлесной личности.

Джонъ Рескинъ.

3. Чѣмъ больше отрекается человѣкъ отъ своего животнаго я, тѣмъ свободнѣе его жизнь, тѣмъ нужнѣе она другимъ людямъ и тѣмъ она радостнѣе для него самого.

4. Въ Евангеліи сказано: кто погубитъ жизнь свою, тотъ получитъ ее. Это значитъ, что истин-

ная жизнь дается только тому, кто откажется отъ блага жизни животной.

Настоящая человѣческая жизнь начинается только тогда, когда человѣкъ ищетъ блага не тѣла, а души.

5. Человѣкъ въ своей жизни то же, что дождевая туча, выливающаяся на луга, поля, лѣса, сады, пруды, рѣки. Туча вылилась, освѣжила и дала жизнь милліонамъ травинокъ, колосьевъ, кустовъ, деревьевъ, и теперь стала свѣтлой, прозрачной и скоро совсѣмъ изчезнетъ. Такъ же и тѣлесная жизнь добраго человѣка: многимъ и многимъ помогъ онъ, облегчилъ жизнь, направилъ на путь, утѣшилъ, и теперь изошелъ весь и, умирая, уходитъ туда, гдѣ живетъ одно вѣчное, невидимое, духовное.

6. Деревья отдаютъ свои плоды и даже свою кору и листья и сокъ всѣмъ, кому они нужны. Хорошо тому человѣку, который дѣлаетъ то же. Но мало есть людей, которые понимаютъ это и поступаютъ такъ.

К р и ш н а.

7. Не можетъ быть счастья, пока не пересталъ думать о себѣ. Но этого нельзя дѣ-

лать не совсѣмъ. Если осталась хоть малѣйшая забота о себѣ, все испорчено. Я знаю, что это трудно, но знаю и то, что нѣтъ другого средства добыть счастье.

Э. Карпентеръ.

8. Многимъ кажется, что если исключить изъ жизни личность и любовь къ ней, то ничего не останется. Имъ кажется, что безъ личности нѣтъ жизни. Но это только кажется людямъ, которые не испытывали радости самоотверженія. Откинь отъ жизни личность, отрекись отъ нея, и останется то, что составляетъ сущность жизни—любовь, дающее несомнѣнное благо.

9. Чѣмъ больше человѣкъ узнаетъ свое духовное я и чѣмъ больше отрекается отъ своей тѣлесной личности, тѣмъ истиннѣе онъ понимаетъ самого себя.

Браминская мудрость.

10. Чѣмъ больше человѣкъ переноситъ свою жизнь изъ жизни животной въ жизнь духовную, тѣмъ жизнь его становится свободнѣе и радостнѣе. Для того же, чтобы человѣкъ могъ переносить свою жизнь изъ жизни животной въ жизнь духовную, надо, чтобы онъ

сознавалъ себя духовнымъ существомъ. Для того же, чтобы человѣкъ могъ сознавать себя духовнымъ существомъ, ему надо отрекаться отъ жизни тѣлесной. Для вѣры нужно самоотреченіе, для самоотреченія нужно сознаніе. Одно помогаетъ другому.

11. Съ точки зрѣнія счастья вопросъ жизни неразрѣшимъ, такъ какъ самыя высокія наши стремленія мѣшаютъ намъ быть счастливыми. Съ точки зрѣнія долга то же затрудненіе, такъ какъ исполненный долгъ даетъ миръ, а не счастье.

Только божественная святая любовь и слiяніе съ Богомъ уничтожаютъ это затрудненіе, потому что тогда жертва становится постоянной, растущей, ненарушимой радостью.

Амiель.

12 Понятіе о долгѣ во всей его чистотѣ не только несравненно проще, яснѣе, понятнѣе для каждаго человѣка на практикѣ и естественнѣе, чѣмъ побужденіе, ведущее свое начало отъ счастья или связанное и считающееся съ нимъ (и всегда требующее не мало искусственности и тонкихъ соображеній), но и передъ судомъ обыкновеннаго здраваго смысла оно гораздо могущественнѣе, настойчивѣе и

болѣе обѣщаетъ успѣха, чѣмъ всѣ побужденія, исходящія изъ своекорыстія, если только понятіе о долгѣ усвоено здравымъ смысломъ, совершенно независимо отъ своекорыстныхъ побужденій.

Сознаніе, что я могу, потому что долженъ, открываетъ въ человѣкѣ глубину божественныхъ дарованій, которая даетъ ему почувствовать, какъ священному пророку, величіе и возвышенность его истиннаго назначенія. И если бы человѣкъ почаще обращалъ на это вниманіе и привыкъ бы совершенно отдѣлять добродѣтель отъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя служатъ наградой за исполненіе долга, если бы главнымъ предметомъ частнаго и общественнаго воспитанія было сдѣлано непрестанное упражненіе въ добродѣтели, то нравственное состояніе людей скоро улучшилось бы. Въ томъ, что историческій опытъ до сихъ поръ не давалъ хорошихъ результатовъ для ученія о добродѣтели, виновато то ложное предположеніе, что побужденіе, выведенное изъ понятія долга, будто бы слишкомъ слабо и отдалено, а что сильнѣе дѣйствуетъ на душу болѣе близкое побужденіе, проистекающее изъ расчета на выгоды, которыхъ надо ждать отчасти въ этомъ, а также и въ будущемъ мірѣ за исполненіе закона. Между

тѣмъ, какъ сознаніе человѣкомъ въ себѣ духовнаго начала, вызывающее отреченіе отъ своей личности, гораздо сильнѣе всякихъ наградъ побуждаетъ человѣка къ исполненію закона добра.

Кантъ.

СМИРЕНІЕ.

СМИРЕНІЕ.

Высшее благо человѣка въ этомъ мірѣ есть единеніе съ себѣ подобными. Гордые люди, выдѣляя себя отъ другихъ, лишаютъ сами себя этого блага. Смиренный же человѣкъ уничтожаетъ въ самомъ себѣ всѣ препятствія для достиженія этого блага. И потому смиреніе есть необходимое условіе истиннаго блага.

I.

Человѣкъ не можетъ гордиться своими дѣлами, потому что все то хорошее, что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ не онъ, а то божественное начало, какое живетъ въ немъ.

1. Можетъ быть смиреннымъ только тотъ человѣкъ, который знаетъ, что въ душѣ его живетъ Богъ. Такому человѣку все равно, какъ судятъ э немъ люди.

2. Человѣкъ, считающій себя хозяиномъ своей жизни, не бываетъ смиренъ, потому что думаетъ, что онъ ничѣмъ ни передъ кѣмъ не обязанъ. Человѣкъ же, полагающій свое назначеніе въ служеніи Богу, не можетъ не быть смиренъ, потому что постоянно чувствуетъ себя далеко не исполнившимъ всѣхъ своихъ обязанностей.

3. Мы часто гордимся тѣмъ, что мы хорошо сдѣлали, мы гордимся тѣмъ, что „мы сдѣлали", а забываемъ то, что въ каждомъ изъ насъ живетъ Богъ, что, дѣлая хорошее, мы только орудія, посредствомъ которыхъ дѣлается Имъ Его дѣло.

Богъ мною дѣлаетъ то, что Ему нужно, а я горжусь. Все равно, какъ если бы камень, загораживающій протокъ ключа, гордился тѣмъ, что изъ него течетъ вода и что воду эту пьютъ люди и звѣри. Но, скажутъ, камень можетъ гордиться тѣмъ, что онъ чистъ, не портитъ воду. И то неправда. Если онъ чистъ, то только потому, что та же вода обмыла и обмываетъ его. Ничего нашего нѣтъ, все Божіе.

4. Мы—орудія Бога. Что мы должны дѣлать—мы знаемъ, но зачѣмъ мы это дѣлаемъ —это не дано знать намъ. Тотъ, кто пони-

маетъ это, не можетъ не быть смиренъ.

5. Главное дѣло жизни всякаго человѣка, это—то, чтобы становиться добрѣе и лучше. А какъ же можно становиться лучше, когда считаешь себя хорошимъ?

6. Только тогда работникъ будетъ хорошо исполнять свое дѣло, когда онъ пойметъ свое положеніе. Только тогда человѣкъ понимаетъ ученіе Христа, когда онъ ясно понимаетъ то, что жизнь его—не его, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не въ человѣкѣ, а въ волѣ Того, Кто даетъ жизнь, и что поэтому человѣкъ можетъ помѣшать проявленію въ себѣ силы Божіей, но самъ собою не можетъ сдѣлать ничего хорошаго.

7. Только признай себя не хозяиномъ, а слугою, и сразу исканіе, тревога, недовольство замѣняются опредѣленностью, спокойствіемъ, миромъ и радостью.

II.

Всѣ соблазны отъ гордости.

1. Если человѣкъ стремится къ Богу, то онъ никогда не можетъ быть доволенъ собою. Сколько бы онъ ни подвинулся, онъ чувствуетъ себя всегда одинаково удаленнымъ отъ совершенства, такъ какъ совершенство безконечно.

2. Самоувѣренность — свойство животнаго; смиреніе—человѣка.

3. Тотъ, кто лучше всего знаетъ самъ себя, тотъ менѣе всего себя и уважаетъ.

4. Кто доволенъ собой, тотъ всегда недоволенъ другими.
Кто всегда недоволенъ собою, тотъ всегда доволенъ другими.

5. Мудрецу сказали о томъ, что его считаютъ дурнымъ. Онъ отвѣчалъ: „Хорошо еще, что они не все знаютъ про меня,—они бы еще не то сказали“.

6. Нѣтъ ничего болѣе полезнаго для души, какъ памятованіе о томъ, что ты ничтожная и по времени и по пространству козявка, и что сила твоя только въ томъ, что ты можешь понимать свое ничтожество и потому быть смиреннымъ.

7. Несмотря на общее большинству людей малое вниманіе къ своимъ недостаткамъ, нѣтъ человѣка, который бы не зналъ о самомъ себѣ чего-либо болѣе дурного, чѣмъ то, что онъ знаетъ о ближнемъ.

И потому смиреніе легко каждому человѣку.

Вольслей.

8. Стоитъ только немного подумать, и мы всегда найдемъ за собою какую-нибудь вину передъ человѣческимъ родомъ (пусть это будетъ хотя бы только та вина, что, благодаря существующему неравенству людей, мы пользуемся извѣстными преимуществами, ради которыхъ другіе должны испытывать еще больше лишеній),—и это помѣшаетъ намъ посредствомъ себялюбивыхъ представленій о своихъ заслугахъ считать себя выше другихъ людей.

Кантъ.

9. Только чужими глазами можно видѣть свои недостатки.

Китайская пословица.

10. Каждый человѣкъ можетъ быть для насъ зеркаломъ, въ которомъ намъ видны наши пороки, недостатки и все то дурное, что есть въ насъ; но мы большей частью поступаемъ при этомъ какъ собака, которая лаетъ на зеркало, думая, что она видитъ тамъ не себя, а другую собаку.

Шопенгауэръ.

11. Самоувѣренные, неумные и безнравственные люди часто внушаютъ уваженіе скромнымъ, умнымъ, нравственнымъ людямъ именно потому, что скромный человѣкъ, судя по себѣ, никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы плохой человѣкъ могъ бы такъ уважать себя.

12. У человѣка, влюбленнаго въ себя, мало соперниковъ.

Лихтенбергъ.

13. Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполнѣ ясно, сознательно и легко воспринимаютъ истинное христіанское ученіе, тогда какъ самые ученые люди про-

должаютъ коснѣть въ грубомъ язычествѣ. Бываетъ это оттого, что простые люди большей частью смиренны, а ученые большей частью самоувѣренны.

14. Для того, чтобы разумно понимать жизнь и смерть и спокойно ожидать ее, необходимо понимать свое ничтожество.

Ты—какая-то безконечно малая частица чего-то, и ты былъ бы ничто, если бы у тебя не было опредѣленнаго призванія—дѣла. Это только даетъ смыслъ и значеніе твоей жизни. Дѣло же твое въ томъ, чтобы использовать данныя тебѣ, какъ и всему существующему, орудія: истратить на исполненіе предписаннаго свое тѣло. И потому всѣ дѣла равны, и ты не можешь сдѣлать ничего больше того, что тебѣ задано. Ты можешь быть только супротивникомъ Бога или исполнителемъ Его дѣла. Такъ что ничего важнаго, великаго человѣкъ не можетъ себѣ приписать. Только стоитъ приписать себѣ какое-нибудь великое, исключительное дѣло, и нѣтъ конца разочарованіямъ борьбы, зависти, всякимъ страданіямъ; только приписалъ себѣ значеніе больше растенія, приносящаго плоды, и ты погибъ. Спокойствіе, свобода, радость жизни, безстрашіе смерти даются только тому, кто признаетъ

себя въ этой жизни ничѣмъ инымъ, какъ только работникомъ Хозяина.

III.

Смиреніе соединяетъ людей любовью.

1. Быть неизвѣстнымъ людямъ или непонимаемымъ ими и не печалиться объ этомъ—въ этомъ свойство истинно добродѣтельнаго, любящаго другихъ людей, человѣка.

Китайская мудрость.

2. Какъ вода не держится на вершинахъ, такъ и доброта и мудрость не бываютъ у гордыхъ. И то и другое ищутъ низкаго мѣста.

Персидская мудрость.

3. Добрый человѣкъ, это—тотъ, кто помнитъ свои грѣхи и забываетъ свое добро, а злой —наоборотъ, это—тотъ, кто помнитъ свое добро и забываетъ свои грѣхи.

Не прощай себѣ, и тогда легко будешь прощать другимъ.

4. Добраго и умнаго человѣка можно узнать потому, что такой человѣкъ считаетъ другихъ людей и лучше и умнѣе себя.

5. Люди самые пріятные—это праведники, которые считаютъ себя грѣшниками. А самые непріятные—это грѣшники, которые считаютъ себя праведниками.

Паскаль.

6. Какъ трудно любить, жалѣть людей самоувѣренныхъ, гордыхъ, хвастливыхъ! Ужъ поэтому видно, какъ не только хорошо, но выгодно смиреніе. Оно сильнѣе всего другого вызываетъ самое драгоцѣнное въ жизни: любовь людей.

7. Смиренныхъ людей всѣ любятъ. Мы всѣ желаемъ быть любимыми, такъ какъ же не стараться быть смиренными?

8. Для того, чтобы люди могли хорошо жить, надо, чтобы былъ миръ между ними. А тамъ, гдѣ каждый хочетъ быть выше другихъ, не можетъ быть мира. Чѣмъ смиреннѣе люди, тѣмъ легче имъ жить мирной жизнью.

IV.

Смиреніе соединяетъ человѣка съ Богомъ.

1. Нѣтъ ничего сильнѣе смиреннаго человѣка, потому что смиренный человѣкъ, отказываясь отъ себя, даетъ мѣсто Богу.

2. Прекрасны слова молитвы: „Приди и вселися въ ны“. Въ этихъ словахъ все. Человѣкъ имѣетъ все, что ему нужно, если Богъ вселится въ него. Для того же, чтобы Богъ вселился въ человѣка, дѣлать нужно только одно: умалить себя, чтобы дать мѣсто Богу. Какъ только человѣкъ умалитъ себя, Богъ тотчасъ же вселится въ него. И потому для того, чтобы имѣть все, что ему нужно, человѣку надо прежде всего смириться.

3. Чѣмъ глубже спускается человѣкъ въ самого себя и чѣмъ ничтожнѣе онъ представляется себѣ, тѣмъ выше онъ поднимается къ Богу.

Браминская мудрость.

4. Тотъ, кто обожаетъ Высшаго, у того гордость исчезаетъ изъ сердца такъ же, какъ

свѣтъ костра при свѣтѣ солнца. Тотъ, чье сердце чисто и въ комъ нѣтъ гордости, кто кротокъ, постояненъ и простъ, кто смотритъ на всякое существо, какъ на своего друга, и любитъ каждую душу, какъ свою, кто одинаково обращается съ каждымъ съ нѣжностью и любовью, кто желаетъ творить добро и оставилъ тщеславіе,— въ сердцѣ того человѣка живетъ Владыка жизни.

Какъ земля украшается прекрасными растеніями, которыя она производитъ, такъ же украшается и тотъ, въ душѣ котораго живетъ Владыка жизни.

Вишну Пурана.

V.

Какъ бороться съ гордостью.

1. Истинное смиреніе трудно. Сердце наше возмущается при одной мысли о презрѣніи, объ униженіи; мы стараемся скрыть все, что можетъ унизить насъ въ глазахъ другихъ, мы стараемся скрыть это отъ самихъ себя; если

мы дурны, мы не хотимъ видѣть себя такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ. Но какъ ни трудно истинное смиреніе, оно возможно. Будемъ стараться избавиться отъ всего того, что мѣшаетъ ему.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

2. Тѣ самые недостатки, которые въ другихъ тяжелы и несносны, въ насъ самихъ точно ничего и не вѣсятъ: ихъ не чувствуешь. Часто бываетъ то, что люди, говоря о другихъ и жестоко осуждая ихъ, не замѣчаютъ того, что они описываютъ самихъ себя.

Ничто быстрѣе не исправляло бы насъ отъ нашихъ недостатковъ, какъ если бы мы были въ силахъ видѣть въ другихъ самихъ себя. Увидавъ ясно на другихъ наши недостатки, мы возненавидѣли бы недостатки наши, какъ они того и стоятъ.

Ла-Брюйеръ.

3. Ничто такъ не вредно для нравственнаго совершенствованія, какъ довольство людей самими собой.

Къ счастью, если мы улучшаемся, то улучшаемся такъ незамѣтно, что не можемъ видѣть своихъ успѣховъ иначе, какъ послѣ долгихъ промежутковъ времени.

Если же мы замѣчаемъ наше улучшеніе, то это признакъ того, что мы или вовсе не подвигаемся или идемъ назадъ.

4. Остерегайтесь мысли, что вы лучше другихъ и что у васъ есть такія добродѣтели, какихъ нѣтъ у другихъ. Какія бы ни были ваши добродѣтели, онѣ ничего не стоятъ, если вы думаете, что вы лучше другихъ людей.

5. Старайся не думать про себя хорошее. Если не можешь думать про себя дурное, то знай, что уже то дурно, что ты не можешь думать про себя дурно.

6. Всякое сравненіе себя съ другими для оправданія себя есть соблазнъ, препятствующій и доброй жизни и главному ея дѣлу—совершенствованію. Сравнивай себя только съ высшимъ совершенствомъ, а не съ людьми, которые могутъ быть ниже тебя.

7. Для того, чтобы научиться смиренію, надо наединѣ самому съ собою ловить себя на гордыхъ мысляхъ.

8. Ругаютъ, осуждаютъ—радуйся; хвалятъ, одобряютъ—бойся.

9. Не бойся униженія: если ты сумѣешь принять его съ смиреніемъ, оно во много разъ окупится тѣми духовными благами, которыя соединены съ нимъ.

10. Старайся не запрятывать въ темные углы постыдныя воспоминанія своихъ грѣховъ, а, напротивъ, старайся держать ихъ всегда наготовѣ, чтобы, помня свои грѣхи, судить о грѣхахъ ближняго.

11. Считай себя всегда школьникомъ-ученикомъ. Не думай, чтобы ты былъ старъ, чтобы учиться, что душа твоя уже такова, какой она должна быть, и не можетъ быть лучше. Для разумнаго человѣка нѣтъ оконченнаго курса: онъ до самаго гроба ученикъ.

12. Познаетъ истину только смиренный сердцемъ. Смиреніе не возбуждаетъ зависти.

Деревья уносятся потокомъ, тростники остаются.

Мудрецъ сказалъ: „Дитя мое, не печалься о томъ, что тебя не оцѣнили, потому что никто не можетъ отнять того, что ты сдѣлалъ, или передать тебѣ то, чего ты не сдѣлалъ. Разумный человѣкъ довольствуется тѣмъ уваженіемъ, которое заслуживаетъ.

„Будь добродушенъ, почтителенъ, дружелюбенъ, озабоченъ выгодой другихъ, и благо придетъ къ тебѣ такъ же естественно, какъ воды изливаются на низины“.

Индійское Вишну.

VI.

Послѣдствія гордости.

1. Человѣкъ безъ смиренія всегда осуждаетъ другихъ; онъ видитъ только ошибки людей, его же собственные страсти и пороки все болѣе и болѣе разрастаются.

Буддійская мудрость.

2. Человѣкъ, не просвѣщенный христіанствомъ, любитъ только себя. А любя только себя, такой человѣкъ хочетъ быть великимъ и видитъ, что онъ маленькій, хочетъ быть важнымъ, а чувствуетъ, что онъ ничтоженъ, хочетъ быть хорошимъ, а знаетъ, что онъ дуренъ. И, видя это, человѣкъ начинаетъ не

любить правду и начинаетъ придумывать такія разсужденія, по которымъ бы выходило, что онъ—то самое, чѣмъ ему хочется быть, и, придумавъ такія разсужденія, становится въ своихъ глазахъ и великимъ, и важнымъ, и хорошимъ. Въ этомъ большой двойной грѣхъ —и гордости и лжи. Отъ гордости и ложь, а отъ лжи—гордость.

По Паскалю.

3. Кто не питаетъ отвращенія къ тому самолюбію, которое заставляетъ его ставить себя выше всего въ мірѣ, тотъ вполнѣ ослѣпленъ, потому что ничто такъ не противорѣчитъ справедливости и истинѣ, какъ такое мнѣніе о себѣ. Это ложно само въ себѣ, потому что нельзя быть выше всего въ мірѣ, и, кромѣ того, и несправедливо, такъ какъ всѣ требуютъ себѣ того же.

Паскаль.

4. Есть всегда темное пятно въ нашемъ солнечномъ свѣтѣ: это—тѣнь, которая падаетъ отъ того уваженія, которое мы имѣемъ къ своей личности.

Карлейль.

5. Нѣтъ ни одного человѣческаго преиму-

щества—силы, красоты, богатства, званія, учености, просвѣщенія, даже доброты, которыя при отсутствіи смиренія не уничтожались бы и не превращались бы изъ преимуществъ и хорошихъ качествъ въ отталкивающія свойства. Нѣтъ ничего противнѣе человѣка, кичащагося своимъ богатствомъ, званіемъ, умомъ, просвѣщеніемъ, ученостью, добротой. Люди желаютъ быть любимыми людьми, знаютъ, что гордость отталкиваетъ людей, и все-таки не могутъ быть смиренны. Отчего это? Оттого, что смиреніе не можетъ быть усвоено отдѣльно. Смиреніе есть послѣдствіе перенесенія человѣкомъ своихъ желаній изъ области вещественной въ область духовную.

VII.

Смиреніе даетъ человѣку и душевное благо и силу въ борьбѣ съ соблазнами.

1. Нѣтъ для души ничего благотворнѣе униженія, принимаемаго съ радостью. Какъ дождь теплый послѣ яркаго, изсушившаго солнца самодовольства, освѣжаетъ душу униженіе, принятое со смиреніемъ.

2. Входная дверь въ храмъ истины и блага низкая. Войдутъ въ храмъ только тѣ, которые пригнутся. И хорошо тѣмъ, кто пройдетъ въ дверь. Въ храмѣ же великій просторъ и свобода, и люди тамъ всѣ любятъ другъ друга, помогаютъ другъ другу и не знаютъ горя.

Храмъ этотъ—истинная жизнь людей. Дверь храма, это—ученіе мудрости. Мудрость же дается смиреннымъ, тѣмъ, кто не возвышаетъ, а умаляетъ себя.

3. Радость совершенная, по словамъ Франциска Ассизскаго, въ томъ, чтобы перенесть незаслуженный укоръ, потерпѣть даже тѣлесное страданіе и не испытать враждебности къ причинѣ укора и страданія. Радость эта совершенная потому, что никакія обиды, оскорбленія, нападки людей не могутъ нарушить ее.

4. „Возвышающій самъ себя униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится“.

Лука XIV, 11.

5. Слабѣйшее въ мірѣ побѣждаетъ сильнѣйшее; низкій и смиренный побѣждаетъ высокаго и гордаго. Только немногіе въ мірѣ понимаютъ силу смиренія.

Лао-Тсе.

6. Чѣмъ выше считаетъ самъ себя человѣкъ, тѣмъ онъ слабѣе; чѣмъ ниже онъ о себѣ думаетъ, тѣмъ онъ тверже и самъ для себя и передъ другими.

7. Нѣтъ въ мірѣ ничего нѣжнѣе и уступчивѣе, чѣмъ вода, а, между тѣмъ, нападая на жесткое и твердое, ничто не можетъ быть сильнѣе ея. Слабый побѣждаетъ сильнаго. Нѣжный побѣждаетъ жестокаго. Смиренный побѣждаетъ гордаго. Всѣ въ мірѣ знаютъ это, но никто не хочетъ исполнять это.

Лао-Тсе.

8. То, что рѣки и моря властвуютъ надъ всѣми долинами, по которымъ текутъ, происходитъ оттого, что они ниже ихъ.

Поэтому святой человѣкъ, если онъ хочетъ быть выше народа, долженъ стараться быть ниже его. Если онъ хочетъ руководить имъ, то онъ долженъ быть позади его.

Поэтому, если святой человѣкъ и живетъ выше народа, народъ не чувствуетъ этого. Онъ находится впереди народа, но народъ не страдаетъ отъ этого. Поэтому міръ, не переставая, восхваляетъ его. Святой человѣкъ не споритъ ни съ кѣмъ, никто въ мірѣ не споритъ съ нимъ.

Лао-Тсе.

9. Вода жидка, легка и уступчива, но если она нападаетъ на твердое, жесткое и неуступчивое, ничто не можетъ устоять противъ нея: она смываетъ дома, кидаетъ огромными кораблями, какъ щепками, размываетъ землю. Воздухъ еще жиже, мягче и уступчивѣе, чѣмъ вода, и еще сильнѣе, когда нападаетъ на твердое, жесткое и неуступчивое. Онъ вырываетъ съ корнями деревья, также разрушаетъ дома, поднимаетъ самую воду въ огромныя волны и гоняетъ воду въ тучахъ. Нѣжное, мягкое, уступчивое побѣждаетъ жестокое, суровое, неуступчивое.

То же и въ жизни людей. Хочешь быть побѣдителемъ, будь нѣженъ, мягокъ и уступчивъ.

10. Чтобы быть сильнымъ, надо быть какъ вода. Нѣтъ препятствій—она течетъ; плотина—она остановится; прорвется плотина—она снова потечетъ; въ четыреугольномъ сосудѣ она четыреугольна; въ кругломъ она кругла. Оттого, что она такъ уступчива, она нѣжнѣй всего и сильнѣй всего.

ПРАВДИВОСТЬ.

ПРАВДИВОСТЬ.

Суевѣрія мѣшаютъ доброй жизни. Освобождаетъ отъ суевѣрій только правдивость—не только передъ людьми, но и передъ самимъ собой.

I.

Какъ относиться къ установившимся убѣжденіямъ и обычаямъ.

1. Самый обычный способъ отрицать существованіе Бога состоитъ въ томъ, чтобы признавать всегда безусловно справедливымъ общественное мнѣніе и не придавать никакого значенія тому голосу Бога, который непрестанно слышимъ въ душѣ своей.

Джонъ Рескинъ.

2. Хотя бы весь міръ признавалъ ученіе истиннымъ и какъ бы древне оно ни было, человѣкъ долженъ провѣрять его разумомъ и смѣло откидывать, если оно не сходится съ требованіями разума.

3. „Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Іоан. VIII, 32.

4. Человѣкъ, признающій божественность своей души, не можетъ не провѣрить разумомъ всѣхъ тѣхъ ученій, которыя признаются людьми несомнѣнной истиной.

5. Кто хочетъ сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, тотъ долженъ отбросить угожденіе міру; кто хочетъ жить истинной жизнью, тотъ пусть не руководится тѣмъ, что принято считать добромъ, а пусть тщательно доискивается, гдѣ и что есть истинное добро. Нѣтъ ничего святѣе и производительнѣе самостоятельной душевной пытливости.

Эмерсонъ.

6. Если что правда, то давайте вѣрить въ это всѣ: бѣдные, богатые, мужчины, женщины и дѣти. Если же что неправда, то не будемъ

вѣрить никто: ни богатые, ни бѣдные, ни толпы людей, ни женщины, ни дѣти. Истину надо провозглашать съ крышъ.

Постоянно нашептываютъ, что опасно открывать нѣкоторыя вещи большинству людей. Говорятъ: мы знаемъ, что это неправда, но для народа это необходимо. Народу полезно вѣрить въ это и потому можно сдѣлать много зла, поколебавъ эту его вѣру.

Нѣтъ. Кривые пути всегда останутся кривыми, хотя бы они были предназначены для обмана самаго большого большинства народа, и неправда никогда и никому не можетъ быть полезна. И потому мы признаемъ только одинъ законъ для всѣхъ: слѣдованіе истинѣ, какую знаемъ, куда бы она ни привела насъ.

Клифордъ.

7 Въ склонности вѣрить въ то, что намъ выдается за истину, заключается и добро и зло. Именно эта склонность дѣлаетъ возможнымъ поступательное движеніе общества, и именно она дѣлаетъ это поступательное движеніе столь медленнымъ и мучительнымъ: каждое поколѣніе, благодаря ей, безъ усилія получаетъ достающееся ему по наслѣдству знаніе, пріобрѣтенное тяжелымъ трудомъ прежде жившихъ людей, и каждое поколѣніе,

благодаря ей, оказывается порабощеннымъ ошибками и заблужденіями своихъ предшественниковъ.

Генри Джорджъ.

8. Чѣмъ больше живетъ человѣкъ, тѣмъ больше освобождается онъ отъ суевѣрій.

9. Всѣ суевѣрія суть только извращенія мысли, и потому избавленіе отъ нихъ возможно только приложеніемъ къ нимъ требованій истины, открываемой разумомъ.

10. Вѣра въ то, что то, что намъ выгодно и пріятно истинно само въ себѣ, есть естественное свойство какъ дѣтей, такъ и человѣчества въ его дѣтскомъ возрастѣ. Чѣмъ дольше живутъ и человѣкъ и человѣчество, чѣмъ больше уясняется и утверждается его разумъ, тѣмъ все больше человѣкъ и человѣчество освобождаются отъ такого ложнаго представленія о томъ, что истинно все то, что выгодно человѣку. И потому какъ всякому человѣку, такъ и всему человѣчеству, необходимо, по мѣрѣ движенія ихъ въ жизни, усиліями своего разума и всей мудростью прежде жившихъ людей провѣрять принятыя на вѣру положенія о томъ, что истинно.

11. Всякая истина, выраженная словами, есть сила, дѣйствіе которой безпредѣльно.

II.

Ложь, ея причины и послѣдствія.

1. Не думай, что говорить и дѣлать правду нужно только въ дѣлахъ важныхъ. Говорить и дѣлать правду нужно всегда, даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ. Важно не то большое или малое зло, которое произойдетъ отъ твоей неправды, а важно то, чтобы ты самъ себя никогда не осквернялъ ложью.

2. Если жизнь не согласна съ правдой, то все-таки лучше признать правду, чѣмъ скрывать ее: жизнь свою мы можемъ измѣнить по правдѣ; правду же мы ничѣмъ измѣнить не можемъ, она останется, какой была, и не перестанетъ обличать насъ.

3. Мы всѣ любимъ истину больше, чѣмъ

ложь, но когда дѣло касается нашей жизни, то мы часто предпочитаемъ ложь истинѣ, потому что ложь оправдываетъ нашу дурную жизнь, а истина обличаетъ ее.

4. Для каждой, входящей въ сознаніе людей, истины, замѣняющей прежнее заблужденіе, бываетъ время, когда заблужденіе явно и очевидна истина, долженствующая замѣнить его. Но люди, которымъ или выгодно это заблужденіе, или привычно имъ, стараются всѣми силами поддержать его. Въ такія времена бываетъ особенно важно смѣлое провозглашеніе истины.

5. Если люди говорятъ вамъ, что не надо во всемъ добираться до правды, потому что полной правды никогда не найдешь, не вѣрьте имъ и бойтесь такихъ людей. Это самые злые враги не только истины, но и ваши.

Они говорятъ это только потому, что сами живутъ не по правдѣ и знаютъ это и хотѣли бы, чтобы и другіе люди жили такъ же.

6. Если хочешь познать истину, то прежде всего освободись хотя на то время, когда ищешь истину, отъ всѣхъ соображеній о выгодѣ для себя такого или иного рѣшенія.

7 Бываетъ радостно, когда поймешь неправду другихъ людей и обличишь ее, но во сколько разъ радостнѣе, когда поймаешь самъ себя въ неправдѣ и обличишь себя. Старайся доставлять себѣ какъ можно чаще это удовольствіе.

8. Какъ ни соблазнительна бываетъ ложь и всѣ ея соблазны, бываетъ время, что ложь такъ замучитъ человѣка, что человѣкъ, уже не для того, чтобы искать истину, а только для того, чтобы избавиться отъ всей, нераздѣльной съ ложью, путаницы, отъ которой онъ страдаетъ, обращается къ истинѣ и въ ней одной находитъ спасеніе.

9. Какая туча закутала міръ? Отчего онъ не свѣтится? Что оскверняетъ его? Въ чемъ его великая опасность?

Опасность его въ томъ, что люди живутъ не тѣмъ божественнымъ разумомъ, который данъ каждому изъ нихъ, а тѣмъ общимъ, извращеннымъ разумомъ, который сложился среди людей для оправданія ихъ страстей. Люди страдаютъ и ищутъ спасенія. Что же спасетъ ихъ? Одно уваженіе къ своему разуму и слѣдованіе истинѣ.

Съ восточнаго.

10. Горькій опытъ показываетъ намъ то, что нельзя уже удерживать прежнія условія жизни, и что поэтому необходимо находить тѣ новыя условія, которыя свойственны новому времени; но люди, вмѣсто того, чтобы употреблять свой разумъ на изысканіе и установленіе этихъ новыхъ условій, употребляютъ свой разумъ на то, чтобы удержать жизнь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она была сотни лѣтъ тому назадъ.

11. Ложь закрываетъ отъ насъ Бога и въ насъ самихъ и въ людяхъ, и потому нѣтъ ничего дороже истины, возвращающей насъ къ любви къ Богу и ближнему.

12. Нѣтъ несчастья хуже того, когда человѣкъ начинаетъ бояться истины, чтобы она не показала ему, какъ онъ дуренъ.

Паскаль.

13. Самый вѣрный признакъ истины, это—простота и ясность. Ложь всегда бываетъ сложна, вычурна и многословна.

14. Можно быть одинокимъ въ своей частной и временной средѣ, но каждая изъ нашихъ мыслей и каждое изъ нашихъ чувствъ

находитъ, находило и будетъ находить свой отголосокъ въ человѣчествѣ. Для нѣкоторыхъ людей, которыхъ большая часть человѣчества признаетъ своими вождями, реформаторами и просвѣтителями, отголосокъ этотъ огроменъ и раздается съ особенной силой; но нѣтъ человѣка, мысли котораго не производили бы на другихъ такого же, хотя и во много разъ меньшаго, дѣйствія. Всякое искреннее проявленіе души, всякое заявленіе личнаго убѣжденія служатъ кому-нибудь или чему-нибудь, даже если вы и не знаете объ этомъ, и даже когда зажимаютъ вамъ ротъ или когда накидываютъ вамъ мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняетъ неразрушимое дѣйствіе,—какъ всякое движеніе, оно никогда не уничтожается, но превращается въ иныя формы.

Аміель.

III.

На чемъ держится суевѣріе.

1. Чѣмъ большимъ уваженіемъ окружены предметы, обычаи, законы, тѣмъ внимательнѣе надо изслѣдовать ихъ право на уваженіе.

2. Есть много старинныхъ истинъ, которыя кажутся намъ вѣроятными только потому, что мы никогда серьезно не думали о нихъ.

Родъ.

3. Разумъ есть величайшая святыня въ мірѣ, а потому и величайшій грѣхъ злоупотреблять разумомъ, употреблять его на то, чтобы скрывать или извращать истину.

4. Просматривая исторію человѣчества, мы то и дѣло замѣчаемъ, что самыя явныя нелѣпости сходили для людей за несомнѣнныя истины, что цѣлыя націи дѣлались жертвами дикихъ суевѣрій и унижались передъ подобными себѣ смертными, нерѣдко передъ идіотами или сластолюбцами. И причиной такихъ нелѣпостей и страданій людскихъ всегда было одно: принятіе на вѣру того, что даже малымъ дѣтямъ не могло не представляться неразумнымъ.

По Генри Джорджу.

5. Нашъ вѣкъ—истинный вѣкъ критики. Все принятое на вѣру провѣряется критикой.

Разумъ относится съ уваженіемъ только къ тому, что въ состояніи выдержать его свободное и всенародное испытаніе.

Кантъ.

6. Не надо бояться тѣхъ разрушеній, которыя совершаетъ разумъ въ установленныхъ людьми преданіяхъ. Разумъ не можетъ ничего уничтожать, не замѣняя его истиной. Таково его свойство.

IV.

Религіозныя суевѣрія.

1. Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но еще хуже то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Лактанцій.

2. У насъ нѣтъ уже болѣе религіи. Вѣчные законы Бога съ ихъ вѣчнымъ раемъ и адомъ превратились въ правила практической философіи, основанныя на ловкихъ расчетахъ выгодъ и потерь, со слабымъ остаткомъ уваженія къ радостямъ, доставляемымъ добродѣтелью и возвышенной нравственностью. Выражаясь на языкѣ нашихъ предковъ, мы „забыли Бога“, а употребляя современный способъ выраженія, мы должны сказать, что ложно пони-

маемъ жизнь міра. Мы спокойно закрываемъ глаза и не хотимъ видѣть вѣчную сущность вещей, а присматриваемся только къ кажущемуся, мнимому виду ихъ.

Мы спокойно считаемъ вселенную за великую, непонятную случайность; судя по внѣшнему виду, она довольно ясно представляется намъ громаднымъ загономъ для скота или рабочимъ домомъ, обширными кухнями съ обѣденными столами, за которыми находятъ себѣ мѣсто только благоразумные люди.

Да, у насъ нѣтъ Бога! Законы Бога замѣнены принципомъ возможно большей выгоды.

Карлейль.

3. Богъ далъ духъ Свой, разумъ, чтобы служить Ему; а мы этотъ духъ употребляемъ на служеніе себѣ.

4. „Остерегайтесь книжниковъ, которые любятъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и любятъ привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, предсѣданія въ синагогахъ и предвозлежанія на пиршествахъ, которые поѣдаютъ домы вдовъ и лицемѣрно долго молятся; они примутъ тѣмъ большее осужденіе“.

Луки XX, 46—47.

5. „А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы —братья; и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ".

Мѳ. XXIII, 8—10.

6. Безъ чистоты души зачѣмъ поклоняться Богу? Зачѣмъ говорить: я пойду въ Бенаресъ? Какимъ образомъ достигнетъ истиннаго Бенареса тотъ, кто дѣлалъ зло?

Святость не въ лѣсахъ, не на небѣ, не на землѣ, не въ священныхъ рѣкахъ. Очисти себя, и ты увидишь Его. Преврати твое тѣло въ храмъ, откинь дурныя мысли и созерцай Бога внутреннимъ окомъ. Когда мы познаемъ Его, мы познаемъ себя. Безъ личнаго опыта одно писаніе не уничтожитъ нашихъ страховъ, —такъ же, какъ темнота не разгоняется написаннымъ огнемъ. Какая бы ни была твоя вѣра и твои молитвы, пока въ тебѣ нѣтъ правды, ты не достигнешь пути блага. Тотъ, кто познаетъ истину, тотъ родится снова.

Источникъ истиннаго блага—сердце; безуменъ тотъ, кто ищетъ блага въ иномъ мѣстѣ. Онъ подобенъ пастуху, который ищетъ ягненка, который у него за пазухой.

Зачѣмъ вы собираете камни и строите великіе храмы? Зачѣмъ мучите себя такъ, тогда какъ Богъ постоянно живетъ внутри васъ?

Дворная собака лучше, чѣмъ безжизненный идолъ въ домѣ, и лучше, чѣмъ всѣ полубоги, великій Богъ міра.

Тотъ свѣтъ, который, какъ утренняя звѣзда, живетъ внутри сердца каждаго человѣка, этотъ свѣтъ наше прибѣжище.

Вемана.

7. Какъ удивительно то, что міръ терпитъ и воспринимаетъ изъ высшихъ откровеній истины только самыя древнія и теперь уже несвоевременныя, но всякое прямое откровеніе, всякую самобытную мысль онъ считаетъ ничтожною, иногда прямо ненавидитъ!

Торо.

8. Религіозное сознаніе человѣчества не неподвижно, а не переставая измѣняется, болѣе и болѣе уясняясь и очищаясь.

9. Исправленіе существующаго зла жизни не можетъ начаться ни съ чего другого, какъ только съ обличенія религіозной лжи и установленія религіозной истины въ себѣ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

V.

Разумное начало въ человѣкѣ.

1. Что такое разумъ? Что бы мы ни опредѣляли, мы опредѣляемъ всегда только разумомъ. И потому, чѣмъ же будемъ опредѣлять разумъ?

Если мы все опредѣляли разумомъ, то разумъ по этому самому мы опредѣлять и не можемъ. Но мы всѣ не только знаемъ разумъ, но только одного его знаемъ несомнѣнно и знаемъ одинаково.

2. Достоинство человѣка—въ томъ духовномъ началѣ, которое называется иногда разумомъ, иногда совѣстью. Начало это, поднимаясь выше мѣстнаго и временнаго, содержитъ несомнѣнную истину и вѣчную правду. Въ средѣ несовершеннаго оно видитъ совершенство. Начало это всеобще, безпристрастно и всегда въ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что пристрастно и себялюбиво въ человѣческой природѣ. Это начало властно говоритъ каждому изъ насъ, что ближній нашъ столь же драгоцѣненъ, какъ и мы, и что его права столь же священны, какъ и наши. Оно велитъ намъ воспринимать истину, какъ бы она ни про-

тивна была нашей гордости, и быть справедливымъ, какъ бы это ни было невыгодно намъ. Оно же, это начало, призываетъ насъ къ тому, чтобы любовно радоваться всему тому, что прекрасно, свято и счастливо, въ комъ бы мы ни встрѣтили эти свойства. Начало это есть лучъ божества въ человѣкѣ.

Чаннингъ.

3. Все, что мы знаемъ, мы знаемъ черезъ разумъ. И потому не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, что не надо слѣдовать разуму. Тѣ, которые говорятъ такъ, подобны людямъ, которые совѣтовали бы затушить свѣтъ единственнаго фонаря, руководящаго нами во мракѣ.

4. Мы должны довѣрять своему разуму. Это —правда, которую не надо и не должно скрывать. Вѣра въ силу разума лежитъ въ основаніи всякой другой вѣры. Нельзя вѣрить въ Бога, если мы умаляемъ значеніе той способности, посредствомъ которой мы познаемъ Бога. Разумъ есть та самая способность, къ которой только и обращено откровеніе. Только разумомъ откровеніе можетъ быть понято. Если послѣ добросовѣстнаго и безпристрастнаго использованія нашихъ лучшихъ способностей извѣстное вѣроученіе кажется

намъ противорѣчивымъ и несогласнымъ съ главными принципами, въ которыхъ мы не сомнѣваемся, мы несомнѣнно должны воздержаться отъ вѣры въ это ученіе. Я болѣе убѣжденъ въ томъ, что моя разумная природа отъ Бога, чѣмъ въ томъ, что какая-либо книга есть выраженіе Его воли.

Чаннингъ.

5. Разумъ открываетъ человѣку смыслъ и значеніе его жизни.

6. Разумъ данъ не на то, чтобы научить человѣка любить Бога и ближняго. Это вложено помимо разума въ сердце человѣка. Разумъ данъ человѣку на то, чтобы указать ему, что ложь и что истина. А стоитъ человѣку откинуть ложь, и онъ научится всему тому, что ему нужно.

7. Заблужденія и несогласія людей въ дѣлѣ исканія и признанія истины происходятъ не отъ чего иного, какъ отъ ихъ недовѣрія къ разуму; вслѣдствіе этого жизнь человѣческая, руководимая обычаями, преданіями, модами, суевѣріями, предразсудками, насиліемъ и всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ разума, течетъ сама по себѣ, а разумъ существуетъ самъ по себѣ.

Часто бываетъ и то, что если мышленіе и примѣняется къ чему-нибудь, то не къ дѣлу исканія и распространенія истины, а къ тому, чтобы во что бы то ни стало оправдать и поддержать обычаи, преданія, моды, суевѣрія, предразсудки.

Заблужденіе и несогласія людей въ дѣлѣ признанія единой истины—не отъ того, что разумъ у людей не одинъ или не можетъ показать имъ единую истину, а отъ того, что они не вѣрятъ въ него.

Если бы они повѣрили въ свой разумъ, то нашли бы способъ свѣрять показанія разума въ себѣ съ показаніями его въ другихъ. А нашедши этотъ способъ взаимной провѣрки, убѣдились бы, что разумъ одинъ во всѣхъ, и подчинились бы его велѣніямъ.

Θ. Страховъ.

8. Разумъ одинъ во всѣхъ людяхъ. Общеніе людей, воздѣйствіе ихъ другъ на друга, основано на разумѣ. Для каждаго человѣка обязательно требованіе единаго во всѣхъ разума.

9. Насколько человѣкъ правдивъ, настолько онъ божественень; неуязвимость, безсмертіе, величіе божественности входятъ въ человѣка вмѣстѣ съ его правдивостью.

Эмерсонъ.

10. Помни, что разумѣніе твое, имѣя свойство жизни въ самомъ себѣ, дѣлаетъ тебя свободнымъ, если ты не подгибаешь его служенію плоти. Душа человѣка, просвѣщенная разумѣніемъ, свободная отъ страстей, затемняющихъ этотъ свѣтъ, есть настоящая твердыня, и нѣтъ прибѣжища для человѣка, которое было бы вѣрнѣе и неприступнѣе для зла. Кто не знаетъ этого, тотъ слѣпъ, а кто, зная, не вѣритъ разуму, тотъ истинно несчастенъ.

Маркъ Аврелій.

11. Одна изъ главныхъ обязанностей человѣка состоитъ въ томъ, чтобы заставить свѣтить во всю силу то свѣтлое начало разума, которое мы получаемъ отъ Неба.

Китайская мудрость.

12. Я прославляю христіанство потому, что оно расширяетъ, усиливаетъ и возвышаетъ мою разумную природу. Если бы я не могъ оставаться разумнымъ, будучи христіаниномъ, то я отказался бы отъ христіанства. Я чувствую себя обязаннымъ пожертвовать ради христіанства собственностью, славой, жизнью, но ни для какой религіи я не могу жертвовать тѣмъ разумомъ, который возвышаетъ меня надъ животнымъ и дѣлаетъ меня чело-

вѣкомъ. Я не знаю большаго святотатства, какъ отреченіе отъ высшей способности, полученной отъ Бога. Поступая такъ, мы умышленно противимся тому божественному началу, которое живетъ въ насъ. Разумъ есть высшее выраженіе нашей мыслящей природы. Онъ соотвѣтствуетъ единству Бога и вселенной и стремится сдѣлать душу отраженіемъ, зеркаломъ высшаго единства.

Чаннингъ.

13. Человѣкъ, который не зналъ бы, что глаза могутъ видѣть, и который никогда не раскрывалъ бы ихъ, былъ бы очень жалокъ. Но еще болѣе жалокъ тотъ человѣкъ, который не понимаетъ, что ему данъ разумъ для того, чтобы спокойно переносить всякія непріятности. Съ помощью разума мы можемъ справиться со всѣми непріятностями. Непереносимыхъ непріятностей разумный человѣкъ не встрѣтитъ въ жизни: для него ихъ нѣтъ. А между тѣмъ, какъ часто, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ глаза какой-нибудь непріятности, мы малодушно стараемся увернуться отъ нея. Не лучше ли радоваться тому, что Богъ далъ намъ власть не огорчаться тѣмъ, что съ нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Онъ подчинилъ

нашу душу только тому, что отъ насъ самихъ зависитъ? Онъ вѣдь не подчинилъ нашей души ни родителямъ нашимъ, ни братьямъ, ни богатству, ни тѣлу нашему, ни смерти. Онъ, по благости Своей, подчинилъ ее одному тому, что отъ насъ зависитъ,—разумѣнію нашему.

Эпиктетъ.

14. Разумъ данъ намъ Богомъ для служенія Ему. И потому надо соблюдать его во всей чистотѣ, такъ, чтобы онъ могъ всегда отличать истину отъ лжи.

15. Свободенъ человѣкъ только тогда, когда онъ въ истинѣ.

Истина же открывается разумомъ.

VI.

Разумъ провѣряетъ положенія вѣры.

1. Когда человѣкъ употребляетъ свой разумъ на разрѣшеніе вопросовъ о томъ, зачѣмъ существуетъ міръ и зачѣмъ онъ самъ живетъ въ этомъ мірѣ, съ человѣкомъ дѣлается что-

то въ родѣ дурноты, головокруженія. Умъ человѣка не можетъ придумать отвѣты на эти вопросы. Что же это значитъ? А то, что разумъ человѣку не данъ на то, чтобы отвѣчать на эти вопросы, и что самое задаваніе такихъ вопросовъ означаетъ заблужденіе разума. Разумъ рѣшаетъ только вопросъ: "какъ жить?" И отвѣтъ ясенъ: „жить такъ, чтобы было хорошо и мнѣ и всѣмъ людямъ. Это нужно всему живущему и мнѣ. И возможность этого дана всему живущему, дана и мнѣ черезъ данный мнѣ разумъ". И это рѣшеніе исключаетъ всѣ вопросы: отчего и зачѣмъ?

2. „Что, развѣ мы не правы? Надо же держать народъ въ обманѣ: посмотри-ка, какъ онъ неразвитъ и дикъ!"

Нѣтъ, неразвитъ и дикъ онъ потому, что онъ грубо обманутъ.

И потому прежде всего перестаньте грубо обманывать его.

3. Если Богъ, какъ предметъ нашей вѣры, выше нашего разумѣнія и мы не можемъ обнять Его разумомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ того, что мы должны пренебрегать дѣятельностью разума, считая ее вредною.

Хотя предметы вѣры, безъ всякаго сомнѣнія, находятся внѣ круга нашего разумѣнія, выше его, однако разумъ и по отношенію къ нимъ имѣетъ такое важное значеніе, что мы безъ него обойтись никакъ не можемъ. Онъ исполняетъ какъ бы назначеніе цензора, который, допуская изъ области вѣры выше разума стоящую, то-есть метафизическую истину, отрицаетъ всякую мнимую истину, которая противорѣчитъ разуму.

Но кромѣ этого положительнаго дѣла, разуму свойственно и отрицательное дѣло освобожденіе человѣка отъ грѣховъ, соблазновъ (оправданій грѣховъ) и суевѣрій.

Θ. Страховъ.

4. Будь свѣтильникомъ для самого себя. Будь убѣжищемъ для себя. Держись свѣта твоего свѣтильника и не ищи другого прибѣжища.

Буддійская Сутта.

5. „Доколѣ свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта“ (Ін. XII, 36).

Не подавлять свой разумъ, какъ этому учатъ ложные учителя, нужно для того, чтобы сознать истинную религію, а очищать, напрягать его, провѣрять имъ все, что предлагается.

6. Если ты хочешь достигнуть познанія всеобъемлющаго „я“, то ты долженъ прежде всего узнать самого себя. Для того же, чтобы познать самого себя, ты долженъ пожертвовать своимъ „я“ всемірному „я“. Жертвуй своей жизнью, если ты хочешь жить въ духѣ. Удаляй свои мысли отъ внѣшнихъ вещей и всего, что представляется извнѣ. Старайся удалять отъ себя возникающіе образы, съ тѣмъ, чтобы они не кидали темной тѣни на твою душу.

Твои тѣни живутъ и исчезаютъ. То, что въ тебѣ вѣчно, то, что разумѣетъ, принадлежитъ не къ преходящей жизни. Это вѣчное есть въ тебѣ, перенесись въ него, и оно откроетъ тебѣ все то, что ложно, и все то, что истинно, и все то, что тебѣ нужно знать.

Браминская мудрость.

ЗЛО.

З Л О.

Мы называемъ зломъ все то, что нарушаетъ благо нашей тѣлесной жизни. А между тѣмъ вся жизнь наша есть только постепеннос освобожденіе души отъ того, что составляетъ благо тѣла. И потому для того, кто понимаетъ жизнь такою, какая она дѣйствительно есть, нѣтъ зла.

I.

То, что мы называемъ страданіями, есть необходимое условіе жизни.

1. Благо для человѣка переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечетъ его въ священное уединеніе его сердца, гдѣ онъ

находитъ себя какъ бы изгнанникомъ изъ своей родной земли и обязаннымъ не довѣряться никакимъ мірскимъ радостямъ. Благо для него также встрѣчать противорѣчія и упреки, когда о немъ дурно думаютъ, говорятъ, хотя бы намѣренія его были чистыми и поступки правильны, ибо такой образъ дѣйствій держитъ его въ смиреніи и является противоядіемъ пустой славѣ. Благо же это главнымъ образомъ потому, что мы можемъ бесѣдовать съ свидѣтелемъ внутри насъ, который есть Богъ, бесѣдовать тогда, когда насъ въ міру презираютъ, не уважаютъ и лишаютъ любви.

Фома Кемпійскій.

2. Когда Францискъ Ассизскій подъ холоднымъ дождемъ и вѣтромъ возвращался съ своимъ ученикомъ изъ Перузы въ Порціонкуль, онъ говорилъ своему ученику о томъ, въ чемъ надо полагать радость совершенную. Радость совершенная, говорилъ онъ, не въ томъ, чтобы быть восхваляемымъ людьми за свою добродѣтель, не въ томъ, чтобы имѣть даръ исцѣленія больныхъ, возвращенія слуха глухимъ, зрѣнія слѣпымъ, не въ томъ, чтобы предвидѣть и предсказывать будущее,

не въ томъ, чтобъ постигать теченіе звѣздъ и свойства всѣхъ растеній и животныхъ, и не въ томъ даже, чтобъ привести всѣхъ людей къ истинной вѣрѣ. „Въ чемъ же радость совершенная?“ спросилъ ученикъ. „А въ томъ, отвѣчалъ Францискъ, что вотъ когда мы придемъ къ монастырю мокрые, грязные, холодные и голодные и постучимъ къ привратнику и онъ спроситъ: кто вы? и мы скажемъ, что мы братья его, и онъ на это скажетъ намъ: лжете, вы—бродяги. Только шатаетесь по свѣту, соблазняете людей, крадете милостыню. Убирайтесь отсюда, не пущу васъ. —И вотъ, если тогда мы, окоченѣлые, холодные, голодные, со смиреніемъ и любовью примемъ слова эти и скажемъ себѣ, что онъ правъ, и что, видно, Богъ внушилъ ему такое обращеніе съ нами, тогда только, тогда мы познаемъ радость совершенную“.

Только принимай всякій трудъ и всякую обиду съ любовью къ тому, кто накладываетъ трудъ и дѣлаетъ обиду, и всякій трудъ и всякая обида превращаются въ радость. И радость эта совершенная, потому что всякая другая радость можетъ быть уничтожена, эта же радость ничѣмъ не можетъ быть уничтожена, потому что она всегда въ нашей власти.

3. Если бы какое-нибудь божество предложило намъ, людямъ, совершенно убрать изъ нашей жизни всякую горесть со всѣми поводами къ ней, то на первый разъ мы впали бы навѣрное въ великое искушеніе принять предложеніе. Когда давитъ тяжелая работа и нужда, когда боль сверлитъ, когда тревога сжимаетъ сердце, то чувство у насъ такое, что не можетъ быть ничего лучше жизни безъ труда, въ покоѣ, обезпеченности, достаткѣ и мирѣ. Но я думаю, что, испытавши такую жизнь, мы скоро попросили бы это божество вернуть намъ нашу прежнюю жизнь со всѣми ея трудами, нуждой, горестями и опасеніями. Жизнь совершенно безъ горестей и страховъ скоро показалась бы намъ не только не интересной, но и несносной. Вѣдь вмѣстѣ съ причинами горестей изъ жизни исчезли бы и всѣ опасности и препятствія и неудачи, а съ ними и напряженіе силъ, и рвеніе, и возбужденіе отъ риска, и напряженіе въ борьбѣ, и ликованіе при побѣдѣ. Осталось бы только безпрепятственное исполненіе замысла, удача безъ противодѣйствія. Намъ скоро надоѣло бы это, какъ игра, въ которой мы напередъ знаемъ, что всякій разъ выиграемъ.

Фр. Паульсенъ.

II.

Страданія вызываютъ въ человѣкѣ духовную жизнь.

1. Человѣкъ—это духъ Божій въ тѣлѣ.

Въ началѣ жизни человѣкъ не знаетъ этого и думаетъ, что жизнь его въ его тѣлѣ. Но чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ больше онъ узнаетъ, что настоящая его жизнь—въ духѣ, а не въ тѣлѣ. Вся жизнь человѣка въ томъ, чтобы все больше и больше узнавать это. Знаніе же дается намъ легче и вѣрнѣе всего страданіями тѣла, такъ что именно страданія тѣла дѣлаютъ жизнь нашу такою, какою она должна быть: духовною.

2. Ростъ физическій,—это только приготовленіе запасовъ для роста духовнаго, который начинается при увяданіи тѣла.

3. Человѣкъ живетъ для тѣла и говоритъ: все скверно; человѣкъ живетъ для души и говоритъ: неправда, все прекрасно. То, что ты называешь сквернымъ, это то самое точило, безъ котораго затупилось, заржавѣло бы самое дорогое, что есть во мнѣ: моя душа.

4. Всѣ бѣдствія—и всего человѣчества и отдѣльныхъ людей—ведутъ человѣчество и людей, хотя и окольнымъ путемъ, все къ той же одной цѣли, которая поставлена людямъ: къ все большему и большему проявленію духовнаго начала какъ каждымъ человѣкомъ въ себѣ, такъ и во всемъ человѣчествѣ.

5. „Ибо Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца; воля же пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить“, сказано у Іоанна (VI, 38—39), то-есть сохранить, возрастить въ себѣ, довести до высшей возможной степени ту искру божественности, которая дана, поручена мнѣ, какъ дитя нянькѣ. Что же нужно для того, чтобы исполнить это? Не удовлетвореніе похоти, не людская слава, не спокойная жизнь, а, напротивъ, воздержаніе, смиреніе, трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, то самое, что сказано много разъ въ Евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, то и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и въ малыхъ, и въ большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принимать это какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а

не какъ нѣчто досадное, нарушающее то наше животное существованіе, которое мы считаемъ жизнью и усиленіе котораго считаемъ благомъ!

6. „Если бы человѣкъ и могъ не бояться смерти и не думать о ней,—однихъ страданій, ужасныхъ, безцѣльныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ и никогда не отвратимыхъ страданій, которымъ онъ подвергается, было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякій разумный смыслъ, приписываемый жизни“, говорятъ люди.

Я занятъ добрымъ, несомнѣнно полезнымъ для другихъ дѣломъ, и вдругъ меня схватываетъ болѣзнь, обрываетъ мое дѣло и томитъ и мучитъ безъ всякаго толка и смысла. Перержавѣлъ винтъ въ рельсахъ, и нужно, чтобы въ тотъ самый день, когда онъ выскочилъ, въ этомъ поѣздѣ, въ этомъ вагонѣ ѣхала добрая женщина-мать, и нужно, чтобы раздавило на ея глазахъ ея дѣтей. Проваливается отъ землетрясенія именно то мѣсто, на которомъ стоитъ Лиссабонъ или Вѣрный, и зарываются живыми въ землю и умираютъ въ страшныхъ страданіяхъ ничѣмъ невиноватые люди. Зачѣмъ, за что эти и тысячи другихъ безсмысленныхъ, ужасныхъ случайностей, страданій, поражающихъ людей? Какой это имѣ-

етъ смыслъ?

Отвѣтъ на это тотъ, что разсужденія эти совершенно справедливы для людей, не признающихъ духовной жизни. И для такихъ людей жизнь человѣческая дѣйствительно не имѣетъ никакого значенія. Но дѣло въ томъ, что жизнь людей, не признающихъ духовной жизни, не можетъ не быть безсмысленна и бѣдственна. Вѣдь если бы только люди, не признающіе духовной жизни, дѣлали тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ одного тѣлеснаго міросозерцанія, то люди, понимающіе свою жизнь только какъ личное, тѣлесное существованіе, ни минуты не оставались бы жить. Вѣдь ни одинъ работникъ не сталъ бы жить у хозяина, который, нанимая работника, выговорилъ бы себѣ право всякій разъ, какъ это ему вздумается, жарить этого работника живымъ на медленномъ огнѣ, или съ живого сдирать кожу, или вытягивать жилы и вообще дѣлать всѣ ужасы, которые онъ на глазахъ нанимающагося, безъ всякаго объясненія и причины, продѣлываетъ надъ своими работниками. Если бы люди дѣйствительно вполнѣ понимали жизнь такъ, какъ они говорятъ, что понимаютъ ее, то-есть только какъ тѣлесное существованіе, то ни одинъ отъ одного страха всѣхъ тѣхъ мучительныхъ и

ничѣмъ необъяснимыхъ страданій, которыя онъ видитъ вокругъ себя и которымъ онъ можетъ подпасть всякую секунду, не остался бы жить на свѣтѣ.

А люди живутъ, жалуются, плачутся на страданія и продолжаютъ жить.

Объясненія этого страннаго противорѣчія только одно: люди всѣ въ глубинѣ души знаютъ, что жизнь ихъ не въ тѣлѣ, а въ духѣ, и что всякія страданія всегда нужны, необходимы для блага духовной жизни. Когда люди, не видя смысла въ человѣческой жизни, возмущаются противъ страданій, но все-таки продолжаютъ жить, то происходитъ это только оттого, что они умомъ утверждаютъ тѣлесность жизни, въ глубинѣ же души знаютъ, что она духовна и что никакія страданія не могутъ лишить человѣка его истиннаго блага.

III.

Страданія научаютъ человѣка разумному отношенію къ жизни.

1. Все то, что мы называемъ зломъ, всякое горе, если только мы признаемъ его,

какъ должно, улучшаетъ нашу душу. А въ этомъ улучшеніи все дѣло жизни.

„Истинно, истинно говорю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ“ (Іоан. XVI, 20—21).

2. Страданія жизни неразумной приводятъ къ сознанію необходимости разумной жизни.

3. Какъ только мракъ ночи открываетъ небесныя свѣтила, такъ только страданія открываютъ истинное значеніе жизни.

Торо.

4. Внѣшнія препятствія не дѣлаютъ вреда человѣку сильному духомъ, ибо вредъ есть все то, что обезображиваетъ или ослабляетъ, —какъ бываетъ съ животными, которыхъ препятствія или озлобляютъ или ослабляютъ; человѣку же, встрѣчающему ихъ съ тою силою духа, которая ему дана, всякое препятствіе только прибавляетъ нравственной красоты и силы.

Маркъ Аврелій.

5. Тотъ, кто молодъ и мало испыталъ, не знаетъ того, что узнаютъ старые люди опытомъ,—не знаетъ того, что все, что намъ непріятно, тяжело, что все, что называется горемъ, все это настоящее добро, что все это только испытаніе, провѣрка того, насколько мы тверды въ томъ, что знаемъ и исповѣдуемъ. А если мы не тверды, то эти испытанія нужны намъ для того, чтобы сдѣлать насъ твердыми.

6. Только испытавъ страданія, узналъ я близкое сродство человѣческихъ душъ между собою. Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны. Этого мало,—самый умъ проясняется: дотолѣ скрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, что кому потребно. Великъ Богъ, насъ умудряющій. И чѣмъ же умудряющій? Тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ скрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не пріобрѣтаемой въ книгахъ.

Гоголь.

7. Если бы Богъ давалъ намъ такихъ наставниковъ, о которыхъ мы знали бы досто-

вѣрно, что они посланы Самимъ Богомъ, то мы вѣдь повиновались бы имъ свободно и радостно.

Мы и имѣемъ такихъ наставниковъ: это нужда и вообще всѣ несчастные случаи жизни.

Паскаль.

8. Всякому созданію полезно не только все то, что посылается ему Провидѣніемъ, но и въ то самое время, когда оно посылается.

Маркъ Аврелій.

9. Человѣкъ, не сознающій благодѣтельности страданій, еще не начиналъ жить разумной, то-есть истинной, жизнью.

10. Я молюсь Богу о томъ, чтобы Онъ избавилъ меня отъ того страданія, которое меня мучитъ. А страданіе это послано мнѣ Богомъ для того, чтобы избавить меня отъ зла. Хозяинъ стегаетъ кнутомъ скотину, чтобы выгнать ее изъ горящаго двора и спасти ее, а скотина молится о томъ, чтобы ея не стегали.

11. То, что мы считаемъ для себя зломъ, есть большею частью непонятое еще нами добро.

IV.

Болѣзни не препятствуютъ, а способствуютъ истинной жизни.

1. Жизнь только въ томъ, чтобы изъ своего животнаго дѣлать все болѣе и болѣе духовное. А для этого нужно то, что мы называемъ зломъ. Только на томъ, что мы называемъ зломъ, на горестяхъ, болѣзняхъ, страданіяхъ мы учимся передѣлывать свое животное я въ духовное.

Изъ одного того, что мы всѣ знаемъ, какъ слабы и часто плохи бываютъ люди, которымъ въ жизни все удается, которые всегда здоровы, богаты, не знаютъ обидъ и униженій, видно, какъ необходимо нужны человѣку испытанія. А мы жалуемся, когда намъ приходится переносить ихъ.

2. Мы говоримъ, что страданія — зло, а если бы не было страданій, человѣкъ не зналъ бы, гдѣ кончается онъ и гдѣ начинается то, что не онъ.

3. Когда мы чувствуемъ себя всего слабѣе тѣломъ, мы можемъ быть всего сильнѣе духомъ.

Люси Малори.

4. Нѣтъ такой болѣзни, которая мѣшала бы исполнять долгъ человѣка. Не можешь служить людямъ трудами, служи примѣромъ любовнаго терпѣнія.

5. Болѣзнь нападаетъ на всякаго человѣка, и ему надо стараться не о томъ, какъ вылѣчить себя отъ болѣзни, а какъ наилучшимъ образомъ прожить въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится.

6. Есть разсказъ о томъ, что человѣкъ за грѣхи былъ наказанъ тѣмъ, что не могъ умереть. Можно смѣло сказать, что если бы человѣкъ былъ наказанъ тѣмъ, что не могъ бы страдать, то наказаніе это было бы такое же тяжелое.

7. Нехорошо скрывать отъ больного то, что онъ можетъ умереть отъ своей болѣзни. Надо, напротивъ, напоминать ему объ этомъ. Скрывая это отъ него, мы лишаемъ его того блага, которое даетъ ему болѣзнь, вызывая въ немъ сознаніемъ близости смерти усиленіе сознанія духовной жизни.

8. Огонь и разрушаетъ и грѣетъ. Такъ же и болѣзнь. Когда здоровый стараешься жить

хорошо, то дѣлаешь это съ усиліемъ. Въ болѣзни же сразу облегчается вся эта тяжесть мірскихъ соблазновъ, и сразу дѣлается легко, и становится даже страшно думать, какъ это знаешь по опыту, что какъ только пройдетъ болѣзнь, тяжесть эта со всей силой опять наляжетъ на тебя.

9. Чѣмъ хуже становится человѣку тѣлесно, тѣмъ лучше ему становится духовно. И потому человѣку не можетъ быть дурно. Духовное и тѣлесное—это какъ два конца коромысла вѣсовъ: чѣмъ тяжелѣе тѣлесное, тѣмъ выше поднимается конецъ духовный, тѣмъ лучше душѣ, и наоборотъ.

10. „Дряхлость, впаденіе въ дѣтство есть уничтоженіе сознанія и жизни человѣка“, говорятъ люди.

Я представляю себѣ, по преданію, Іоанна Богослова, впавшаго отъ старости въ дѣтство. Онъ, по преданію, говорилъ только: братья, любите другъ друга!

Чуть двигающійся столѣтній старичокъ, съ слезящимися глазами, шамкаетъ только одни и одни три слова: любите другъ друга! Въ такомъ человѣкѣ существованіе животное чуть брезжится, оно все съѣдено новымъ отноше-

ніемъ къ міру, новымъ живымъ существомъ, не умѣщающимся уже въ существованіе плотскаго человѣка.

Для человѣка, понимающаго жизнь въ томъ, въ чемъ она дѣйствительно есть, говорить объ умаленіи своей жизни при болѣзняхъ и старости и сокрушаться объ этомъ, все равно, что человѣку, подходящему къ свѣту, сокрушаться объ уменьшеніи своей тѣни по мѣрѣ приближенія къ свѣту.

V.

То, что мы называемъ зломъ, это наши ошибки.

1. Если съ нами случается непріятное, то мы чаще всего обвиняемъ въ этомъ другихъ или судьбу. А не думаемъ того, что если люди или судьба могутъ сдѣлать намъ что-нибудь дурное, то это значитъ, что что-нибудь въ насъ не въ порядкѣ. Тому, кто живетъ для души, никто и ничто не можетъ слѣлать ничего худого: и гоненія, и обиды, и бѣдность, и болѣзни ничто для такого че-

ловѣка.

По Эпиктету.

2. Особенно мучительно переноситъ страданія тотъ человѣкъ, который, отдѣливъ себя отъ жизни міра, не видитъ тѣхъ своихъ грѣховъ, которыми онъ вносилъ страданія въ міръ, и потому считаетъ себя не виноватымъ.

3. Зло только внутри насъ, то-есть тамъ, откуда его можно вынуть.

4. Часто поверхностный человѣкъ, задумываясь надъ несчастіями, которыя такъ сильно угнетаютъ человѣческій родъ, теряетъ надежду на возможность улучшенія жизни и испытываетъ недовольство Провидѣніемъ, управляющимъ міровымъ порядкомъ. Въ этомъ большая ошибка. Быть довольнымъ Провидѣніемъ (хотя бы оно предназначило намъ сейчасъ въ нашей земной жизни самый трудный путь) въ высшей степени важно и для того, чтобы не терять среди тягостной жизни мужества, и, главное, для того, чтобы, не сваливая вину на судьбу, не упускать изъ виду нашей собственной вины, которая и есть единственная причина всѣхъ золъ.

По Канту.

5. Безнадежно положеніе того, кто въ своихъ невзгодахъ упрекаетъ не себя, а судьбу, утверждая этимъ свое самодовольство.

„Мы были бы добры и кротки, если бы насъ не раздражали; мы были бы набожны, если бы не были такъ заняты. Я былъ бы терпѣливъ, если бы былъ здоровъ; я бы удивилъ міръ, если бы я имѣлъ извѣстность“.

Если мы не можемъ сдѣлать добрымъ, святымъ то положеніе, въ которомъ мы находимся, то мы никакое положеніе не сдѣлаемъ добрымъ и святымъ.

Затрудненія нашего положенія даны намъ для того, чтобы мы сгладили, уничтожили ихъ своей добротой и твердостью; мрачность нашего положенія дана намъ для того, чтобы мы освѣтили ее божественнымъ свѣтомъ внутренней духовной работы; горести—для того, чтобы мы терпѣливо и довѣрчиво переносили ихъ; опасности—для того, чтобы мы проявили наше мужество; искушенія—для того, чтобы мы побѣдили ихъ нашей вѣрой.

Мартино.

6. Человѣкъ можетъ избѣжать тѣхъ несчастій, которыя посылаются ему Богомъ, но отъ тѣхъ несчастій, которыя онъ самъ себѣ дѣлаетъ дурной жизнью, нѣтъ спасенія.

VI.

Сознаніе благотворности страданій уничтожаетъ ихъ тяжесть.

1. Что дѣлать, когда все насъ оставляетъ: здоровье, радость, привязанность, свѣжесть чувства, память, способность къ труду, когда намъ кажется, что солнце холодѣетъ, а жизнь какъ будто теряетъ всѣ свои прелести? Какъ быть, когда нѣтъ никакой надежды? Одурманиваться или каменѣть? Отвѣтъ всегда одинъ: жить духовной жизнью, не переставая расти. Будь, что будетъ, если чувствуешь спокойствіе совѣсти, если чувствуешь, что дѣлаешь то, чего требуетъ отъ тебя твоя духовная сущность. Будь тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть,—остальное дѣло Божіе. И если бы даже не было Бога, святого и добраго, жизнь духовная была бы все-таки разгадкой тайны и полярной звѣздой для движущагося человѣчества, потому что она одна даетъ истинное благо.

Аміель.

2. Ищи въ страданіяхъ значенія ихъ для твоего душевнаго роста, и уничтожится горесть страданія.

3. Только знай и вѣрь, что все, что случается съ тобой, ведетъ тебя къ твоему истинному духовному благу, и ты будешь встрѣчать болѣзни, бѣдность, позоръ,—все то, что считается людьми бѣдствіями,—не какъ бѣдствія, а какъ то, что нужно для твоего блага, какъ земледѣлецъ принимаетъ нужный для его поля дождь, измочившій его, какъ больной принимаетъ горькое лѣкарство.

4. Вспомни, что отличительное свойство разумнаго существа есть свободное подчиненіе своей судьбѣ, а не постыдная борьба съ нею, свойственная животнымъ.

Маркъ Аврелій.

5. То самое, что огорчаетъ насъ и кажется намъ тѣмъ, что мѣшаетъ намъ исполнить наше дѣло жизни, то самое и есть наше дѣло жизни. Тебя мучатъ бѣдность, болѣзнь, клевета, униженіе. Стоитъ тебѣ только пожалѣть себя, и ты почувствуешь себя несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ. Но стоитъ только понять то, что дѣло жизни, которое ты призванъ дѣлать, состоитъ именно въ томъ, чтобы въ бѣдности, болѣзни, униженіи прожить наилучшимъ образомъ, и тотчасъ же вмѣсто унынія и отчаянія ты почувствуешь бодрость и увѣренность.

6. У каждаго свой крестъ, свое иго, не въ смыслѣ тягости, а въ смыслѣ назначенія жизни, и если мы смотримъ на крестъ не какъ на тягость, а какъ на назначеніе жизни, то намъ легко его нести; намъ легко нести его, когда мы кротки, покорны, смиренны сердцемъ. А еще легче, когда мы отрекаемся отъ себя; а еще легче, когда мы несемъ крестъ этотъ на каждый часъ, какъ учитъ Христосъ; а еще и еще легче, если мы забываемъ себя въ работѣ духовной, какъ люди забываютъ себя въ работахъ мірскихъ. Крестъ, посланный намъ, это то, надъ чѣмъ намъ надо работать. Вся жизнь наша эта работа. Если крестъ — болѣзнь, то нести ее съ покорностью; если обида отъ людей, то умѣть воздавать добромъ за зло; если униженіе, то смириться; если смерть, то съ благодарностью принять ее.

7. Чѣмъ больше отталкиваешь свой крестъ, тѣмъ онъ становится тяжелѣе.

Аміель.

8. Несомнѣнно важнѣе, какъ принимаетъ человѣкъ судьбу, нежели какова она на самомъ дѣлѣ.

Гумбольдтъ.

9. Никакое горе такъ не велико, какъ страхъ передъ нимъ.

Гокке.

10. Вмѣсто того, чтобы везти, когда она запряжена, норовистая лошадь изобьется, измучится, ей исхлещутъ бока, а она все-таки повезетъ. То же бываетъ и съ человѣкомъ, если онъ не хочетъ нести горести, какъ испытанія, а считаетъ ихъ ненужнымъ зломъ и кобенится противъ нихъ.

11. Если у тебя есть врагъ и ты сумѣешь воспользоваться имъ такъ, чтобы выучиться на немъ любить враговъ, такъ то самое, что ты считаешь зломъ, сдѣлается для тебя великимъ благомъ.

12. Болѣзнь, лишеніе члена, жестокое разочарованіе, потеря имущества, потеря друзей кажутся въ первое время невозвратимой потерей. Но года проявляютъ глубокую врачебную силу, которая лежитъ въ этихъ потеряхъ.

Эмерсонъ.

13. Когда чувствуешь себя несчастнымъ, вспомни о несчастіяхъ другихъ и о томъ, что могло бы быть еще хуже. Вспомни еще, чѣмъ ты виноватъ былъ прежде и теперь

виноватъ; а самое главное, помни то, что то, что ты называешь несчастіемъ, есть то, что послано тебѣ для твоего испытанія для того, чтобы ты выучился покорно и любовно переносить несчастіе, для того, чтобы ты, благодаря этому несчастію, сталъ лучше. А въ томъ, чтобы становиться лучше, все дѣло твоей жизни.

14. Въ тяжелыя времена болѣзней, потерь и всякихъ горестей нужнѣе, чѣмъ во всякое другое время, молитва,—не просьба объ избавленіи, а признаніе своей зависимости отъ высшей воли. „Не моя воля да будетъ, но Твоя, и не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь, и не такъ, какъ я хочу, а какъ Ты хочешь. Мое же дѣло въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ Ты поставилъ меня исполнять Твою волю“. Въ тяжелыя времена нужнѣе всего помнить, что когда трудно, то это самое трудное и есть то, что задано мнѣ, что это и есть тотъ случай, который не повторится, въ которомъ я могу показать, что я точно хочу дѣлать не свою, а Его волю.

15. Все великое совершается въ человѣчествѣ лишь при условіи страданія. Іисусъ зналъ, что этого надо было ожидать и Ему,

и Онъ все предвидѣлъ: и ненависть тѣхъ, власть которыхъ Онъ пришелъ разрушить, и ихъ тайные заговоры, и ихъ насилія, и неблагодарную измѣну того народа, котораго болѣзнь Онъ излѣчивалъ, питая Его небеснымъ хлѣбомъ Своего слова; Онъ предвидѣлъ и крестъ, и смерть, и оставленіе своими, еще болѣе горестное, чѣмъ самая смерть. И мысль эта не покидаетъ Его, но это ни на минуту не останавливаетъ Его. Если тѣлесная природа Его отталкиваетъ „чашу сію“, воля болѣе сильная принимаетъ ее безъ колебанія. И въ этомъ Онъ даетъ всѣмъ тѣмъ, кто продолжитъ Его дѣло, всѣмъ тѣмъ, кто, какъ Онъ, придетъ трудиться для спасенія людей, для освобожденія ихъ отъ бремени заблужденія и зла,—даетъ имъ примѣръ, который долженъ быть всегда памятенъ. Если люди хотятъ достичь цѣли, къ которой ведетъ Христосъ, надо, чтобы и они шли тѣмъ же путемъ. Только этой цѣной люди служатъ людямъ. Вы хотите, чтобы люди были истинно братьями, вы призываете ихъ къ законамъ ихъ общей природы, вы боретесь противъ всякаго притѣсненія, всякаго беззаконія, всякаго лицемѣрія; вы призываете на землю царство справедливости, долга, правды, любви, —какъ же могутъ тѣ, которыхъ сила основа-

на на противномъ, не подняться противъ васъ! Развѣ они могутъ безъ борьбы оставить васъ разрушать ихъ храмъ и строить другой, не такой, какъ ихъ,—уже не дѣло рукъ человѣческихъ,—но вѣчный храмъ, основы котораго—истина?

Оставьте эту надежду, если когда-либо вы и были такъ легкомысленны, что имѣли ее. Вы выпьете чашу до послѣдней капли. Васъ возьмутъ, какъ воровъ; противъ васъ будутъ искать ложныхъ свидѣтельствъ, а на то, которое вы сами о себѣ дадите, подымется крикъ: онъ богохульствуетъ! И судьи скажутъ: онъ достоинъ смерти. Когда это случится, радуйтесь: это послѣднее знаменіе,—знаменіе того, что вы сдѣлали настоящее, нужное дѣло.

Ламенэ.

VII.

Страданія не могутъ препятствовать исполненію воли Бога.

1. Человѣкъ никогда не бываетъ ближе къ

Богу, какъ когда онъ бываетъ въ бѣдѣ. Пользуйся этимъ, чтобы не потерять этого случая сближенія съ тѣмъ, что одно даетъ неизмѣнное благо.

2. Какъ хороша старинная поговорка о томъ, что Богъ посылаетъ страданія тому, кого любитъ! Для того, кто вѣритъ въ это, страданіе не страданіе, а благо.

3. Разумный, дожившій до глубокой старости человѣкъ, чувствуя, что онъ теперь не можетъ сдѣлать тѣлесными силами и сотой доли того, что онъ дѣлалъ въ 30 лѣтъ, такъ же мало огорчается этимъ, такъ же мало замѣчаетъ это, какъ онъ, будучи 30 лѣтъ, не огорчался и не замѣчалъ того, что онъ уже не можетъ дѣлать того, что дѣлалъ въ дѣтствѣ. Онъ знаетъ одно, что все его здоровое или больное, сильное или чуть двигающееся тѣло, какъ тогда, такъ и теперь, затѣмъ только и существуетъ, чтобы служить Богу. Богу же служить, онъ знаетъ, совершенно одинаково можно, поднимая 12 пудовъ одной рукой или имѣя силу только кивнуть головой. Онъ знаетъ теперь, что только для служенія своему тѣлу нужно больше здоровья, силы, а для служенія Богу не только не нужно тѣлесной

силы, но, напротивъ, слабость тѣла только поощряетъ это служеніе.

Только перенеси человѣкъ смыслъ своей жизни изъ достиженія внѣшнихъ благъ въ служеніе Отцу, и нѣтъ уже для такого человѣка разницы между тѣмъ, что въ мірской жизни называется счастіемъ или несчастіемъ.

4. Только скажи себѣ, что во всемъ, что случается, воля Бога, и вѣрь, что воля Бога всегда добро, и ты ничего не будешь бояться, и жизнь для тебя всегда будетъ благомъ.

СМЕРТЬ.

СМЕРТЬ.

Если человѣкъ полагаетъ жизнь въ тѣлѣ, то жизнь его кончается со смертью тѣла. Если же человѣкъ полагаетъ жизнь въ духѣ, то онъ не можетъ даже представить себѣ конца своей жизни.

I.

Жизнь человѣка не прекращается со смертью его тѣла.

1. Вся жизнь человѣческая, отъ рожденія и до смерти, похожа на одинъ день жизни отъ пробужденія и до засыпанія.

Вспомни, какъ послѣ крѣпкаго сна просыпаешься поутру, какъ сначала не узнаешь мѣста, гдѣ ты, не понимаешь, кто стоитъ

подлѣ тебя, кто будитъ тебя, и тебѣ не хочется вставать, кажется, что силъ нѣтъ. Но вотъ понемногу опоминаешься, начинаешь понимать, кто ты и гдѣ ты, разгуливаешься, начинаютъ въ головѣ ходить мысли, встаешь и берешься за дѣла. То же самое или совсѣмъ похожее на это бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ рождается и понемногу вступаетъ въ жизнь, входитъ въ силу и разумъ и начинаетъ работать.

Разница только въ томъ, что когда человѣкъ спитъ и пробуждается, то все это дѣлается накороткѣ и въ одно утро, а когда человѣкъ рождается и возрастаетъ, то это дѣлается мѣсяцами, годами.

Похожа и дальше жизнь одного дня на всю жизнь человѣческую. Проснувшись, человѣкъ работаетъ, хлопочетъ и что дальше день, то онъ становится все бодрѣе и бодрѣе, но дойдетъ дѣло до полдня—и чувствуетъ человѣкъ уже не такую бодрость, какъ съ утра. А къ вечеру и еще больше устаетъ, и хочется уже отдохнуть. Совсѣмъ то же и во всей жизни.

Въ молодости бодрится, весело живетъ человѣкъ, но въ серединѣ жизни уже нѣтъ той бодрости, а къ старости уже чувствуется усталость и все больше и больше хочется отдыха.

И какъ послѣ дня приходитъ ночь, и ложится человѣкъ, и начинаютъ въ головѣ его мѣшаться мысли, и онъ, засыпая, уходитъ куда-то и не чуетъ уже самъ себя,—то же и съ человѣкомъ, когда онъ умираетъ.

Такъ что пробужденіе человѣка, это—маленькое рожденіе, день отъ утра до ночи—маленькая жизнь, а сонъ—маленькая смерть.

2. Мы знаемъ, что когда гремитъ громъ, то молнія уже ударила, и потому громъ не можетъ убить, а все-таки мы всегда вздрагиваемъ отъ громового удара. То же и съ смертью.

Не разумѣющему смыслъ жизни человѣку кажется, что со смертью погибаетъ все, и онъ такъ боится ея и прячется отъ нея, какъ глупый человѣкъ прячется отъ громового удара, тогда какъ ударъ этотъ уже никакъ не можетъ убить его.

3. Оттого, что одинъ человѣкъ тихо шелъ отъ того мѣста, съ котораго я вижу, до того, гдѣ мнѣ ужъ болѣе не видно его, а другой прошелъ это мѣсто скоро, не стану же я думать, что тотъ, кто шелъ медленно, тотъ больше живетъ, чѣмъ тотъ, кто шелъ скоро. Я только одно знаю,—знаю то, что если я

видѣлъ, какъ человѣкъ, скоро ли или тихо—все равно, прошелъ мимо окна,—я знаю, что и тотъ и другой были до того времени, когда я увидалъ ихъ, и будутъ и послѣ того. То же и съ жизнью людей, короткую или длинную жизнь которыхъ я зналъ передъ ихъ смертью.

4. Вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ кого-нибудь, нельзя себя заставить вѣрить въ безсмертіе. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна.

5. Смерть, это—измѣненіе той оболочки, съ которой соединенъ нашъ духъ. Не надо смѣшивать оболочку съ тѣмъ, что вложено въ нее.

6. Помни, что ты не стоишь, а проходишь, что ты не въ домѣ, а въ поѣздѣ, который везетъ тебя къ смерти. Помни, что тѣло твое только проживаетъ или доживаетъ, а только одинъ духъ въ тебѣ живетъ.

7. Хотя я не могу ясно доказать этого, я все-таки знаю, что то разумное и свободное, нетѣлесное начало, которое живетъ во мнѣ, не можетъ умереть.

8. Если бы я даже ошибался, полагая, что души безсмертны, я былъ бы счастливъ и доволенъ своей ошибкой; и пока я живу, ни одинъ человѣкъ не будетъ въ силахъ отнять у меня эту увѣренность. Увѣренность эта даетъ мнѣ спокойствіе и полное удовлетвореніе.

Цицеронъ.

II.

Жизнь истинная внѣ времени, и потому для истинной жизни нѣтъ будущаго.

1. Смерть есть разрушеніе тѣхъ органовъ единенія съ міромъ, которые даютъ намъ представленіе о времени. И потому вопросъ о б у д у щ е м ъ не имѣетъ смысла по отношенію къ смерти.

2. Время скрываетъ смерть. Какъ только живешь во времени, то не можешь представить себѣ его прекращеніе.

3. Причина, почему представленіе о смерти не оказываетъ того дѣйствія, какое оно могло

бы оказать, заключается въ томъ, что мы, по своей природѣ, въ качествѣ дѣятельныхъ существъ, по настоящему совсѣмъ не должны думать о смерти.

Кантъ.

4. Вопросъ о томъ, есть ли загробная жизнь или нѣтъ ея, есть вопросъ о томъ, есть ли время произведеніе нашего ограниченнаго тѣломъ способа мышленія или необходимое условіе всего существующаго?

То, что время не можетъ быть необходимымъ условіемъ всего существующаго, доказывается тѣмъ, что мы сознаемъ въ себѣ нѣчто не подлежащее времени: свою жизнь въ настоящемъ. И потому вопросъ о томъ, есть ли или нѣтъ загробная жизнь, есть, собственно, вопросъ о томъ, что изъ двухъ реально: наше представленіе о времени или сознаніе нашей жизни въ настоящемъ.

5. Если человѣкъ полагаетъ свою жизнь въ настоящемъ, то для него не можетъ быть вопроса объ его жизни въ будущемъ.

III.

Смерть не можетъ быть страшна человѣку, живущему духовной жизнью.

1. Смерть такъ легко избавляетъ отъ всѣхъ затрудненій и бѣдствій, что невѣрующіе въ безсмертіе люди должны бы желать ея. Люди же, вѣрующіе въ безсмертіе, ожидающіе новой жизни, еще больше должны бы желать ее. Отчего же большинство людей не желаютъ ея? А оттого, что большинство людей живетъ тѣлесной, а не духовной жизнью.

2. Страданія и смерть представляются человѣку зломъ только тогда, когда онъ законъ своего плотскаго, животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни. Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго, только тогда для него становятся страшны страданія и смерть. И страданія и смерть, какъ пугала, со всѣхъ сторонъ ухаютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной закону разума и выражающейся въ любви. Страданія и смерть есть только

нарушеніе человѣкомъ закона своей жизни. Если бы человѣкъ жилъ вполнѣ духовной жизнью, для него не было бы ни страданій, ни смерти.

3. Вотъ толпа людей въ цѣпяхъ. Всѣ они приговорены къ смерти, и каждый день нѣкоторыхъ изъ нихъ убиваютъ на глазахъ у другихъ. Тѣ же, которые остаются, видятъ эти убійства, ожидаютъ своей очереди и ужасаются. Такова жизнь для людей, если они не понимаютъ смысла своей жизни. Если же человѣкъ понимаетъ то, что въ немъ живетъ Духъ Божій и онъ можетъ соединиться съ нимъ, то для такого человѣка нѣтъ смерти и потому не можетъ быть страха ея.

4. Бояться смерти—все равно, что бояться привидѣній, бояться того, чего нѣтъ.

5. Я люблю свой садъ, люблю читать книжку, люблю ласкать дѣтей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мнѣ не хочется умирать, и я боюсь смерти.

Можетъ случиться, что вся моя жизнь составлена изъ такихъ мірскихъ желаній и ихъ удовлетворенія. Если такъ, то мнѣ нельзя не бояться того, что прекращаетъ радости

отъ удовлетворенія такихъ желаній. Но если эти желанія измѣнились во мнѣ и замѣнились другимъ желаніемъ—исполнять волю Бога, отдаться Ему въ томъ видѣ, въ которомъ я теперь, и во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ которыхъ могу быть, то чѣмъ больше замѣнились мои тѣлесныя желанія духовными, тѣмъ менѣе страшна становилась мнѣ смерть. Если же совсѣмъ замѣнятся мои мірскія желанія однимъ желаніемъ—отдаться Богу. то и нѣтъ для меня ничего, кромѣ жизни, нѣтъ смерти.

Замѣнять мірское, временное, вѣчнымъ это—путь жизни и къ ея благу.

6. Для человѣка, живущаго для души, разрушеніе тѣла есть только освобожденіе, страданія же—необходимыя условія этого освобожденія. Но каково же положеніе человѣка, полагающаго свою жизнь въ тѣлѣ, когда онъ видитъ, что то одно, чѣмъ онъ живетъ,—его тѣло, разрушается, да еще и съ страданіемъ?

7. Животное умираетъ, не видя смерти и почти не страдая отъ страха ея. За что же человѣку дано видѣтъ ожидающій его конецъ, и почему онъ кажется ему такъ ужасенъ, что раздираетъ его душу иногда до того,

что заставляетъ убивать себя отъ страха смерти? Не могу сказать, отчего это, но знаю для чего: для того, чтобы сознательный, разумный человѣкъ переносилъ свою жизнь изъ жизни тѣлесной въ жизнь духовную. Перенесеніе это не только уничтожаетъ страхъ смерти, но дѣлаетъ ожиданіе смерти чѣмъ-то подобнымъ чувству путника, возвращающагося домой.

8. Жизнь не имѣетъ ничего общаго со смертью. Поэтому-то, вѣроятно, всегда и возрождается въ насъ нелѣпая надежда, затемняющая разумъ и заставляющая сомнѣваться въ вѣрности нашего знанія о неизбѣжности смерти. Тѣлесная жизнь стремится упорствовать въ бытіи. Она повторяетъ, какъ попугай въ баснѣ, даже въ минуту, когда его душатъ: „Это, это ничего!“

Аміель.

9. Тѣло, это—стѣны, ограничивающія духъ и мѣшающія ему быть свободнымъ. Духъ, не переставая, старается раздвинуть эти стѣны, и вся жизнь разумнаго человѣка состоитъ въ раздвиженіи этихъ стѣнъ, въ освобожденіи духа отъ плѣна тѣла. Смерть совсѣмъ освобождаетъ. И потому смерть не только не

страшна, но радостна для человѣка, живущаго истинной жизнью.

10. Человѣкъ, какъ животное, противится смерти, но, благодаря разуму, онъ всегда можетъ замѣнить это противленіе не только покорностью, но и согласіемъ.

11. Если смерть страшна, то причина этого не въ ней, а въ насъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ меньше онъ боится смерти.

Для святого нѣтъ смерти.

12. Ты боишься смерти, но подумай о томъ, что бы было съ тобой, если бы ты долженъ былъ вѣчно жить такимъ, какимъ ты есть?

13. Такъ же неразумно желать смерти, какъ и бояться ея.

14. Когда человѣка вылѣчили отъ смертельной болѣзни, и онъ опять живетъ, то это похоже на то, какъ когда возъ, которому надо ѣхать черезъ трясину, вытащили назадъ на эту же, а не на ту сторону. Черезъ трясину не миновать ѣхать.

15. Разумная жизнь подобна человѣку, не-

сущему далеко передъ собой фонарь, освѣщающій его путь. Такой человѣкъ никогда не доходитъ до конца освѣщеннаго мѣста,—освѣщенное мѣсто всегда идетъ впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нѣтъ смерти, потому что фонарь не переставая освѣщаетъ до послѣдней минуты, и уходишь за нимъ такъ же спокойно, какъ и во все продолженіе жизни.

IV.

Человѣкъ долженъ жить тѣмъ, что въ немъ безсмертно.

1. Сынъ живетъ въ отцовскомъ домѣ всегда, а поденщикъ только на время. И потому сынъ будетъ жить не такъ, какъ поденщикъ, будетъ заботиться объ отцовскомъ домѣ, а не думать, какъ поденщикъ, только о томъ, чтобы получить свою плату. Если человѣкъ вѣритъ, что жизнь его не кончается со смертью, то онъ будетъ жить, какъ сынъ въ домѣ отца. Если же жизнь только та, какая есть въ этомъ мірѣ, то онъ будетъ жить какъ поденщикъ,

стараясь воспользоваться всѣмъ, что можно въ этой жизни.

И всякому человѣку надо прежде всего рѣшить вопросъ, сынъ ли онъ хозяина или поденщикъ, совсѣмъ или не совсѣмъ онъ умираетъ со смертью тѣла. Когда же человѣкъ поймет, что есть въ немъ то, что смертно, есть и то, что безсмертно, то ясно, что и заботиться онъ будетъ въ этой жизни больше о томъ, что безсмертно, чѣмъ о томъ, что смертно,—будетъ жить не какъ работникъ, а какъ хозяйскій сынъ.

2. Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто установилъ въ своемъ сознаніи то новое отношеніе къ міру, которое не умѣщается въ этой жизни.

3. Кончается ли наша жизнь съ тѣлесной смертью, это вопросъ самой большой важности, и нельзя не думать объ этомъ. Смотря по тому, вѣримъ мы или нѣтъ въ безсмертіе, и поступки наши будутъ разумны или безсмысленны.

Поэтому главная наша забота должна быть о томъ, чтобы рѣшить вопросъ, совсѣмъ или не совсѣмъ умираемъ мы въ плотской смерти, и если не совсѣмъ, то что именно въ насъ безсмертно. Когда же мы поймемъ, что есть въ

насъ то, что смертно, и то, что безсмертно, то ясно, что и заботиться мы въ этой жизни должны больше о томъ, что безсмертно, чѣмъ о томъ, что смертно.

Голосъ, который говоритъ намъ, что мы безсмертны, есть голосъ живущаго въ насъ Бога.

По Паскалю.

4. Опытъ учитъ насъ тому, что многіе люди, знакомые съ ученіемъ о загробной жизни и убѣжденные въ ея существованіи, тѣмъ не менѣе предаются порокамъ и совершаютъ низкіе поступки, придумывая средства, какъ бы хитрѣе избѣжать грозящихъ имъ въ будущемъ послѣдствій ихъ поведенія. И въ то же время врядъ ли существовалъ когда-нибудь на землѣ хотя бы одинъ нравственный человѣкъ, который могъ бы примириться съ мыслью, что со смертью все кончается, и чей благородный образъ мыслей не возвысился бы до надежды на будущую жизнь. Поэтому мнѣ кажется болѣе соотвѣтствующимъ человѣческой природѣ и чистотѣ нравовъ обосновывать вѣру въ будущую жизнь на чувствахъ благородной души, чѣмъ, наоборотъ, основывать ея благородное поведеніе на надеждѣ на будущую жизнь.

Кантъ.

5. Одно только мы знаемъ несомнѣнно, что насъ ждетъ смерть. „Подобна ласточкѣ, пролетѣвшей черезъ комнату, жизнь человѣка“. Мы приходимъ невѣдомо откуда и уходимъ неизвѣстно куда. Непроницаемая тьма позади, густыя тѣни впереди. Какое значеніе будетъ имѣть для насъ, когда придетъ наше время, что мы ѣли вкусныя кушанья или не ѣли, носили мягкія одежды или не носили, оставили большое состояніе или не оставили никакого, пожинали лавры или были презираемы, считались учеными или невѣждами,— сравнительно съ тѣмъ, какъ мы употребили ввѣренный намъ Господиномъ талантъ.

Какую цѣну будетъ имѣть для насъ все это, когда потускнѣютъ наши глаза и сдѣлаются глухи наши уши. Спокойны въ тотъ часъ мы можемъ быть только тогда, когда, не переставая, не только берегли ввѣренный намъ талантъ духовной жизни, но увеличивали его до той степени, при которой уничтоженіе тѣла перестаетъ быть страшнымъ.

Генри Джорджъ.

6. Изъ завѣщанія мексиканскаго царя: „Все на землѣ имѣетъ свой предѣлъ, а самые могущественные и радостные падаютъ въ своемъ величіи и радости и повергаются

въ прахъ. Весь земной шаръ—только большая могила, и нѣтъ ничего на его поверхности, что бы не скрылось въ могилѣ подъ землею. Воды, рѣки и потоки стремятся къ своему назначенію и не возвращаются къ своему счастливому источнику. Всѣ спѣшатъ впередъ, чтобы похоронить себя въ глубинѣ безконечнаго океана. Того, что было вчера, уже нѣтъ нынче; и того, что есть нынче, не будетъ уже завтра. Кладбище полно прахомъ тѣхъ, которые когда-то были одушевлены жизнью, были царями, управляли народами, предсѣдательствовали въ собраніяхъ, предводительствовали войсками, завоевывали новыя страны, требовали себѣ поклоненія, раздувались тщеславіемъ, пышностью и властью.

Но слава прошла, какъ черный дымъ, выходящій изъ вулкана, и не оставила ничего, кромѣ упоминанія на страницѣ лѣтописца.

Великіе, мудрые, храбрые, прекрасные, —увы!—гдѣ они теперь? Всѣ они смѣшаны съ глиной, и то, что постигло ихъ, постигнетъ и насъ; постигнетъ и тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ.

Но мужайтесь вы всѣ—и знаменитые начальники, и истинные друзья, и вѣрные подданные,—будемъ стремиться къ тому Небу, гдѣ все вѣчно и гдѣ нѣтъ ни гніенія ни

уничтоженія.

Темнота—колыбель солнца, и для блеска звѣздъ нуженъ мракъ ночей".

Тетскуко Незагуалъ Копотль.
(Около 1460 года до Р. Х.)

7. Смерть неизбѣжна для всего рожденнаго такъ же, какъ и рожденіе неизбѣжно для всего смертнаго. Поэтому не должно сѣтовать на то, что неизбѣжно. Прежнее состояніе существъ неизвѣстно, среднее состояніе очевидно, будущее состояніе не можетъ быть познано,—о чемъ же заботиться и безпокоиться? Нѣкоторые люди смотрятъ на душу, какъ на чудо, а другіе говорятъ и слушаютъ про нее съ удивленіемъ, но никто ничего не знаетъ про нее.

Дверь неба открыта для тебя ровно настолько, насколько тебѣ нужно. Освободись отъ заботъ и тревогъ и направь свою душу на духовное. Пусть твои поступки будутъ руководимы тобою, а не событіями. Не будь изъ тѣхъ, цѣль поступковъ которыхъ—награда. Будь внимателенъ, совершай свой долгъ, оставь мысль о послѣдствіяхъ, такъ чтобы тебѣ было все равно, кончится ли дѣло пріятно или непріятно для тебя.

Индійская Багавадъ Гита.

8. Ты хочешь освобожденія отъ грѣховъ, и жизнь, ослабляя твое тѣло и его страсти, помогаетъ тебѣ. Отъ этого всегда безсознательно хочется впередъ—уйти изъ тѣла, изъ отдѣленности. Положи свою жизнь въ освобожденіи отъ грѣховъ,— и болѣзни, старость, всякія тѣлесныя невзгоды, смерть будутъ благомъ.

Ослабѣваешь, старѣешься, умираешь тѣломъ; духомъ же крѣпнешь, растешь, рождаешься.

9. Мы здѣсь въ положеніи пассажировъ на какомъ-то большомъ кораблѣ, у капитана котораго есть неизвѣстный намъ списокъ, гдѣ и когда кого высадить. Пока же насъ не высаживаютъ, что же мы можемъ дѣлать другое, какъ только то, чтобы, исполняя законъ, установленный на кораблѣ, стараться въ мирѣ, согласіи и любви съ товарищами провести опредѣленное намъ время.

10. Неужели тебя страшитъ перемѣна? Вѣдь ничто не дѣлается безъ перемѣны. Нельзя согрѣть воды безъ того, чтобы не совершилось превращенія съ дровами. Питаніе невозможно безъ измѣненія пищи. Вся мірская жизнь есть не что иное, какъ перемѣна.

Пойми, что ожидающее тебя превращеніе имѣетъ тотъ же точно смыслъ, что оно также необходимо по самой природѣ вещей. Надо заботиться объ одномъ, какъ бы не сдѣлать чего-нибудь противнаго истинной природѣ человѣческой, надо поступать во всемъ, какъ и когда она укажетъ.

Маркъ Аврелій.

11. Это ужасный міръ, если страданія въ немъ не производятъ добра. Это какое-то злое устройство, сдѣланное только для того, чтобы духовно и тѣлесно мучить людей. Если это такъ, то этотъ міръ, дѣлающій зло не для будущаго добра, но праздно, безцѣльно, такой міръ невыразимо безнравственъ. Онъ какъ будто нарочно заманиваетъ людей только для того, чтобы они страдали. Онъ бьетъ насъ съ рожденія, подмѣшиваетъ горечь ко всякой чашѣ счастья и дѣлаетъ смерть всегда грозящимъ ужасомъ. И конечно, если нѣтъ Бога и безсмертія, то понятно высказываемое людьми отвращеніе къ жизни: оно вызывается въ нихъ существующимъ порядкомъ или, скорѣе, безпорядкомъ,—ужаснымъ нравственнымъ хаосомъ, какъ его слѣдуетъ назвать.

Но если только есть Богъ надъ нами и вѣчность передъ нами, то измѣняется все.

Мы прозрѣваемъ добро въ злѣ, свѣтъ во мракѣ, и надежда прогоняетъ отчаяніе.

Какое же изъ двухъ предположеній вѣроятнѣе? Развѣ можно допустить, чтобы нравственныя существа—люди—были поставлены въ необходимость справедливо проклинать существующій порядокъ міра, тогда какъ передъ ними выходъ, разрѣшающій ихъ противорѣчіе? Они должны проклинать міръ и день своего рожденія, если нѣтъ Бога и будущей жизни. Если же, напротивъ, есть и то и другое, жизнь сама по себѣ становится благомъ и міръ мѣстомъ нравственнаго совершенствованія и безконечнаго увеличенія счастія и святости.

По Эразму.

12. Паскаль говоритъ, что если бы мы видѣли себя во снѣ постоянно въ одномъ и томъ же положеніи, а на яву—въ различныхъ, то мы считали бы сонъ за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ... Это не совсѣмъ справедливо. Дѣйствительность отличается отъ сна тѣмъ, что въ дѣйствительной жизни мы обладаемъ нашей способностью поступать сообразно нашимъ нравственнымъ требованіямъ; во снѣ же мы часто знаемъ, что совершаемъ отвратительные и безнравственные поступки,

не свойственные намъ, и не можемъ удержаться. Такъ скорѣе надо бы сказать, что если бы мы не знали жизни, въ которой мы были бы болѣе властны въ удовлетвореніи нравственныхъ требованій, чѣмъ во снѣ, то мы сонъ считали бы вполнѣ жизнью и никогда не усомнились бы въ томъ, что это не настоящая жизнь. Теперь наша вся жизнь отъ рожденія до смерти, съ своими снами, не есть ли, въ свою очередь, сонъ, который мы принимаемъ за дѣйствительность, за дѣйствительную жизнь и въ дѣйствительности которой мы не сомнѣваемся только потому, что не знаемъ жизни, въ которой наша свобода слѣдовать нравственнымъ требованіямъ души была бы еще болѣе, чѣмъ та, которой мы обладаемъ теперь.

13. Если этотъ крошечный кусочекъ жизни —твое все, такъ смотри же, сдѣлай изъ него все, что возможно.

Саидъ-Бенъ-Хамедъ.

14. „Какъ же жить, не зная, что насъ ожидаетъ?“ говорятъ люди. А между тѣмъ, когда живешь, не думая о томъ, что тебя ожидаетъ, а только для проявленія въ себѣ любви, только тогда начинается истинная жизнь.

15. Часто говорятъ: „мнѣ уже не къ чему, мнѣ уже помирать пора“. Все, что не къ чему, потому что помирать пора, не къ чему было и когда-либо дѣлать. А есть дѣло, которое всегда нужно, и чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ нужнѣе: дѣло души. Дѣло это въ томъ, чтобы улучшать свою душу.

16. Любовь уничтожаетъ не только страхъ смерти, но и мысль о ней. Старушка крестьянка за нѣсколько часовъ до смерти говорила дочери о томъ, что она рада тому, что умираетъ лѣтомъ . Когда дочь спросила: Почему? — умирающая отвѣчала,что она рада потому, что зимой трудно копать могилу, а лѣтомъ легко. Старушкѣ было легко умирать, потому что она до послѣдняго часа думала не о себѣ, а о другихъ.

Твори дѣла любви—и для тебя не будетъ смерти.

17. Какое бы ты ни дѣлалъ дѣло, будь готовъ всегда бросить его. Такъ и примѣривайся,—можешь ли отлѣпиться. Тогда только и дѣлаешь хорошо то дѣло, которое дѣлаешь.

Ожиданіе смерти учитъ этому.

18. Когда ты явился на свѣтъ, ты плакалъ

а кругомъ всѣ радовались; сдѣлай же такъ, чтобы, когда ты будешь покидать свѣтъ, всѣ плакали, а ты одинъ улыбался.

V.

Памятованіе смерти помогаетъ духовной жизни.

1. Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали думать, они признали, что ничто такъ не содѣйствуетъ нравственной жизни людей, какъ памятованіе о тѣлесной смерти. Ложно же направленное врачебное искусство ставитъ себѣ цѣлью избавлять людей отъ смерти и научаетъ ихъ надѣяться на избавленіе отъ тѣлесной смерти, на удаленіе отъ себя мысли о тѣлесной смерти, и тѣмъ лишаетъ людей главнаго побужденія къ нравственной жизни.

2. Для того, чтобы заставить себя поступать хорошо, почаще вспоминай о томъ, что непремѣнно очень скоро умрешь. Только представь себѣ живо, что ты наканунѣ смерти, и ты навѣрное не будешь ни хитрить, ни

обманывать, ни лгать, ни осуждать, ни бранить, ни злобствовать, ни отнимать чужое. Наканунѣ смерти можно дѣлать только самыя простыя добрыя дѣла: помочь другому, утѣшить, оказать ему любовь. А эти дѣла и всегда самыя нужныя и радостныя. Отъ этого хорошо всегда, а особенно, когда запутался, думать о смерти.

3. Когда люди знаютъ, что пришла смерть, они молятся, каются въ грѣхахъ, чтобы быть готовыми съ чистой душой прійти къ Богу. Но вѣдь мы каждый день понемногу умираемъ и всякую минуту можемъ совсѣмъ умереть. И потому надо бы намъ не дожидаться смертнаго часа, а всякую минуту быть готовыми.

А быть готовыми къ смерти—значитъ жить хорошо.

Затѣмъ-то и стоитъ всегда смерть надъ людьми, чтобы они всегда были готовы умереть, а готовясь умереть, жили бы хорошо.

4. Ничего нѣтъ вѣрнѣе смерти, того, что она придетъ для всѣхъ насъ. Смерть вѣрнѣе, чѣмъ завтрашній день, чѣмъ наступленіе ночи послѣ дня, чѣмъ зима послѣ лѣта. Отчего же мы готовимся къ завтрашнему дню, къ

ночи, къ зимѣ, а не готовимся къ смерти? Надо готовиться и къ ней. А приготовленіе къ смерти одно—добрая жизнь. Чѣмъ лучше жизнь, тѣмъ меньше страхъ смерти, и тѣмъ легче смерть. Для святого нѣтъ смерти.

5. Какъ скоро тебѣ придется умереть! А все еще ты не можешь освободиться отъ притворства и страстей, не можешь отстать отъ предразсудка считать, что мірское внѣшнее можетъ вредить человѣку, не можешь сдѣлаться кроткимъ со всякимъ.

Маркъ Аврелій.

6. Если сомнѣваешься и не знаешь, какъ поступить, представь себѣ, что ты умрешь къ вечеру, и сомнѣніе тотчасъ же разрѣшается: тотчасъ же ясно, что дѣло долга и что личныя желанія.

7. Въ виду смерти вся жизнь становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна. Въ виду смерти мы не можемъ не работать ту работу, которая опредѣлена намъ въ этой жизни, потому что въ виду смерти нельзя усердно работать ничего другого. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостной, и нѣтъ того страха

смерти, который отравляетъ жизнь людей, не живущихъ въ виду смерти.

8. Живи такъ, какъ будто ты сейчасъ долженъ проститься съ жизнью, какъ будто время, оставленное тебѣ, есть неожиданный подарокъ.

Маркъ Аврелій.

9. Живи до вѣку и до вечера. Работай, какъ будто будешь жить вѣчно, а поступай съ людьми, какъ будто умрешь сейчасъ.

10. Сознаніе близости смерти учитъ людей тому, чтобы умѣть кончать свои дѣла. Изъ всѣхъ же дѣлъ есть только одно дѣло, которое всегда совсѣмъ закончено: это дѣло любви въ настоящемъ.

11. Жизнь съ забвеніемъ смерти и жизнь съ сознаніемъ ежечаснаго приближенія къ смерти—два совершенно различныя состоянія. Одно близко къ животному, другое—къ божественному.

12. Для того, чтобы жить и не мучиться, надо надѣяться на радости впереди себя. А какая же можетъ быть надежда радости,

когда впереди только старость и смерть? Какъ же быть? А такъ: чтобы полагать свою жизнь не въ тѣлесныхъ благахъ, а въ духовныхъ, не въ томъ, чтобы становиться ученѣе, богаче, знатнѣе, а въ томъ, чтобы становиться все добрѣе и добрѣе, любовнѣе и любовнѣе, все больше и больше освобождаться отъ тѣла,—тогда и старость и смерть станутъ не пугаломъ и мученіемъ, а тѣмъ самымъ, чего желаешь.

VI.

Умираніе.

1. Смертью мы называемъ и самое уничтоженіе жизни и минуты или часы умиранія. Первое, уничтоженіе жизни, не зависитъ отъ нашей воли; второе же, умираніе, въ нашей власти: мы можемъ умирать дурно и умирать хорошо. Надо стараться умереть хорошо. Это нужно тѣмъ, кто остается.

2. Въ минуту смерти человѣка свѣча, при которой онъ читалъ исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхиваетъ болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь, свѣтомъ, освѣщаетъ ему все то, что прежде было во мракѣ, трещитъ, меркнетъ и навсегда потухаетъ.

3. Умирающій съ трудомъ понимаетъ все живое, но при этомъ чувствуется, что онъ не понимаетъ живого не потому только, что ослабѣли его умственныя силы, а потому что онъ понимаетъ что-то другое, такое, чего не понимаютъ и не могутъ понимать живые, и что поглощаетъ его всего.

4. Обыкновенно думаютъ, что жизнь старыхъ стариковъ не важна, что они только доживаютъ вѣкъ. Это неправда: въ глубокой старости идетъ самая драгоцѣнная, нужная жизнь и для себя и для другихъ. Цѣнность жизни обратно пропорціональна квадратамъ разстоянія отъ смерти. Хорошо бы было, если бы это понимали и сами старики и окружающіе ихъ. Особенно же цѣнна послѣдняя минута умиранія.

5. Прежде чѣмъ достигнуть старости, я старался хорошо жить; въ старости я стара-

юсь хорошо умереть; чтобы хорошо умереть, нужно умереть охотно.

Сенека

6. Боюсь ли я смерти? Кажется, не боюсь, но при приближеніи ея или мысли о ней не могу не испытывать волненія въ родѣ того, что долженъ испытывать путешественникъ, подъѣзжающій къ тому мѣсту, гдѣ его поѣздъ съ огромной высоты падаетъ въ море или подымается на огромную высоту вверхъ на баллонѣ. Человѣкъ, умирая, знаетъ, что съ нимъ ничего не случится особеннаго, что съ нимъ будетъ то, что было съ милліонами существъ, что онъ только перемѣнитъ способъ путешествія, но онъ не можетъ не испытывать волненія, подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ произойдетъ эта перемѣна.

7. Все въ жизни кажется очень простымъ; все связано, одного порядка и объясняется одно другимъ. Смерть же представляется чѣмъ-то совершенно особеннымъ, нарушающимъ все простое, ясное и понятное въ жизни. И поэтому люди большей частью стараются не думать о смерти. Это большая ошибка. Напротивъ, надо свести жизнь со смертью такъ, чтобы жизнь имѣла часть торжествен-

ности и непонятности смерти, и смерть часть ясности, простоты и понятности жизни.

ПОСЛѢ СМЕРТИ.

ПОСЛѢ СМЕРТИ.

Спрашиваютъ: «что будетъ послѣ смерти?» На этотъ вопросъ отвѣтъ только одинъ: тѣло сгніетъ и станетъ землею, это мы вѣрно знаемъ. О томъ же, что будетъ съ тѣмъ, что мы называемъ душою, мы ничего не можемъ сказать, потому что вопросъ: «что будетъ?» относится ко времени. Душа же внѣ времени. Душа не была и не будетъ. Она одна есть. Не будь ея, ничего бы не было.

Плотская смерть не конецъ жизни, а только перемѣна.

1. Когда мы умираемъ, то съ нами можетъ быть только одно изъ двухъ: или то, что мы считали собой, перейдетъ въ другое отдѣльное существо, или мы перестанемъ быть отдѣльными существами и сольемся съ Богомъ. Будетъ ли то или другое — въ обоихъ случаяхъ нечего бояться.

2. Смерть, это—перемѣна въ нашемъ тѣлѣ, самая большая, самая послѣдняя. Перемѣны въ нашемъ тѣлѣ мы, не переставая, переживали и переживаемъ: то мы были голыми кусочками мяса, потомъ стали грудными дѣтьми, потомъ выросли волосы, зубы, потомъ попадали зубы—выросли новые, потомъ стала расти борода, потомъ мы стали сѣдѣть, плѣшивѣть, и всѣхъ этихъ перемѣнъ мы не боялись.

Отчего же мы боимся послѣдней перемѣны?

Оттого, что никто не разсказалъ намъ, что съ нимъ случилось послѣ этой перемѣны. Но вѣдь никто не скажетъ про человѣка, если онъ уѣхалъ отъ насъ, не пишетъ намъ, что его нѣтъ, или что ему дурно тамъ, куда онъ пріѣхалъ, а скажетъ только, что нѣтъ о немъ извѣстій. То же самое и объ умершихъ: мы знаемъ, что ихъ нѣтъ среди насъ, но не имѣемъ никакого основанія думать, что они уничтожились или что имъ стало хуже послѣ того, какъ они ушли отъ насъ. То же, что мы не можемъ знать ни того, что будетъ съ нами послѣ смерти, ни того, что было съ нами до этой жизни, показываетъ только то, что намъ этого не дано знать, потому что не нужно знать. Одно мы знаемъ, что жизнь наша не въ перемѣнахъ тѣла, а въ томъ, что живетъ въ этомъ тѣлѣ,—въ душѣ. А душѣ не можетъ быть ни начала ни конца, потому что

она одна есть.

3. «Одно изъ двухъ: смерть есть полное уничтоженіе и исчезновеніе сознанія или же, согласно преданію смерть только перемѣна и переселеніе души изъ одного мѣста въ другое. Если смерть есть полное уничтоженіе сознанія и подобна глубокому сну безъ сновидѣній, то смерть-несомнѣнное благо, потому что пускай каждый вспомнитъ проведенную имъ ночь въ такомъ снѣ безъ сновидѣній и пусть сравнитъ съ этой ночью тѣ другія ночи и дни со всѣми ихъ страхами, тревогами и неудовлетворенными желаніями, которыя онъ испытывалъ и наяву и въ сновидѣніяхъ, и я увѣренъ, что всякій немного найдетъ дней и ночей счастливѣе ночей безъ сновидѣній. Такъ что, если смерть—такой сонъ, то я, по крайней мѣрѣ, считаю ее благомъ. Если же смерть есть переходъ изъ этого міра въ другой, и если правда то, что говорятъ, будто бы тамъ находятся всѣ прежде насъ умершіе мудрые и святые люди, то развѣ можетъ быть благо больше того, чтобы жить тамъ съ этими существами? Я желалъ бы умереть не разъ, а сто разъ, только бы попасть въ это мѣсто.

«Такъ что и вамъ, судьи, и всѣмъ людямъ, я думаю, слѣдуетъ не бояться смерти и помнить одно: для добраго человѣка нѣтъ никакого зла

ни въ жизни ни въ смерти».

Изъ рѣчи Сократа на судѣ.

4. Кто видитъ смыслъ жизни въ духовномъ совершенствованіи, не можетъ вѣрить въ смерть —въ то, чтобы совершенствованіе обрывалось. То, что совершенствуется, не можетъ уничтожиться; оно только измѣняется.

5. Смерть есть прекращеніе того сознанія жизни, которымъ я живу теперь. Сознаніе этой жизни прекращается, — это я вижу на умирающихъ. Но что дѣлается съ тѣмъ, что сознавало? Я не знаю этого и не могу знать.

6. Люди боятся смерти и желаютъ жить какъ можно дольше. Но если смерть есть несчастье, то не все ли равно умереть черезъ 30 или черезъ 300 лѣтъ? Много ли радости для приговореннаго къ смерти въ томъ, что товарищей его казнятъ черезъ три дня, а его черезъ 30 дней?

Жизнь, которая вся кончилась бы смертью, была бы самой смертью.

Сковорода.

7. Каждый чувствуетъ, что онъ не ничто, въ извѣстный моментъ вызванное къ жизни кѣмъ-то

другимъ. Отсюда его увѣренность, что смерть можетъ положить конецъ его жизни, но отнюдь не его существованію.

Шопенгауэръ.

8. Старики теряютъ память всего недавняго. А память вѣдь есть то, что связываетъ совершающееся во времени въ одно «я». У очень стараго человѣка это «я», здѣшнее, закончено и начинается новое.

9. Чѣмъ глубже сознаешь свою жизнь, тѣмъ меньше вѣришь уничтоженію ея въ смерти.

10. Я не вѣрю ни въ одну изъ существующихъ религій и потому не могу быть заподозрѣнъ въ томъ, что слѣпо слѣдую какому-либо преданію или вліяніямъ воспитанія. Но я въ продолженіе всей моей жизни думалъ настолько глубоко, насколько былъ способенъ, о законѣ нашей жизни. Я отыскивалъ его въ исторіи человѣчества и въ моемъ собственномъ сознаніи, и я пришелъ къ ненарушимому убѣжденію, что смерти не существуетъ; что жизнь не можетъ быть иная, какъ только вѣчная; что безконечное совершенствованіе есть законъ жизни, что всякая способность, всякая мысль, всякое стремленіе, вложенное въ меня, должно имѣть свое

практическое развитіе; что мы обладаемъ мыслями, стремленіями, которыя далеко превосходятъ возможности нашей земной жизни; что то самое, что мы обладаемъ ими и не можемъ прослѣдить ихъ происхожденія отъ нашихъ чувствъ, служитъ доказательствомъ того, что они происходятъ въ насъ изъ области, находящейся внѣ земли, и могутъ быть осуществлены только внѣ ея; что ничто не погибаетъ здѣсь на землѣ, кромѣ видимости, и что думать, что мы умираемъ, потому что умираетъ наше тѣло,— все равно, что думать, что работникъ умеръ потому, что орудія его износились.

Іосифъ Мадзини.

11. Если надежда на безсмертіе была бы обманъ, то ясно было бы, кто обманутые. Не тѣ низкія, темныя души, которыя никогда не подходили къ этой великой мысли, не тѣ сонные, легкомысленные люди, которые довольствовались чувственнымъ сномъ въ этой жизни и сномъ мрака въ будущей, не тѣ себялюбцы, узкіе совѣстью и мелкіе мыслью и еще болѣе мелкіе любовью, —не они. Они были бы правы, и выгода на ихъ сторонѣ. Обманутые— это были бы всѣ тѣ великіе и святые, которыхъ почитали и почитаютъ всѣ люди; обманутые всѣ тѣ, кто жилъ для чего-либо лучшаго, чѣмъ свое собственное счастье,

и отдалъ свою жизнь за благо людей.

Обманутые всѣ эти люди! Даже Христосъ тогда напрасно страдалъ бы, отдавая Свой духъ воображаемому Отцу, и напрасно думалъ бы, что проявляетъ Его Своею жизнью. Трагедія Голгофы вся была бы тогда только ошибка: правда была бы на сторонѣ тѣхъ, которые тогда смѣялись надъ Нимъ и желали Его смерти, и теперь была бы на сторонѣ тѣхъ, которые совершенно равнодушны къ тому соотвѣтствію съ человѣческой природой, которое представляетъ эта выдуманная будто бы исторія. Кого почитать-бы, кому вѣрить, если-бы вдохновеніе высшихъ существъ было бы только хитро придуманными баснями?

Паркеръ.

II.

Сущность перемѣны существованія, совершающейся при тѣлесной смерти, непостижима человѣческому уму.

1. Мы часто стараемся представить себѣ смерть, какъ переходъ куда-то, но такое представленіе ничего не даетъ намъ. Представить себѣ смерть такъ же невозможно, какъ невозможно представить себѣ Бога. Все, что мы мо-

жемъ узнать о смерти, это то, что смерть,—какъ и все, что исходитъ отъ Бога,—добро.

2. Спрашиваютъ: что будетъ съ душою послѣ смерти? Не знаемъ и не можемъ знать. Одно вѣрно — это то, что если идешь куда-нибудь, то навѣрное откуда-нибудь и вышелъ. Такъ и въ жизни. Если ты пришелъ въ эту жизнь, то откуда-нибудь вышелъ. Откуда или отъ кого вышелъ, туда или къ тому и придешь.

3. Я не помню ничего о себѣ до моего рожденія и потому думаю, что и послѣ смерти не буду ничего помнить о своей теперешней жизни. Если будетъ жизнь послѣ смерти, то такая, какую я не могу представить себѣ.

4. Вся жизнь человѣческая есть рядъ, непонятныхъ наблюденію, но подлежащихъ ему, измѣненій. Но начало этихъ измѣненій, совершившихся при рожденіи, и конецъ ихъ—совершающихся въ смерти—не подлежатъ даже и наблюденію.

5. Для меня важно одно: знать, чего Богъ хочетъ отъ меня. А это выражено вполнѣ ясно и во всѣхъ религіяхъ и въ моей совѣсти, и по-

тому мое дѣло въ томъ, чтобы выучиться исполнять все это и на это направить всѣ мои силы, твердо зная, что если я посвящу свои силы на исполненіе воли Хозяина, Онъ не оставитъ меня, и со мной будетъ то самое, что должно быть и что хорошо для меня.

6. Никто не знаетъ, что такое смерть, и, однако, всѣ ея страшатся, считая ее величайшимъ зломъ, хотя она можетъ быть и величайшимъ благомъ.

Платонъ.

7. Если мы вѣримъ, что все, что случалось съ нами въ нашей жизни, случалось съ нами для нашего блага, мы не можемъ не вѣрить и въ то, что то, что случается съ нами, когда мы умираемъ, должно быть нашимъ благомъ.

8. Никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ знаетъ то, что есть Богъ и будущая жизнь. Я не могу сказать, что знаю несомнѣнно, что есть Богъ и мое безсмертіе, но я долженъ сказать, что я чувствую и то, что есть Богъ, и то, что мое «я» безсмертно. Это значитъ, что вѣра моя въ Бога и другой міръ такъ связаны съ моей природой, что вѣра эта не можетъ быть отдѣлена отъ меня.

По Канту.

9. Люди спрашиваютъ: что будетъ послѣ смерти? На это надо отвѣтить такъ: если ты точно не языкомъ, а сердцемъ говоришь: да будетъ воля Твоя, какъ на землѣ, такъ и на небѣ, то-есть какъ во временной этой жизни, такъ и во внѣвременной, и знаешь, что воля Его есть любовь, то тебѣ нечего и думать о томъ, что будетъ послѣ смерти.

10. Христосъ, умирая, сказалъ: «Отецъ, въ руки твои отдаю духъ Мой». Если кто говоритъ эти слова не однимъ языкомъ, а всѣмъ сердцемъ, то такому человѣку ничего больше не нужно. Если духъ мой возвращается къ Тому, отъ Кого исшелъ, то для духа моего ничего, кромѣ самаго лучшаго, быть не можетъ.

III.

Смерть—освобожденіе.

1. Смерть — это разрушеніе того сосуда, въ которомъ былъ нашъ духъ. Не надо смѣшивать сосудъ съ тѣмъ, что влито въ него.

2. Когда мы рождаемся, наши души кладутся въ гробъ нашего тѣла. Гробъ этотъ—наше

тѣло—постепенно разрушается, и душа наша все больше и больше освобождается. Когда же тѣло умираетъ по волѣ Того, Кто соединилъ душу съ тѣломъ, душа совсѣмъ освобождается.

По Гераклиту.

3. Какъ отъ огня топится воскъ въ свѣчѣ, такъ отъ жизни души уничтожается жизнь тѣла. Тѣло сгораетъ на огнѣ духа и сгораетъ совсѣмъ, когда приходитъ смерть. Смерть уничтожаетъ тѣло такъ же, какъ строители уничтожаютъ лѣса, когда зданіе готово.

Зданіе—духовная жизнь, лѣса—тѣло. И тотъ человѣкъ, который построилъ свое духовное зданіе, радуется, когда умираетъ, тому, что принимаются лѣса его тѣлесной жизни.

4. Думаемъ мы, что при смерти кончается жизнь потому, что мы считаемъ жизнью жизнь тѣла отъ рожденія до смерти. Думать такъ о жизни все равно, что думать, что прудъ это не вода въ пруду, а его берега, и что если бы ушла вода изъ пруда, уничтожилась бы та вода, которая была въ пруду.

5. Все въ мірѣ растетъ, цвѣтетъ и возвращается къ своему корню. Возвращеніе къ своему корню означаетъ успокоеніе, согласное съ

природой. Согласное съ природой означаетъ вѣчное; поэтому разрушеніе тѣла не заключаетъ въ себѣ никакой опасности.

Лао-Тсе.

6. Когда въ послѣднія, предсмертныя минуты духовное начало оставляетъ тѣло, мы навѣрное знаемъ, что тѣло оставляется тѣмъ, что живило его, и перестаетъ быть отдѣльнымъ отъ вещественнаго міра, соединяется съ нимъ. О томъ же, переходитъ ли духовное начало въ другую, опять ограниченную, форму жизни или соединяется съ тѣмъ безвременнымъ, внѣпространственнымъ началомъ, которое давало ему жизнь, мы ничего не знаемъ и не можемъ знать.

7. Человѣкъ, всю жизнь стремившійся къ покоренію своихъ страстей, въ чемъ препятствовало ему его тѣло, не можетъ не радоваться освобожденію своему отъ него. А смерть вѣдь есть только освобожденіе. Вѣдь совершенствованіе, о которомъ мы не разъ говорили, состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить, насколько возможно, душу отъ тѣла и пріучить ее собираться и сосредоточиваться внѣ тѣла въ себѣ самой; смерть же даетъ это самое освобожденіе. Такъ развѣ не было бы странно, что человѣкъ, всю жизнь готовящійся жить такъ, что бы быть какъ можно

свободнѣе отъ власти тѣла, въ ту минуту, когда освобожденіе это готово совершиться, былъ бы недоволенъ имъ? И потому, какъ мнѣ ни жалко разставаться съ вами и опечалить васъ, я не могу не привѣтствовать смерти, какъ осуществленія того, чего я достигалъ въ продолженіе жизни.

Изъ Прощальной бесѣды Сократа съ учениками.

8. Не вѣритъ въ безсмертіе только тотъ, кто не думалъ по-настоящему о жизни.

Если человѣкъ только тѣлесное существо, то смерть—конецъ чего-то столь ничтожнаго, что не стоитъ и сожалѣть о немъ. Если же человѣкъ существо духовное, и душа только временно живетъ въ тѣлѣ, то смерть только перемѣна.

9. Мы боимся смерти только потому, что считаемъ собою то орудіе, которымъ мы призваны работать,—свое тѣло. А стоитъ привыкнуть считать собою то, что работаетъ орудіемъ,—духъ, и не можетъ быть страха. Человѣкъ, считающій свое тѣло только даннымъ ему для работы орудіемъ, испытываетъ въ минуту смерти только сознаніе неловкости, которое испыталъ бы работникъ, когда у него отнято прежнее орудіе, которымъ онъ привыкъ работать, а новое не дано еще.

10. Человѣкъ видитъ, какъ зарождаются, растутъ, крѣпнутъ, плодятся растенія и животныя и какъ потомъ слабѣютъ, портятся, старѣются и умираютъ.

То же самое видитъ человѣкъ и на другихъ людяхъ, и то же самое знаетъ человѣкъ и про свое тѣло, знаетъ, что оно состарится, испортится и умретъ, какъ и все, что родится и живетъ на свѣтѣ.

Но, кромѣ того, что онъ видитъ по другимъ существамъ и на себѣ, каждый человѣкъ знаетъ въ себѣ еще то, что не портится и не старѣется, а, напротивъ, нѣчто такое, что чѣмъ больше живетъ, тѣмъ больше крѣпнетъ и улучшается: знаетъ каждый человѣкъ въ себѣ свою душу, съ которой не можетъ быть того, что совершается съ тѣломъ. И потому страшна смерть только тому, кто живетъ не душою, а тѣломъ.

11. Одного мудреца, говорившаго о томъ, что душа безсмертна, спросили: «Ну, а какъ же, когда міръ кончится?» Онъ отвѣчалъ: «Для того, чтобы душа моя не умерла, не нужно міра».

12. Душа не живетъ въ тѣлѣ, какъ въ домѣ, а какъ странникъ въ чужомъ пристанищѣ.

Индійскій Куранъ.

13. Жизнь человѣческую можно представить такъ: движеніе по коридору или трубѣ, сначала свободное, легкое, потомъ, при все большемъ и большемъ саморасширеніи, все болѣе и болѣе стѣсненное, трудное. Во время движенія человѣкъ все ближе и ближе видитъ передъ собой полный просторъ и видитъ, какъ идущіе передъ нимъ скрываются, исчезая въ этомъ просторѣ.

Какъ же, чувствуя всю напряженность, сдавленность движенія, не желать поскорѣе дойти до этого простора? И какъ же не желать и бояться приближенія къ нему?

14. Чѣмъ жизнь наша становится духовнѣе, тѣмъ болѣе мы вѣримъ въ безсмертіе. По мѣрѣ того, какъ природа наша удаляется отъ животной грубости, уничтожаются и наши сомнѣнія.

Покрывало снимается съ будущаго, мракъ разсѣивается, и мы здѣсь уже чувствуемъ свое безсмертіе. М а р т и н о.

15. Тотъ, кто ложно понимаетъ жизнь, всегда будетъ ложно понимать и смерть.

16. Знающій другихъ людей—уменъ, знающій самого себя—просвѣщенъ.

Побѣждающій другихъ—силенъ; побѣждающій самого себя—могущественъ.

Тотъ же, кто знаетъ, что, умирая, онъ не уничтожается—вѣченъ.

Лао-Тсе.

IV.

Рожденіе и смерть суть тѣ предѣлы, за которыми жизнь наша скрыта отъ насъ.

1. Смерть и рожденіе — два предѣла. За этими предѣлами одинаковое что-то.

2. Смерть есть то же, что рожденіе. Съ рожденіемъ младенецъ вступаетъ въ новый міръ, начинаетъ совсѣмъ иную жизнь, чѣмъ жизнь въ утробѣ матери. Если бы младенецъ могъ разсказывать, что онъ испытывалъ, когда уходилъ изъ прежней жизни, онъ разсказалъ бы то же, что испытываетъ человѣкъ, уходя изъ этой жизни.

3. Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что я умеръ, прежде чѣмъ родился, и въ смерти возвращаюсь снова въ то же состояніе. Умереть и снова ожить съ воспоминаніемъ своего прежняго существованія,—мы называемъ обморо-

комъ; вновь пробудиться съ новыми органами, которые должны были вновь образоваться, значитъ родиться.

Лихтенбергъ.

4. Можно смотрѣть на жизнь, какъ на сонъ, а на смерть,—какъ на пробужденіе.

5. Когда люди умираютъ, куда они уходятъ? А туда, навѣрное, откуда приходятъ тѣ люди, которые рождаются. Приходятъ люди отъ Бога, отъ Отца нашей жизни, — отъ Него всякая жизнь и была, и есть, и будетъ. И уходятъ люди къ Нему же. Такъ что въ смерти человѣкъ только возвращается къ Тому, отъ Кого ишелъ.

Человѣкъ выходитъ изъ дома, и работаетъ, и отдыхаетъ, и ѣстъ, и веселится, и опять работаетъ, и, когда устанетъ, возвращается домой.

Такъ же и во всей жизни человѣческой: человѣкъ выходитъ отъ Бога, трудится, страдаетъ, утѣшается, радуется, отдыхаетъ и, когда намучится, приходитъ домой, туда, откуда вышелъ.

6. Развѣ мы не воскресли уже однажды изъ того состоянія, въ которомъ мы о настоящемъ знали меньше, чѣмъ въ настоящемъ зна-

емъ о будущемъ? Какъ наше предшествующее состояніе относится къ теперешнему, такъ теперешнее относится къ будущему.

Лихтенбергъ.

7. Ты пришелъ въ эту жизнь, самъ не зная какъ, но знаешь, что пришелъ тѣмъ особеннымъ я, которое ты есть; потомъ шелъ, шелъ, дошелъ до половины и потомъ вдругъ не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться съ мѣста, итти дальше, потому что не видишь того, что тамъ. Но вѣдь ты не видалъ также и того міра, въ который ты пришелъ, а вѣдь пришелъ же ты. Ты вошелъ во входныя ворота и не хочешь выходить въ выходныя. Вся жизнь твоя была только въ томъ, что ты шелъ все впередъ и впередъ въ тѣлесной жизни. Ты шелъ, торопился итти, и вдругъ тебѣ жалко стало того, что случается то самое, что ты, не переставая, дѣлалъ.Тебѣ страшна большая перемѣна, какая будетъ при смерти въ твоемъ тѣлѣ. Но вѣдь такая большая перемѣна случалась съ тобою и когда ты родился, и изъ этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротивъ, вышло такое хорошее, что ты и разстаться съ нимъ не хочешь.

V.

Смерть освобождаетъ душу изъ предѣловъ личности.

1. Смерть, это—освобожденіе отъ односторонности личности.

Отъ этого то, повидимому, и зависитъ выраженія мира и успокоенія на лицѣ у большинства покойниковъ. Покойна и легка обыкновенно смерть каждаго добраго человѣка; но умереть съ готовностью, охотно, радостно умереть — вотъ преимущество отрекшагося отъ себя, того, кто отказывается отъ жизни личности, отрицаетъ ее. Ибо лишь такой человѣкъ хочетъ умереть дѣйствительно, а не повидимому и, слѣдовательно, не нуждается и не требуетъ дальнѣйшаго существованія своей личности.

Шопенгауэръ.

2. Сознаніе Всего, заключенное въ предѣлы тѣла отдѣльнаго человѣка, стремится расширить свои предѣлы. Въ этомъ первая половина жизни людей. Человѣкъ въ первой половинѣ своей жизни все больше и больше любитъ предметы, людей, то-есть, выходя изъ своихъ предѣловъ, переноситъ свое сознаніе въ другія суще-

ства. Но какъ бы много онъ ни любилъ, онъ не можетъ уйти изъ своихъ предѣловъ и только въ смерти видитъ возможность разрушенія ихъ. Какъ же послѣ этого бояться смерти? Совершается нѣчто похожее на развитіе бабочки изъ гусеницы. Мы здѣсь гусеницы: сначала родимся, потомъ засыпаемъ въ куколку. Бабочкой же мы сознаемъ себя въ другой жизни.

3. Наше тѣло ограничиваетъ то божественное, духовное начало, которое мы называемъ душою. И это-то ограниченіе, какъ сосудъ, даетъ форму жидкости или газу, заключенному въ немъ, даетъ форму этому божественному началу. Когда разбивается сосудъ, то заключенное въ немъ перестаетъ имѣть ту форму, которую имѣло, и разливается. Соединяется ли оно съ другими веществами? Получаетъ ли новую форму? Мы этого ничего не знаемъ, но знаемъ навѣрное то, что оно теряетъ ту форму, которую оно имѣло въ своемъ ограниченіи, потому что то, что ограничивало, разрушилось. Это мы знаемъ, но не можемъ знать ничего о томъ, что совершится съ тѣмъ, что было ограничено. Знаемъ только то, что душа послѣ смерти становится чѣмъ-то другимъ и такимъ другимъ, о чемъ мы въ этой жизни судить не можемъ.

4. Говорятъ: «То только настоящее безсмертіе, при которомъ удержится моя личность». Да личность моя и есть то, что мнѣ болѣе всего отвратительно въ этомъ мірѣ, отъ чего я всею жизнью своей старался избавиться.

5. Если жизнь есть сонъ, а смерть—пробужденіе, то то, что я вижу себя отдѣленнымъ отъ всего существомъ, есть сновидѣніе, отъ котораго я надѣюсь пробудиться, умирая.

6. Только тогда и радостно умирать, когда устанешь отъ своей отдѣленности отъ міра, когда почувствуешь весь ужасъ отдѣленности и радость если не соединенія со всѣмъ, то хотя бы выхода изъ тюрьмы здѣшней отдѣленности, гдѣ только изрѣдка общаешься съ людьми перелетающими искрами любви. Такъ хочется сказать:—Довольно этой клѣтки. Дай другого болѣе свойственнаго моей душѣ, отношенія къ міру. —И я знаю, что смерть дастъ мнѣ его. А меня въ видѣ утѣшенія увѣряютъ, что и тамъ я буду личностью.

7. Подъ ногами морозная твердая земля, кругомъ огромныя деревья, надъ головой пасмурное небо, тѣло свое чувствую, занятъ мыслями, а между тѣмъ знаю, чувствую всѣмъ

существомъ, что и крѣпкая морозная земля, и деревья, и небо, и мое тѣло, и мои мысли — случайно, что все это только произведеніе моихъ пяти чувствъ, мое представленіе, міръ, построенный мною, что все это таково только потому, что я составляю такую, а не иную часть міра, что таково мое отдѣленіе отъ міра. Знаю, что стоитъ мнѣ только умереть, и все это для меня не исчезнетъ, но видоизмѣнится, какъ бываютъ превращенія въ театрахъ: изъ кустовъ, камней сдѣлаются дворцы, башни и т. п. Смерть произведетъ во мнѣ такое превращеніе, если я только не совсѣмъ уничтожусь, а перейду въ другое, иначе отдѣленное отъ міра, существо. И тогда весь міръ, оставаясь такимъ же для тѣхъ, которые живутъ въ немъ, для меня станетъ другимъ. Весь міръ такой, а не иной только потому, что я считаю собой такое, а не иное, такъ, а не иначе отдѣленное отъ міра существо. А способовъ отдѣленія существъ отъ міра можетъ быть безчисленное количество.

VI.

Въ смерти раскрывается то, что было непостижимо.

1. Всякому человѣку, чѣмъ дольше онъ живетъ, тѣмъ больше раскрывается жизнь: то, что было неизвѣстнымъ, становится извѣстнымъ. И такъ до самой смерти. Въ смерти же раскрывается все, что только можетъ познать человѣкъ.

2. Для умирающаго человѣка раскрывается что-то въ минуту смерти. «Ахъ, такъ вотъ что!» говоритъ почти всегда выраженіе лица умирающаго. Мы же, остающіеся, не можемъ видѣть того, что раскрылось ему. Для насъ раскроется послѣ, въ свое время.

3. Все открывается, пока живешь, какъ будто все выше и выше равномѣрно подвигаешься по равнымъ ступенямъ. Но наступаетъ смерть, и вдругъ или перестаетъ открываться то, что открывалось, или тотъ, кому открывалось, перестаетъ видѣть то, что открывалось прежде, потому что онъ видитъ что-то новое, совершенно другое.

4. То, что умираетъ, отчасти причастно уже вѣчности. Кажется, что умирающій говоритъ съ нами изъ-за гроба. То, что онъ говоритъ намъ, кажется намъ повелѣніемъ. Мы представляемъ его себѣ почти пророкомъ. Очевидно, что для того, который чувствуетъ уходящую жизнь и открывающійся гробъ, наступило время значительныхъ рѣчей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится въ немъ, не можетъ уже скрываться.

Аміель.

5. Всѣ бѣдствія открываютъ намъ въ насъ то божественное, безсмертное, самодовлѣющее, которое составляетъ основу нашей жизни. Главное же, по людскому сужденію, бѣдствіе—смерть—открываетъ намъ вполнѣ наше истинное я.

ЖИЗНЬ БЛАГО.

ЖИЗНЬ — БЛАГО.

Жизнь человѣка и благо его во все большемъ соединеніи души, отдѣленной тѣломъ отъ другихъ душъ и отъ Бога, съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена. Соединеніе это дѣлается тѣмъ, что душа, проявляясь любовью, все больше и больше освобождается отъ тѣла. И потому, если человѣкъ понимаетъ то, что въ этомъ освобожденіи души отъ тѣла и жизнь и ея благо, то жизнь его, несмотря ни на какія бѣдствія, страданія и болѣзни, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только ненарушимымъ благомъ.

I.

Жизнь есть высшее, доступное человѣку, благо.

1. Жизнь, какая бы она ни была, есть благо, выше котораго нѣтъ никакого. Если мы говоримъ, что жизнь зло, то мы говоримъ это только въ сравненіи съ другой, воображаемой, лучшей

жизнью, но вѣдь мы никакой другой лучшей жизни не знаемъ и не можемъ знать, и потому жизнь, какая бы она ни была, есть высшее для насъ благо.

2. Мы часто пренебрегаемъ благомъ этой жизни, разсчитывая гдѣ-то получить большее благо. Но такое большее благо нигдѣ никогда не можетъ быть, потому что намъ въ жизни нашей дано такое великое благо — благо жизни, выше котораго ничего нѣтъ и не можетъ быть.

3. Этотъ міръ не шутка, не юдоль испытанія и перехода въ міръ лучшій, вѣчный, а этотъ міръ, тотъ, въ которомъ мы сейчасъ живемъ, это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ, который прекрасенъ, радостенъ и который мы не только можемъ, но должны нашими усиліями сдѣлать прекраснѣе и радостнѣе для живущихъ съ нами и для всѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ.

4. Сдѣлать возможно лучшимъ каждое мгновеніе жизни, изъ какой бы руки судьбы, благопріятной или неблагопріятной, оно намъ ни выпадало на долю, это и есть искусство жизни и истинное преимущество разумнаго существа.

Лихтенбергъ.

5. Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ.

Достоевскій.

6. Нельзя сказать, чтобы служеніе Богу составляло назначеніе жизни. Назначеніе жизни человѣка всегда есть и будетъ его благо. Но такъ какъ Богъ хотѣлъ дать благо людямъ, то люди, достигая своего блага, дѣлаютъ то, что хочетъ отъ нихъ Богъ, исполняютъ Его волю.

II

Истинное благо въ настоящей, а не въ «загробной» жизни.

1. По ложному ученію, жизнь въ этомъ мірѣ —зло, благо же достигается только въ будущей жизни.

По истинному христіанскому ученію, цѣль жизни —благо, и благо это получается здѣсь.

Истинное благо всегда въ нашихъ рукахъ. Оно, какъ тѣнь, слѣдуетъ за доброй жизнью.

2. Если рай не въ тебѣ самомъ, то ты никогда не войдешь въ него.

Ангелусъ.

3. Не вѣрь, что жизнь эта только переходъ въ другой міръ и что хорошо намъ можетъ быть только тамъ. Это неправда. Намъ должно быть хорошо здѣсь, въ этомъ мірѣ. И для того, чтобы намъ было хорошо здѣсь, въ этомъ мірѣ, намъ нужно только жить такъ, какъ хочетъ Тотъ, Кто послалъ насъ въ него. И не говори, что для того, чтобы тебѣ хорошо было жить, надо, чтобы всѣ хорошо жили, жили по-Божьи. Это неправда. Живи самъ по-Божьи, самъ дѣлай усиліе, и самому тебѣ навѣрное будетъ хорошо и другимъ также отъ этого будетъ навѣрное не хуже, но лучше.

4. Самое обычное и вредное заблужденіе людей—думать, что они не могутъ получить въ этой жизни все то благо, какого они желаютъ.

5. Тѣ, которые утверждаютъ, что здѣшній міръ юдоль плача, мѣсто испытанія и т. п., а тотъ міръ есть міръ блаженства, какъ будто утверждаютъ, что весь безконечный міръ Божій прекрасенъ, или во всемъ мірѣ Божіемъ жизнь прекрасна, кромѣ какъ только въ одномъ мѣстѣ и времени, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ теперь. Странная была бы случайность. Развѣ это не очевидное непониманіе смысла и назначенія своей жизни?

6. Живи истинной жизнью— и много будешь имѣть противниковъ, но и противники твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь.

По Достоевскому.

7. Какъ странно и смѣшно просить Бога! Не просить надо, а исполнять Его законъ, быть Имъ. Одно разумное отношеніе къ Богу, это— то,чтобы быть благодарнымъ Ему за то благо, которое Онъ далъ мнѣ, одухотворивъ меня Собою.

Хозяинъ поставилъ своихъ работниковъ въ такое положеніе, что, исполняя то, что онъ показалъ имъ, они получаютъ высшее, доступное ихъ воображенію, благо (благо душевной радости), а они просятъ Его о чемъ-то. Если они просятъ, то это значитъ только то, что они не дѣлаютъ того, что имъ предназначено.

III.

Истинное благо найдешь только въ себѣ самомъ.

1. Богъ вошелъ въ меня и черезъ меня

ищетъ Своего блага. Какое же можетъ быть благо Бога? Только то, чтобы быть Собою.

Ангелусъ.

2. Мудрецъ говорилъ: я обошелъ всю землю, отыскивая благо. Я днемъ и ночью безъ устали искалъ его. Одинъ разъ, когда я уже совсѣмъ отчаялся найти это благо, голосъ внутри меня сказалъ мнѣ: благо это въ тебѣ самомъ. Я послушался этого голоса и нашелъ истинное, неизмѣнное благо.

3. Какого же тебѣ еще блага, когда въ тебѣ Богъ и весь міръ?

Ангелусъ.

4. Счастливы люди, если они ничего, кромѣ души своей, не называютъ своимъ. Счастливы они, если живутъ и среди корыстныхъ, и злыхъ, и ненавидящихъ ихъ людей,—счастье ихъ никто не можетъ отнять отъ нихъ.

Буддійское ученіе.

5. Чѣмъ лучше живутъ люди, тѣмъ они меньше жалуются на людей. А чѣмъ хуже живетъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ недоволенъ не собой, но другими.

6. Мудрецъ ищетъ всего въ себѣ, безумецъ —всего въ другомъ.

Конфуцій.

IV.

Жизнь истинная—жизнь духовная.

1. То, что мы называемъ счастьемъ и несчастьемъ нашего животнаго «я», внѣ нашей воли; но благо нашего духовнаго «я» зависитъ только отъ насъ: отъ покорности или непокорности волѣ Бога.

2. Все, что люди считаютъ несчастьемъ, зломъ, происходитъ отъ того, что человѣкъ считаетъ дѣйствительно существующей свою тѣлесную личность: Ивана, Петра, Мавру, Наталью, тогда какъ тѣлесная личность есть только предѣлы, въ которыхъ проявилось дѣйствительно существующее вѣчное Все. Это обманъ въ родѣ тѣхъ картинокъ, въ которыхъ фигура образуется изъ пустоты, ограниченной вѣтвями дерева. Человѣкъ можетъ сознавать собою то, что ограничено тѣломъ, и можетъ сознавать собою то Все, что въ немъ не ограничено тѣ-

ломъ. Въ первомъ случаѣ онъ рабъ, безсиленъ и подверженъ всякимъ бѣдствіямъ; во второмъ случаѣ онъ свободенъ, всемогущъ и не знаетъ зла.

3. Тотъ, кто положилъ свою жизнь въ освобожденіи своего духовнаго я отъ тѣла, не можетъ быть недоволенъ, потому что то, чего онъ желаетъ, всегда совершается.

4. Жизнь человѣческая, полная тѣлесныхъ страданій, всякую секунду могущая быть оборванной, жизнь эта, для того, чтобы не быть самой грубой насмѣшкой, должна имѣть смыслъ, такой, при которомъ значеніе жизни не нарушалось бы ни ея страданіями, ни ея продолжительностью или кратковременностью.

И такой смыслъ есть въ человѣческой жизни. Смыслъ этотъ— во все большемъ и большемъ сознаніи въ себѣ Бога.

5. «Иго Мое благо». Люди надѣваютъ на себя ярмо, не по нимъ сдѣланное, и впрягаются въ возъ не по ихъ силамъ. Ярмо не по себѣ и возъ не по силамъ — это жизнь для блага своего тѣла или для тѣлеснаго блага другихъ людей. Благо только во все большемъ и большемъ сознаніи въ себѣ бога. Только это ярмо сдѣлано

какъ разъ по силамъ людей, и ему-то учитъ и Іисусъ. Попробуйте и узнаете, какъ ладно и легко. Кто захочетъ узнать, правду ли Я говорю, пусть попытаетъ дѣлать то, что Я говорю,—сказалъ Іисусъ.

6. Жизнь человѣческая есть неперестающее возсоединеніе отдѣленнаго тѣломъ духовнаго существа съ тѣмъ, съ чѣмъ оно сознаетъ себя единымъ. Понимаетъ или не понимаетъ это человѣкъ, хочетъ онъ или не хочетъ, возсоединеніе это неудержимо совершается тѣмъ состояніемъ, которое мы называемъ жизнью человѣческой. Разница между людьми, не понимающими своего назначенія и не хотящими его исполнять, и понимающими его и желающими жить сообразно ему, въ томъ, что жизнь не понимающихъ этого есть не перестающее страданіе, жизнь же понимающихъ и исполняющихъ назначеніе—неперестающее, увеличивающееся благо.

Первые подобны упрямымъ животнымъ, которыхъ хозяинъ тащитъ веревкою за шею въ тотъ пріютъ, гдѣ животное найдетъ и защиту и кормъ. Животное напрасно мучитъ, душитъ себя, стараясь противиться хозяину. Оно будетъ приведено туда, куда должны прійти всѣ.

Вторые же подобны тому животному, ко-

торое, понявъ волю хозяина, идетъ свободно и радостно, куда его ведетъ хозяинъ, зная, что отъ исполненія воли хозяина ничего, кромѣ добра, быть не можетъ.

7. Ничто такъ очевидно не подтверждаетъ того, что дѣло жизни есть совершенствованіе, какъ то, что чего бы ты ни желалъ внѣ своего совершенствованія, какъ бы полно ни удовлетворилось твое желаніе, какъ скоро оно удовлетворено, такъ тотчасъ же уничтожается прелесть желанія.

Не теряетъ своего радостнаго значенія одно: сознаніе своего движенія къ совершенству.

Только это непрестающее совершенствованіе даетъ истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякій шагъ впередъ на этомъ пути несетъ за собой свою награду, и награда эта получается сейчасъ же. И ничто не можетъ отнять ее.

8. Тотъ, кто положилъ жизнь свою въ духовномъ совершенствованіи, не можетъ быть недоволенъ, потому что то, чего онъ желаетъ, всегда въ его власти.

П а с к а л ь.

9. Быть счастливымъ, имѣть жизнь вѣч-

ную, быть въ Богѣ, быть спасеннымъ—все это одно и то же: это—рѣшеніе задачи жизни. И благо это растетъ, человѣкъ чувствуетъ все болѣе сильное и глубокое овладѣваніе небесной радостью. И благу этому нѣтъ границъ, потому что благо это есть свобода, всемогущество, полное удовлетвореніе всѣхъ желаній.

Аміель.

V.

Въ чемъ истинное благо.

1. Настоящихъ благъ немного. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ.

Поэтому желать надо только того, что согласно съ общимъ благомъ. Кто направитъ свою дѣятельность на такую цѣль—пріобрѣтетъ себѣ благо.

Маркъ Аврелій.

2. Въ положеніяхъ людей есть соединеніе злого и добраго, но въ стремленіяхъ людей нѣтъ такого смѣшенія: стремленіе бываетъ или злое —въ исполненіи воли своего животнаго существа, или доброе—въ исполненіи воли Бога. От-

дайся человѣкъ первому стремленію, и онъ не можетъ не быть несчастенъ; отдайся второму, и для него не можетъ быть несчастья,— все благо.

3. Настоящаго добра никто не можетъ сдѣлать одинъ другому. Истинное добро можетъ сдѣлать человѣкъ только самъ себѣ. Истинное добро это въ одномъ: въ жизни для души, а не для тѣла.

4. Дѣлать добро, это—одно дѣло, про которое навѣрное можно сказать, что оно намъ навѣрное на пользу.

5. Человѣкъ проситъ, чтобы ему помогли люди или Богъ; а помочь ему никто не можетъ, кромѣ его самого, потому что помочь ему можетъ только его добрая жизнь. А это можетъ сдѣлать только онъ самъ.

6. Говорятъ, для того, кто дѣлаетъ добро, не нужно награды. Это правда, если думать, что награда будетъ не въ тебѣ и не сейчасъ, а въ будущемъ. Но безъ награды, безъ того, чтобы добро не давало радости человѣку, не могъ бы человѣкъ дѣлать добро. Дѣло только въ томъ, чтобы понимать, въ чемъ истинная награда. Истинная награда не во внѣшнемъ и будущемъ, а во внутреннемъ и настоящемъ: въ улучшеніи

своей души. Въ этомъ и награда и побужденіе къ дѣланію добра.

7. Одинъ святой жизни человѣкъ молился такъ Богу о людяхъ: «О, Боже! Будь милостивъ къ злымъ, потому что къ добрымъ Ты уже былъ милостивъ: имъ хорошо, потому что они добрые».

Саади.

VI.

Благо—въ любви.

1. Для того, чтобы навѣрное быть счастливымъ, надо только одно: люби, люби всѣхъ—и добрыхъ и злыхъ. Люби не переставая, и не переставая будешь счастливъ.

2. Мы не знаемъ и не можемъ знать, для чего мы живемъ. И потому нельзя бы было намъ знать, что намъ дѣлать и чего не дѣлать, если бы у насъ не было желанія блага. Это желаніе вѣрно указываетъ намъ, что намъ дѣлать, если только мы понимаемъ свою жизнь не какъ животное, а какъ душу въ тѣлѣ. И это самое благо, какого желаетъ наша душа, и дано намъ въ любви.

3. Никто никогда не уставалъ дѣлать себѣ добро. Но вѣдь самое большое добро, это—то, чтобы дѣлать то, чего душа хочетъ, а душа всегда хочетъ одного: любви отъ себя и къ себѣ. Положи жизнь свою въ этомъ увеличеніи любви, и ты увидишь, что благо твое всегда въ твоей власти.

4. Если есть добрый Богъ и Онъ сотворилъ міръ, то Онъ навѣрное сотворилъ его такъ, чтобы всѣмъ, — стало-быть, и намъ, людямъ, —было хорошо.

Если же нѣтъ Бога, то давайте сами жить такъ, чтобы намъ было хорошо. Для того же, чтобы намъ было хорошо, намъ надо любить другъ друга, надо, чтобы была любовь. А Богъ и есть любовь, такъ что мы опять придемъ къ Богу.

5. Жизнь моя— не моя, и потому и цѣлью ея не можетъ быть только мое благо: цѣлью ея можетъ быть только то, чего хочетъ Тотъ, Кто послалъ меня въ жизнь. Хочетъ же Онъ любви всѣхъ ко всѣмъ, того самаго, въ чемъ и мое и общее благо.

6. Человѣкъ отъ рожденія и до смерти хочетъ себѣ добра, и то, чего онъ хочетъ, то и

дано ему, если онъ его ищетъ тамъ, гдѣ оно есть: въ любви къ Богу и людямъ.

7. Говорятъ: «Любить людей непріятныхъ намъ—зачѣмъ?» А затѣмъ, что въ этомъ радость. Испытай это, и ты узнаешь, правда ли это.

8. Ничего, кромѣ смерти впереди, и ничего, кромѣ исполненія должнаго сейчасъ! Какъ это кажется безрадостно и страшно! А, между тѣмъ, положи свою жизнь только въ этомъ: во все большемъ и большемъ сейчасъ соединеніи любовью съ людьми и Богомъ, и то, что казалось страшнымъ, сдѣлается лучшимъ, ненарушимымъ благомъ.

VII.

Чѣмъ больше живетъ человѣкъ для тѣла, тѣмъ больше онъ лишается истиннаго блага.

1. Одни люди ищутъ блага во власти, другіе—въ любознательности, въ наукахъ, третьи —въ наслажденіяхъ. Эти три рода вожделѣній образовали три различныя школы, и всѣ философы всегда слѣдовали какой-либо изъ трехъ. Тѣ же, которые болѣе другихъ приблизились къ

истинной философіи, поняли, что всеобщее благо —предметъ стремленія всѣхъ людей—не должно заключаться ни въ одной изъ частныхъ вещей, которыми могутъ владѣть только одни, и которыя, будучи раздѣлены, скорѣе огорчаютъ ихъ обладателя отсутствіемъ недостающей части, чѣмъ доставляютъ наслажденіе той частью, которая ему принадлежитъ. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы имъ могли обладать всѣ сразу, безъ убыли его и безъ зависти, и чтобы никто не могъ потерять его помимо своей воли. И благо это есть: благо это въ любви.

Паскаль.

2. Что ты мечешься, несчастный? Ты ищешь блага, бѣжишь куда-то, а благо въ тебѣ. Нечего искать его у другихъ дверей. Если благо не въ тебѣ, то его нигдѣ нѣтъ. Благо въ тебѣ, въ томъ, что ты можешь любить всѣхъ,—любить всѣхъ не за что-нибудь, не для чего-нибудь, а для того, чтобы жить не своей одной жизнью, а жизнью всѣхъ людей. Искать блага въ мірѣ, а не пользоваться тѣмъ благомъ, какое въ душѣ нашей, все равно, что итти за водой въ далекую мутную лужу, когда рядомъ съ горы бьетъ чистый ключъ.

По Ангелусу.

3. Если ты хочешь настоящаго счастія, то не ищи его въ далекихъ странахъ, въ богатствѣ, въ почетѣ, не выпрашивай его у людей, не кланяйся и не борись съ ними изъ-за счастія. Такими средствами можно добыть имѣніе, важный чинъ и всякія ненужныя вещи, а настоящее счастіе, нужное каждому, добывается не отъ людей, не покупается и не выпрашивается, а дается даромъ. Знай, что все то, чего ты не можешь взять самъ, все то не твое и не нужно тебѣ. То же, что нужно тебѣ, ты всегда можешь взять самъ—своей доброй жизнью.

Да, счастіе не зависитъ ни отъ неба, ни отъ земли—только отъ насъ самихъ.

Одно только есть въ мірѣ благо, одно только оно нужно намъ. Какое же это благо? Жизнь въ любви. И добыть это счастье легко.

По Сковородѣ.

4. Благодареніе Богу за то, что Онъ сдѣлалъ нужное людямъ нетруднымъ, а трудное —ненужнымъ. Нужнѣе всего для человѣка счастіе, а счастливымъ быть легче всего. Благодареніе Богу!

Царствіе Божіе внутри насъ. Счастіе—въ сердцѣ, если въ немъ любовь.

Что было бы, если бы счастіе, нужное каж-

дому человѣку, давалось бы мѣстомъ, временемъ, состояніемъ, здоровьемъ, силою тѣла? Что было бы, если бы счастіе было или въ одной Америкѣ, или въ одномъ Іерусалимѣ, или во времена Соломона, или въ царскихъ чертогахъ, или въ богатствѣ, или въ чинахъ, или въ пустыняхъ, или въ наукахъ, или въ здоровьѣ, или въ красотѣ?

Развѣ возможно было бы всѣмъ людямъ жить въ одной Америкѣ или Іерусалимѣ, или жить въ одно и тоже время? Если бы счастіе было въ богатствѣ, или въ здоровьѣ, или въ красотѣ, то вѣдь тогда всѣ бѣдные, всѣ старики, всѣ больные, всѣ некрасивые были бы несчастны. Неужели Богъ лишилъ всѣхъ этихъ людей счастія? Нѣтъ, благодареніе Богу! Онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, сдѣлалъ такъ, что нѣтъ счастія въ богатствѣ, нѣтъ его ни въ чинахъ, ни въ красотѣ тѣла. Счастіе въ одномъ —въ доброй жизни, и это во власти каждаго.

5. Люди молятъ Бога помочь имъ въ томъ, что не въ нихъ, а Онъ всегда готовъ помочь имъ тѣмъ, что въ нихъ самихъ. А то они хотятъ, чтобы Онъ помогъ имъ, какъ они этого хотятъ, а не такъ, какъ Онъ этого хочетъ.

6. Просить Бога о томъ, чтобы кто-то далъ

намъ благо въ этой жизни, все равно, что человѣку, сидя надъ источникомъ, просить источникъ о томъ, чтобы онъ избавилъ человѣка отъ жажды. Нагнись и пей. Полное благо дано намъ. Надо только умѣть пользоваться имъ.

7. Если ты будешь считать благомъ то, что не въ твоей власти, ты будешь всегда несчастенъ. Пойми, что благо только то, что въ твоей власти, и твоего счастья никто не отниметъ у тебя.

VIII.

Человѣкъ не чувствуетъ блага жизни только тогда, когда онъ не исполняетъ закона жизни.

1. Если ты спрашиваешь, зачѣмъ зло? Я отвѣчаю вопросомъ: зачѣмъ жизнь? Зло затѣмъ, чтобы была жизнь. Жизнь проявляется въ освобожденіи отъ зла.

2. Если жизнь не представляется тебѣ великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разумъ твой ложно направленъ.

3. Если жизнь людей не радостна, то это только отъ того, что они не дѣлаютъ того, что нужно для того, чтобы жизнь была не перестающей радостью.

4. Когда мы говоримъ, что жизнь наша не есть благо, то мы подъ этими словами неизбѣжно подразумѣваемъ, что мы знаемъ какое-то благо больше, чѣмъ жизнь. А, между тѣмъ, мы не знаемъ и не можемъ знать никакого большаго блага, чѣмъ жизнь. И потому, если жизнь кажется намъ не благомъ, то виновата никакъ не жизнь, а мы сами.

5. Если кто говоритъ, что, дѣлая добро, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ, то это означаетъ только то, что то, что онъ считаетъ добромъ, не есть добро.

6. Знай и помни, что если человѣкъ несчастенъ, то онъ самъ въ этомъ виноватъ. Несчастны бываютъ люди только тогда, когда они желаютъ того, чего не могутъ имѣть; счастливы же тогда, когда желаютъ того, что могутъ имѣть.

Чего же люди не могутъ всегда имѣть, хотя желаютъ, и что могутъ всегда имѣть, когда желаютъ этого?

Не всегда могутъ люди имѣть то, что не

находится въ ихъ власти, не принадлежитъ имъ, то, что другіе могутъ отнять у нихъ,—все это не во власти людей. Во власти же людей только то, чему никто и ничто не можетъ помѣшать.

Первое, это—всѣ блага мірскія: богатство, почести, здоровье. Второе это—наша душа, наше духовное совершенствованіе. И въ нашей власти какъ разъ все то, что намъ нужнѣе всего для нашего блага,потому что ничто, никакія мірскія блага не даютъ истиннаго блага,а всегда только обманываютъ. Истинное же благо даютъ только наши усилія приближаться къ духовному совершенству, а усилія эти всегда въ нашей власти.

Съ нами поступлено такъ, какъ поступилъ бы добрый отецъ съ своими дѣтьми. Намъ не дано только то, что не можетъ дать намъ блага. Дано же все то, что нужно намъ.

Эпиктетъ.

7. Человѣкъ испортилъ себѣ желудокъ и жалуется на обѣдъ. То же и съ людьми, недовольными жизнью.

Мы не имѣемъ никакого права быть недовольными этой жизнью. Если намъ кажется, что мы недовольны ею, то это значитъ только то, что мы имѣемъ основаніе быть недовольными собой.

8. Человѣкъ сошелъ съ дороги, пришелъ къ рѣкѣ, загораждающей ему путь, и говоритъ, что тотъ, кто послалъ его итти, обманулъ его, и человѣкъ въ отчаяніи ломаетъ руки, стоя надъ рѣкой и бросается въ рѣку, проклинаетъ пославшаго его и погибаетъ въ ней, а не хочетъ знать того, что на томъ пути, съ котораго онъ сбился, были вездѣ мосты и всѣ удобства для путешествія. То же бываетъ и съ людьми, сбивающимися съ единаго истиннаго пути жизни. Они недовольны жизнью, часто губятъ себя только потому, что сошли съ этого пути, и не хотятъ признаваться въ своей ошибкѣ.

9. Не думай, чтобы недоумѣніе передъ смысломъ человѣческой жизни и непониманіе его представляло бы что-либо возвышенное или трагическое. Недоумѣніе человѣка передъ смысломъ жизни подобно недоумѣнію человѣка, попавшаго въ общество, занятое чтеніемъ хорошей книги. Недоумѣніе этого человѣка, не вслушивающагося или не понимающаго то, что читаютъ, и суетящагося среди занятыхъ людей, представляетъ не нѣчто возвышенное и трагическое, а что то смѣшное, глупое и жалкое.

10. Какъ человѣкъ, не привыкшій къ роскоши, но случайно попавшій въ нее, съ цѣлью

возвысить себя въ глазахъ людей дѣлаетъ видъ, что роскошь такъ привычна ему, что онъ не только не удивляется ей, но пренебрегаетъ ею, комъ возвышеннаго міровоззрѣнія пренебрежекомъ возвышеннаго міровозрѣнія пренебреженіе къ радостямъ жизни, дѣлаетъ видъ. что жизнь ему надоѣла, что онъ можетъ представить себѣ нѣчто гораздо лучшее.

11. Былъ такой благодѣтель, что хотѣлъ какъ можно больше добра сдѣлать людямъ, и сталъ онъ думать, какъ бы такъ сдѣлать, чтобы никого не обидѣть и чтобы всѣмъ было на пользу. Если раздавать добро прямо по рукамъ, то не сообразишь, кому давать, кто больше того стоитъ, а потомъ всѣхъ не уравняешь,—тѣ, кому не достанется, скажутъ: «Зачѣмъ тѣмъ далъ, а не намъ?»

И вздумалъ благодѣтель устроить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ много народа, постоялый дворъ и собрать въ этомъ дворѣ все, что только можетъ быть на пользу и на удовольствіе человѣку. И устроилъ благодѣтель во дворѣ теплыя горницы, и печи хорошія, и дрова, и освѣщеніе, и амбары, полные хлѣба всякаго, и подвалы съ овощами, и запасы плодовъ, и всякіе напитки, и кровати, и постели, и всякую одежду, и бѣлье, и обувь, и всего столько, что на мно-

гихъ и многихъ достанетъ. Сдѣлалъ такъ благодѣтель, а самъ ушелъ и сталъ дожидаться, что будетъ.

И вотъ, стали заходить добрые люди, поѣдятъ, попьютъ, переночуютъ, а то и переднюютъ, и день и два, и недѣлю. Другой разъ и возьмутъ что-нибудь изъ обуви и одежды, кому нужда. Уберутъ все, какъ было до прихода, чтобы другимъ прохожимъ можно было также пользоваться, и уйдутъ и только знаютъ благодарятъ непзвѣстнаго благодѣтеля.

Но вотъ разъ зашли во дворъ люди смѣлые, дерзкіе и недобрые. Сейчасъ расхватали все, что было по себѣ, и поднялась у нихъ изъза добра ссора. Сначала побранились, дошло дѣло до драки, тогда стали другъ у дружки отнимать, стали назло портить добро, только чтобы другому не доставалось. И когда довели дѣло до того, что перепортили все, что было, и стали сами зябнуть, и голодать, и терпѣть другъ отъ дружки обиды, тогда стали бранить хозяина, зачѣмъ онъ плохо устроилъ, не приставилъ караульщиковъ, мало добра заготовилъ, и зачѣмъ всякихъ плохихъ людей пускаетъ. Другіе же говорили, что и нѣтъ никакого хозяина, а постоялый дворъ самъ устроился.

И ушли эти люди изъ постоялаго двора голодные, холодные, сердитые, и только и дѣ-

лали, что всячески ругали другъ друга, и постоялый дворъ, и того, кто его устроилъ.

То же самое дѣлаютъ въ мірѣ люди, когда, живя не для души, а для тѣла, губятъ свою жизнь и жизнь другихъ людей, осуждаютъ не себя, а другъ друга или Бога, если признаютъ Его, или самый міръ, если не признаютъ Бога, а полагаютъ, что міръ самъ устроился.

IX

Только исполненіе закона жизни даетъ благо человѣку.

1. Надо быть всегда радостнымъ. Если радость кончается, ищи, въ чемъ ошибся.

2. Если человѣкъ недоволенъ своимъ положеніемъ, онъ можетъ измѣнить его двумя средствами: или улучшить условія своей жизни или улучшить свое душевное состояніе. Первое не всегда, второе всегда въ его власти.

Эмерсонъ.

3. Мнѣ кажется, что человѣкъ долженъ за первое правило себѣ поставить—быть счастливымъ и довольнымъ. Надо стыдиться, какъ

дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мнѣ что-нибудь не ладится, то мнѣ не разсказывать надо объ этомъ другимъ и не жаловаться, а поскорѣе постараться поправить то, что не ладится.

4. Исполненіе закона Бога—закона любви, дающаго высшее благо, возможно во всякомъ положеніи.

5. Мы всѣ въ этой жизни какъ неуки-лошади, обратанныя, введенныя въ хомутъ и оглобли. Сначала бьешься, хочешь жить для себя, по своей волѣ, ломаешь оглобли, рвешь сбрую, но не уйдешь, умаешься. И только, когда умаешься, забудешь о своей волѣ, подчинишься высшей волѣ и повезешь,—только тогда найдешь успокоеніе и благо.

6. Воля Бога совершится во всякомъ случаѣ, буду ли я или не буду исполнять ее; но отъ меня зависитъ быть противникомъ этой воли и лишить себя блага участія въ ней, или быть проводникомъ ея, втянуть ее въ себя, насколько она можетъ вмѣститься во мнѣ въ видѣ любви, и жить ею и испытывать ненарушимое благо.

7. «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко», сказано въ ученіи Христа. Слова эти значатъ то, что какъ бы тяжело ни было человѣку, какія бы горечи и бѣды ни напали на него, ему стоитъ только понять и принять въ сердцѣ истинное ученіе о томъ, что жизнь и ея благо въ соединеніи души съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена тѣломъ: съ душами другихъ людей и съ Богомъ, и сразу исчезаетъ все кажущееся зло. Стоитъ только человѣку полагать свою жизнь въ соединеніи любовью со всѣмъ живущимъ и съ Богомъ, и жизнь его тотчасъ же вмѣсто муки становится благомъ.

LR
T6545pu

459314
Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf (comp.)
Путь жизни. Т.2
[Title transliterated: Put' zhizni]

DATE.

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET